А. П. ПРИБЫЛЕВА-КОРБА и В. Н. ФИГНЕР

НАРОДОВОЛЕЦ
АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ
МИХАЙЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА

Серия „Историко-революционная библиотека“.

Ашешов, Ник. Андрей Иванович Желябов. Материалы для биографии и характеристики. С портретом А. И. Желябова. Стр. 159. Ц. 40 к.

Его же. Софья Перовская. Материалы для биографии и характеристики. С портретом С. Перовской. Стр. 142. Ц. 20 к.

Его же. А. Н. Радищев — первый русский республиканец. С портретом А. Р Радищева. Стр. 53. Ц. 12 к.

Его же. Н. И. Рысаков. Материалы для биографии и характеристики. С портретом Н. И. Рысакова. Стр. 58. Ц. 15 к.

Генкин, И. Из воспоминаний политического каторжанина. (1908—1914 гг.). I. Вологодский централ. II. По этапу. III. Орловский централ. IV. Невинноосужденные. Стр. 128. Ц. 15 к.

Его же. По тюрьмам и этапам. Стр. 482. Ц. 2 р.

Дейч, Л. Г. Дмитрий Александрович Клеменц. Со статьей В. И. Засулич. Стр. 40. Ц. 12 к.

Его же. С. М. Кравчинский. С приложением статьи В. И. Засулич. С портретом С. М. Кравчинского. Стр. 64. Ц. 15 к.

Его же. Русская революционная эмиграция 70-х годов. М. Бакунин, Л. Варынский, С Дикштейн, М. Драгоманов, Н. Жуковский, П. Кропоткин, П. Лавров, З. Ралли, А. Эльсниц и П. Ткачев. Стр. 87. Ц. 20 к.

Демор, Вл. П. М. В. Петрашевский (Буташевич). Биографический очерк. Стр. 32. Ц. 5 к.

Засулич, В. И. Революционеры из буржуазной среды. С биографическим очерком, написанным Л. Г. Дейчем, и портретом В. И. Засулич. Стр. 67. Ц. 20 к.

Новорусский, М. В. Записки шлиссельбуржца. 1887—1905. С портретами и рисунками. Стр. 245. Ц. 60 к.

Павлов-Сильванский, Н. П. Павел Иванович Пестель (ум. 13 июля 1826 г.). Биографический очерк. С портретами. Стр. 31. Ц. 8 к.

1 Марта 1881 года. Прокламации и воззвания, изданные после цареубийства. С предисл. Н. С. Тютчева. Стр. 28. Ц. 7 к.

Свитыч, В. С. Надгробное слово Александру II.—А. В. Долгушин. Заживо погребенные. (Из воспоминаний о политической каторге 80-х г.) Стр. 75. Ц. 12 к.

Сверчков, Д. Г. С. Посарь-Хрусталев. (Опыт политической биографии.) Стр. 50. Ц. 35 к.

. Туда и обратно. I. От Петербурга до Березова.—Совет Раб. Депут. по этапам. II. Мой побег. 800 верст на оленях. Стр. 63. Ц. 15 к.

Штрайх, С. Восстание Семеновского полка в 1820 г. Стр. 43. Ц. 12 к.

Щеголев, П. Е. Петр Григорьевич Каховский. Стр. 87. Ц. 25 к.

Бухбиндер, Н. А. Материалы для истории еврейского рабочего движения в России. Вып. I. Материалы для биографического словаря участников еврейского рабочего движения, с предисл. В. И. Невского. Стр. 142. Ц. 25 к.

Волкенштейн, Л. А. Из тюремных воспоминаний. Вступит. статья и примечания Р. М. Кантора. («Библиотека мемуаров».) Стр. 135. Ц. 1 р. 20 к.

Лемке, М. Политические процессы в России 1860-х г.г. по архивным материалам. Стр. 684. Ц. 3 р.

Прибылев, А. В. В динамитной мастерской.—Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца. Стр. 79. Ц. 60 к.

Титлинов, Б. В. Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860—1905 г.г. С предисл. и под редакцией Э. Э. Эссена. 2-е издание. Стр. 166. Ц. 70 к.

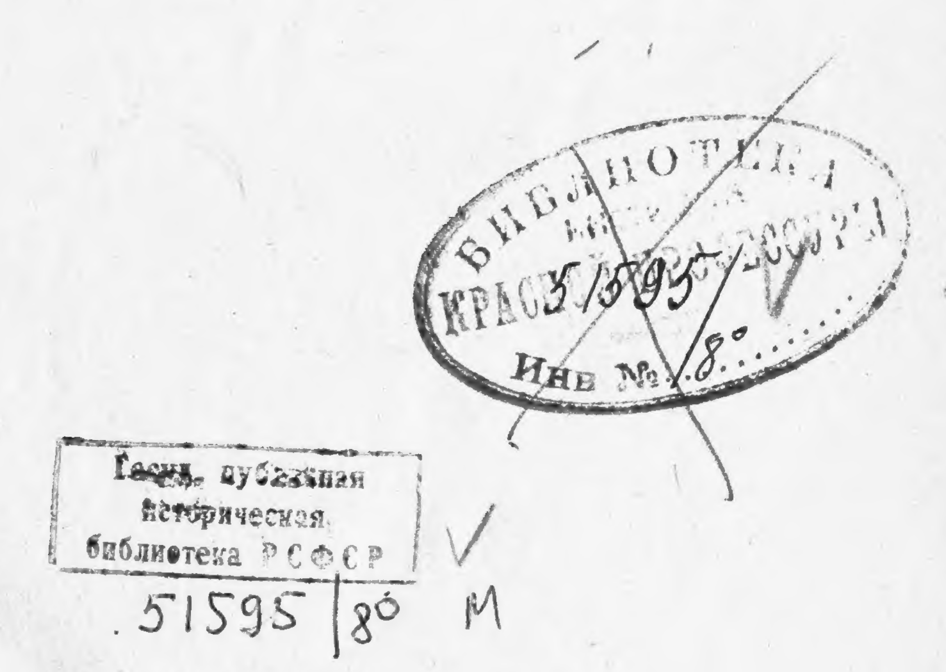
Черный Передел. Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 г.г. Памятники агитационной литературы. Т. I. Предисл. В. И. Невского. Вступительная статья О. В. Аптекмана. Стр. 355. Ц. 75 к.

Шелгунов, Н. В. Воспоминания. Ред., вступит. статья и прим. А. А. Шилова. («Библиотека мемуаров».) Стр. 317. Ц. 1 р.

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИАЛИСТИЧ. БИБЛИОТЕКА

А. П. ПРИБЫЛЕВА-КОРБА и В. Н. ФИГНЕР

А. Д. МИХАЙЛОВ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1925 — МОСКВА

ТИПОГРАФИЯ
ГОСУД. ИЗДАТ.
имени ГУТЕНБЕРГА.
ЛЕНИНГРАД,
СТРЕМЯННАЯ, 12.

Гиз. № 10714. Ленинградский Гублит № 1204. 5.000 экз

Александр Дмитриевич Михайлов

„Это—поэт, положительно поэт в душе.
„Он любит людей и природу одинаково
„конкретно, и для него весь мир про-
„никнут какою-то чисто человеческою,
„личною прелестью. Он даже формали-
„стом в организации сделался, именно,
„как поэт: организация для него—это
„такая же личность, такой же дорогой
„для него „человек“, делающий при том
„великое дело. Он заботился о ней с та-
„кою же страстной внимательной до ме-
„лочей преданностью, с какой другие за-
„ботятся о счастьи любимой женщины:“

Отзыв Желябова о А. Д. Михаилове.

„Он не чувствовал ни тяготы, ни напряжения, а шел свободной, уверенной поступью, как человек вполне знающий, куда и зачем он идет“.

Г. В. Плеханов.

Отдел I

ВСТУПЛЕНИЕ

А. Д. Михайлов.

Предлагаемая ныне читателям книга по праву принадлежит русскому народу, потому что и сам А. Д. Михайлов своими мыслями и стремлениями, своею богатою и обширною деятельностью, своей ожесточенной борьбой против самодержавия принадлежал крестьянству и всему рабочему люду. Он любил русский народ, этот народ-земледелец, вырастающий и всю жизнь работающий под непосредственным влиянием природы, которая научает его правильно мыслить, любить и искать правду. Под влиянием же природы образовался его прямой характер, не знающий ни изворотов, ни пагубных и низких страстей.

Никто не говорит, конечно, что русское крестьянство сплошь состоит из подобных идеальных личностей. Но перечисленные черты легли в основу того типа, в который сложилось русское земледельческое население. Эти свойства его привлекали издавна внимание и симпатии передовых умов интеллигенции.

Была еще другая, пожалуй, еще более значительная причина сочувствия русской интеллигенции народу. Она заключалась в безъисходной бедности крестьянства, и эта бедность возростала из года в год с приростом самого населения. Она являлась плодом вероломной политики Александра II, обещавшего освободить крестьян с землей, а потом, испугавшись богатых и знатных дворян, передавшего в их руки проекты, касавшиеся освобождения. Но эти дворяне вместе с тем были крупными помещиками, а потому являлись злейшими врагами народной свободы и наделения крестьян землей.

Вмешательство дворян в дело освобождения имело последствием, что во многих уездах и целых губерниях крестьяне были пущены почти что по миру. Наделы и тогда (в 1861 г.) еле могли прокормить крестьянские семьи, и тем не менее были обложены высокими выкупными платежами. Кроме них крестьяне обязаны были вносить в казну подати, которые оказывались непосильными для голодного и обнищалого населения.

Передовые писатели выясняли положение крестьянства и рабочих в России, настаивая на необходимости изменить условия их существования. Но так как самодержавие осталось глухим к голосу разума и справедливости, то наиболее энергичная часть интеллигенции

почувствовала необходимость действенного вмешательства в условия жизни народа.

Таким образом, на почве исторических фактов появились в 60-х годах первые вспышки революционных попыток, завершившихся покушением Каракозова на жизнь Александра II.

Поколение 60-х годов передало свою тревогу и свое душевное волнение следующему поколению. Мы все знаем, старые люди по личному опыту, а молодые из книг, как усилилось революционное движение и как быстро оно росло в 70-х, а потом в начале 80-х годов.

Все элементы трагедии были на-лицо. Реальные страдания народа, при этом высокая степень привлекательности психических черт страдающего, и враждебная ему сила, по размерам превосходящая все, что человеческое воображение может себе представить. И, действительно, в России разыгралась одна из величайших в мире трагедий.

Группы молодежи представляли собою авангард и застрельщиков всего населения. Они самоотверженно боролись со сказочной силой, какою было тогдашнее царское правительство. Соотношение величин, стоявших в то время друг против друга,—было столь несоразмерно, что лица, не принимавшие прямого участия в революционных кружках, не верили в серьезное значение самоотверженных усилий молодых поколений. Но первые победы революции в 70-х годах изменили шансы обоих сторон, а позднее, из каждого столкновения с революционными проявлениями, правительство выходило ослабленным, а часто и опозоренным.

Так длилась борьба десятки лет. И, подводя итоги этому пережитому времени, мы не можем не воскликнуть: Слава русской учащейся молодежи, понявшей умом и чутким сердцем безвыходное положение народа, который мучился, стонал и начинал вырождаться! Слава всем казненным, всем погибшим в крепостях, в тюрьмах, на каторге, в ссылке! Всем перенесшим тягчайшее заточение или ссылку, по своим условиям равнявшуюся тюремному заключению.

Слава А. Д. Михайлову, который шел в первых рядах сражавшейся молодежи, находясь всегда там, где опасность и гибель ожидались всего более, который ставил себе задачу охранять жизнь борцов за свободу народа, а когда того требовали обстоятельства борьбы, вел борцов в атаку на всесильного врага.

Деятелем иа общественном поприще А. Д. выступил в Петербурге в 1876 г., имея от роду не более 21 года. С революционным движением он впервые близко ознакомился в Киеве, где он основательно узнал не только программу пропагандистов, но и их самих. Рядом с последними существовали бунтари, которые произвели на него несравненно более сильное впечатление, и это понятно, так как

к бунтарям тогда принадлежали все выдающиеся революционеры юга России, и между ними были такие люди, как Чубаров, Осинский, Лизогуб, Давиденко и друг. Но именно то обстоятельство, что люди были талантливые, всецело преданные идее революции, а дело в их руках не подвигалось вперед, навело А. Д. на мысль, что в самой организации радикальной среды кроется ошибка, и ее нетрудно было найти. Радикалы делились на множество групп и кружков, ничем между собой не связанных, кроме случайного знакомства; все они были самостоятельны, действовали по собственному усмотрению и все были в достаточной мере бессильны. Такое положение вещей привело А. Д. к выводу, что необходима одна общая всероссийская революционная организация; но тогда она должна обладать всеми свойствами тайного общества, т.-е. будет построена по необходимости по принципу централизации и единства программы. Общая, единая и дорогая всем членам организации цель ее составит крепчайшую связь между ними.

Осенью того же года А. Д. приехал в Петербург уже сознательным народником, социалистом и революционером, каким остался до конца своей жизни, с готовым планом всероссийской революционной организации. Через киевских знакомых он сошелся с чайковцами, и именно в тот момент, когда для них назрел вопрос о пересмотре программы. Этот пересмотр состоялся зимой 1876/77 года, и тогда же чайковцы переименовались в группу народников, избрав своим девизом „Земля и Воля“.

Из „Автобиографии“ А. Д. мы узнаем, каким счастливым чувствовал он себя в это время. Он нашел в лице чайковцев лучших товарищей, каких можно желать: верных, любящих, опытных в революционных делах, которыми они руководили в течение четырех лет. Но наивысшую степень радости для А. Д. составляло то обстоятельство, что чайковцы в вопросе о пропаганде теперь решительно перешли на точку зрения народничества и свою деятельность основывали на интересах и нуждах крестьянства и рабочих. Даже в вопросе об организации группы, мнения А. Д. и его товарищей совпадали. И в эту группу народников А. Д. вступил в качестве члена учредителя.

Первое выступление народников состоялось 6 декабря 1876 г. на Казанской площади. Оно было вызвано тревожными и мрачными известиями, которые получались из крепости и тюрем, переполненных заключенными. Арестовали сотни молодых людей за пропаганду социалистических учений в деревнях или в рабочих кварталах. Тяжесть заключения усугублялась желанием правительства отбить охоту молодежи к дальнейшим попыткам проповедывать социалистические истины. Во многих тюрьмах режим был ужасен и приводил часто к скоротечной чахотке, к самоубийствам и иногда к умопомешательству. Казанская демонстрация явилась выразительницей чувства негодования, вызванного бесчеловечным содержанием заключенных.

Суд над демонстрантами происходил в январе 1877 г. и жестокость приговора поразила всех. Но в феврале последовал другой процесс над 50 пропагандистами.

В то время суды по политическим делам еще не происходили при закрытых дверях. Доступ в суд был по билетам, и А. Д. сумел проникнуть в залу заседаний. Впечатление, вынесенное им от процесса было так сильно, что через два года он не мог спокойно говорить о нем. Нельзя было смотреть без умиления, говорил А. Д., на эту молодежь, вся вина которой состояла в том, что они хотели поделиться своими знаниями с рабочими и крестьянами и в частности передать им то, что сами узнали из книг о социализме. Теперь эта чудная молодежь ожидала себе многолетнюю каторгу или, в лучшем случае, ссылку в Сибирь.

Участники ,,процесса 50-ти" были одни из первых отправившихся „в народ", но среди крестьян они не имели успеха, так как насущные нужды поглощали все помыслы крестьян и не оставляли им времени вникнуть в отвлеченные истины социализма.

Опыт, добытый столь дорогой ценой, не должен был пропасть бесцельно. Группа народников много раз обсуждала вопросы, касавшиеся устной пропаганды среди крестьян и решительно остановилась на полном изменении программы действия в деревнях. Народники пришли к выводу, что пропаганда не должна быть мимолетной и скоро проходящей. Следовательно, пропагандисты не должны быть разъединены, а должны образовать поселения, стараться пустить глубже корни в деревне и жить на месте, как можно дольше.

Цели пропаганды ставились реальнее. Она должна была основываться на нуждах крестьян и на фактах встречавшихся в жизни населения данной деревни. Пропагандисты имели в виду заронить в крестьянстве мысль о местных организациях, которые могли бы явиться первыми шагами в подготовке восстаний.

Часть группы народников отправилась на Волгу, чтобы там образовать прочные поселения, при чем было решено, что в Саратове будет находиться центр всех приволжских поселений.

А. Д. направился в Саратов в качестве одного из членов центра. На его обязанности лежало приискание мест, подходящих для поселений и оказание всякого рода помощи товарищам пропагандистам. Большую часть весны и лета 1877 года он провел в разъездах или путешествиях пешком по Саратовской губернии, отыскивая новые места, заводя связи и знакомства. Но у него была и своя собственная цель при этих передвижениях. Он искал сближения с староверческим миром. Все товарищи, писавшие об А. Д., говорят об его странствиях по Саратовской губернии, где он близко сошелся с одним из староверческих согласий. Но никто не описал это событие так ярко и подробно, как он сам в своих подследственных показаниях, составленных им вскоре после ареста. О них я буду говорить позднее, а сейчас скажу, что описание это изложено им 4 января

1881 года. Оно дает полное представление о целях, которые ставил себе А. Д., принимаясь за трудно-выполнимую задачу, ломая себя безжалостно, чтобы скрыть свою интеллигентную личность. Он старался во всем подражать крестьянам-староверам, чтобы их не отпугнуть от себя, тогда как он страстно желал проникнуть в их воззрения, чтобы узнать их сущность. И это удалось ему: последние страницы „Показаний“, относящиеся к саратовскому периоду его жизни, дышат душевным спокойствием и удовлетворенностью. Труды и испытания, которым он добровольно подвергал себя в течение целого года (с весны 1877 по весну 1878) дали результаты, которыми он остался доволен. Он покидал староверов и возвращался в Петербург с твердым намерением вернуться к ним, запасшись новыми знаниями и поддержанный товарищами, которых он надеялся увлечь за собой в мир протеста и осуждения царской власти. Но судьба иначе распорядилась его жизнью.

Возбуждение умов в радикальных кругах Петербурга весной 1878 года было очень велико. Тяжкие кары, преследовавшие пропагандистов, довели негодование против правительства и ненависть к нему до большого напряжения. Но раздался выстрел Веры Засулич, и все почувствовали облегчение; казалось, что найден путь из безвыходного положения, найдено средство от душившего всех кошмара. Оправдание В. Засулич судом присяжных и удачное спасение ее от жандармов, желавших ее снова арестовать, во много раз еще усилили восторженное настроение радикальной молодежи. Об этом свидетельствует большая демонстрация на похоронах студента Сидорацкого, погибшего при спасении В. Засулич.

Надо иметь в виду, что в то время в Петербурге было много молодежи, оправданной по „процессу 193“ или таких лиц, которым было зачтено в наказание заключение в Петропавловской крепости или в доме предварительного заключения. Между ними были выдающиеся будущие революционеры, как Желябов, Ланганс, Перовская, Якимова, Морозов, Лебедева, Тихомиров и другие. Всем грозил новый арест, но никто не хотел уезжать из Петербурга, и потому большинство перешло на нелегальное положение.

Произвол правительства, игнорировавший постановление суда сената об оправдании многих подсудимых из числа 193, а также отказ царской власти смягчить наказание по ходатайству суда для 12 подсудимых, приговоренных к продолжительным срокам каторги, взволновали молодежь еще более, и подняли волну негодования еще выше. Многие принимали решение бороться всеми силами против тирании правительства.

В это бурное время вернулся А. Д. из Саратовской губернии. Ознакомившись с обстоятельствами общественной жизни и с настроением радикального мира, он стал на сторону тех лиц, которые готовились к отпору правительству.

Уезжая год тому назад из Петербурга, А. Д. состоял членом группы народников; и теперь по возвращении это положение сохранилось за ним. Отсюда ясно, что он сразу был поглощен большим количеством работы и с болью в сердце должен был расстаться с надеждой вернуться к староверам, которые прощались с ним, огорченные его отъездом.

С самого начала 1878 года заметна перемена в настроении радикальной молодежи. Все более и более учащаются вооруженные сопротивления при арестах, не только на юге России, в Одессе и Киеве, но также в Петербурге и других северных городах. Учащаются также побеги и попытки оказать помощь извне при побегах, и вместе с тем чаще и чаще случаются нападения на особенно вредных слуг престола, а также на шпионов и предателей, и убийства подобных личностей. В ответ на эти проявления крайнего озлобления и мести правительство уничтожает суд присяжных для политических преступлений вследствие оправдания В. Засулич. Оно вводит для всей России институт урядников. Наконец восстановляет смертную казнь и начинает ее применение с Ковальского в Одессе.

После убийства Мезенцева объявляется указ о том, что все дела по политическим убийствам передаются военному суду, действующему по законам военного времени. В декабре 1878 г. запрещается носить оружие, но в мае 1879 года объявляется указ о вооружении полиции револьверами. Немедленно после покушения Соловьева издается правительственное распоряжение об учреждении всемогущих генерал-губернаторов, создающих свои законы, имеющих даже право произвольно, по собственному усмотрению, расширять границы своих владений. Дальше законодательное безумие не могло итти, и деятельность правительства временно сосредоточивается на многочисленных казнях. В августе 1879 года, очевидно, чтобы губернаторам не было обидно подчинение их генерал-губернаторам, им дается право назначать земских служащих, и вслед за тем земские и городские учреждения подчиняются контролю и воздействию губернаторов.

По мере того как правительство стремилось к безудержной реакции и беспощадно расправлялось со своими врагами, А. Д. отдавался со все возрастающей страстью новому направлению революционной мысли в России и стал одним из вожаков ее вместе с Морозовым, Оболешевым, Квятковским и Тихомировым.

Одно из первых дел, которым он руководил в это время, было освобождение Преснякова из полицейской части в Петербурге. А. Д. знал Преснякова с давних пор, очень ценил и любил его за сильный и смелый характер, и Пресняков не обманул возлагавшиеся на него надежды. Он остался мужественным и верным до последнего вздоха и не устрашился смерти на виселице.

Через 2½ месяца А. Д. участвует в попытке освобождения Войнаральского, когда жандармы везли его на почтовых лошадях из

Харькова в Борисоглебскую тюрьму. Это событие подробно описано у Н. А. Морозова в IV томе его книги „Повести моей жизни“ [1]) и потому я не стану на нем останавливаться; оно окончилось неудачей: Войнаральский не был освобожден, но благодаря находчивости А. Д. участники открытого нападения, успели во-время уехать из Харькова в Петербург. А. Д. настоял на том, чтобы все 7 человек участников немедленно покинули Харьков с первым отходящим поездом. Таким образом никто не пострадал за исключением Медведева-Фомина, который опоздал на поезд и был арестован на вокзале.

4 августа того же года убит шеф жандармов Мезенцев на утренней своей прогулке в 9 часов утра в Петербурге на углу Михайловской и Итальянской улицы. Как известно, двое участников были увезены на рысаке и исчезли бесследно от мести правительства. В этом успехе видна рука А. Д. Он не только участвовал в выработке плана этого дела, но присутствовал на Михайловской площади во время совершения самого акта, и удалился незамеченный после того, как лошадь умчала обоих исполнителей, Кравчинского и Баранникова. Об этом сообщает В. Л. Бурцев в заграничном издании журнала „Былое“ [2]).

С осени 1878 г. группа „Народников“ стала именоваться обществом „Земля и Воля“. Новое общество стремилось стать всероссийской организацией, с целью соединить под одним знаменем все радикальные кружки и таким образом создать силу, способную противостоять натиску правительства.

Акт 4 августа был первым и блестящим выступлением нового общества.

12 октября начались многочисленные аресты в Петербурге среди землевольцев, унесшие много видных членов из их среды, в том числе: Оболешева, Адриана Михайлова, О. А. Натансон, Коленкину, Малиновскую, Трощанского. Был в значительной степени разгромлен центр „Земли и Воли“. Уцелели от арестов человека 4—5, и на них свалилась вся тяжесть восстановления и пополнения пострадавшего центра. Но люди эти были выдающиеся по уму и энергии и среди них был А. Д. В один из последующих дней он сам попал было в руки жандармов на квартире Трощанского, но спасся благодаря быстроте своих ног, ловкости, находчивости и знания местности.

Прием новых членов в центр пополнил его ряды тотчас после арестов, и когда возвратились в Петербург несколько народников, вызванных из деревень, они застали уже деятельность „Земли и Воли“ в полном ходу. Даже денежные средства общества были удовлетворительны, благодаря поддержке друзей и сочувствующих. Типография уцелела, и в самое тревожное для землевольцев время вышел первый

---

[1]) Стр. 92—116.

[2]) № 4. Выпуск I, стр. 75. Издание перепечатано в Ростове-на-Дону в 1906 году.

номер их журнала, который получил название „Земля и Воля“ и который с своего основания до середины следующего года выходил в правильные сроки.

При таких, сравнительно, благоприятных условиях настал 1879 г., этот поворотный год в отношениях радикальной партии к правительству. К концу его она будет переименована в революционную партию, потому что началось время открытой войны с самодержавием и с царской властью вообще. Но такая перемена произошла после Липецкого и Воронежского съездов, начало же года ознаменовалось стачками рабочих на фабриках и заводах Петербурга. Эти события дали возможность проявиться способностям А. Д. в новой для него области. Прочтите, читатель, воспоминания Г. В. Плеханова об А. Д., и вы увидите, как он, не имея возможности посещать кварталы рабочих и сходки, потому что хорошо был известен петербургской полиции, умудрялся влиять на ход забастовки: поддерживал бодрость рабочих, направляя к ним талантливых агитаторов из молодежи, и снабжая бастующих денежными средствами, которые собирал через своих зажиточных знакомых.

С января же 1879 года началась служба Н. В. Клеточникова в III Отделении, куда он поступил по настоянию А. Д.[1]). Это на вид незначительное явление оказалось одним из важнейших событий истории революционного движения конца 70-х годов.

Служба Николая Васильевича вскоре стала щитом и громоотводом для всей организации „Земли и Воли“, а позднее для партии „Народной Воли“. Мысль о ней родилась в голове А. Д., и это проявление его большого созидательного таланта служит доказательством, как легко и далеко действовала сила его изобретательности.

Двум курсисткам стало известно, что некая содержательница меблированных комнат на углу Невского пр. и Надеждинской, Анна Кутузова, подозрительна в политическом отношении. Связи ее с III Отделением скоро были установлены. Вот и все данные, послужившие основанием смелого плана А. Д., через Кутузову проникнуть в III Отделение; а так как около того же времени приехал в Петербург Н. В. Клеточников и предложил свои услуги для выполнения террористического акта, то А. Д. стал убеждать его принести величайшую жертву, какую человек может принести, и войти в самое жерло вражеской силы. Так началось это замечательное явление. А. Д. вел сам сношения с Клеточниковым, и только ближайшие его товарищи по „Земле и Воле“ были посвящены в тайну служения Н. В. и того значения, какое он имел для охраны целости организации.

Уже в январе Клеточников предупредил о предательстве Рейнштейна и этим спас свободу Халтурина и целость „Земли и Воли“. Эти же разоблачения Клеточникова дали возможность пресечь в корне

[1]) „Былое“ 1906, № 1. Процесс 20-ти народовольцев. Стр. 272.

деятельность Рейнштейна. Провалив в Петербурге „Северный Рабочий Союз“, основанный Халтуриным и Обнорским, предатель почувствовал себя здесь небезопасным и перекочевал в Москву, где, опираясь на петербургские связи, он завел знакомства среди учащейся молодежи и в рабочих кружках.

Основная группа „Земли и Воли“ решила покончить с Рейнштейном. Для исполнения этого постановления в Москву отправились М. Р. Попов и другой его товарищ, фамилия которого до сих пор не была названа, но которая известна Н. А. Морозову. Этот второй участник не привлекался по делу об убийстве Рейнштейна, а попал в административную ссылку в Сибирь по другому более мелкому поводу. Окончив ссылку, он уехал за границу, на родину, так как был немецкий подданный, и никогда более в Россию не возвращался.

М. Р. Попов в своих воспоминаниях изображает нам А. Д. в момент, когда он вспылил, узнав от приезжавшего в Петербург, Михаила Родионовича, что дело Рейнштейна еще не окончено [1]).

Оно состоялось 26 февраля 1879 года, а две недели спустя произошло покушение Мирского на жизнь Дрентельна, заместителя Мезенцева. Нападение Мирского кончилось неудачей вследствие неловкости стрелявшего. Н. А. Морозов в своих „Воспоминаниях“ передает свое впечатление о том времени, когда он сам и А. Д. следили за Дрентельном, когда он выезжал из дома у Цепного моста.

На второй день пасхи 2 апреля 1879 года произошло покушение А. К. Соловьева на царя. Я не буду здесь касаться этого события, так как А. Д. сам описал его в своих показаниях на суде.

Отношения между правительством и радикальной партией обострялись более и более. Многие из членов общества „Земли и Воли“ горели желанием начать борьбу с тем, кто брал на себя ответственность за все происходившее в России, и не желал расстаться с правами своего единодержавного положения.

Но были и противники этих крайних стремлений, и к ним принадлежали люди с большим значением и весом в обществе „Земля и Воля“, как Г. В. Плеханов, М. Р. Попов и другие, а также народники, всецело преданные пропаганде в деревнях и считавшие невозможным внезапно прекратить дело, которое, правда, медленно подвигалось вперед, но все же шло удачно.

Этими разногласиями вызывалась ясно ощутимая потребность сговориться и выяснить будущее направление, которого будет держаться общество „Земля и Воля“. Так возникли состоявшиеся 17 и 20 июня 1879 года съезды — Липецкий и Воронежский, описание которых много раз появлялось в печати. Г. В. Плеханов и его единомышленники, равно как и народники, рассчитывавшие на то, что товарищи, стремившиеся к открытой борьбе с правительством, усту-

---

1) „Былое“ 1907 г., № 7. стр. 271.

пят на съезде убеждениям своих более благоразумных товарищей, одинаково ошиблись. Они остались в меньшинстве, и, видя такой исход Воронежского съезда, Г. В. Плеханов удалился. Когда же В. Н. Фигнер хотела его удержать, А. Д. сказал, что мнения разошлись слишком резко, и возвращать Плеханова не следует. Это были первые признаки расхождения.

Основание и развитие новой партии потребовали приложения огромных сил и огромной опытности в революционных делах. Велась агитация для ознакомления различных кругов населения с целями и задачами „Народной Воли". Привлекались новые члены партии среди рабочих, учащейся молодежи, в литературных кругах и среди интеллигенции вообще. Рассылались люди по провинциальным городам, где сохранились прежние связи; испытанных друзей и товарищей звали в ряды новой партии. Но для агитации в еще более широких размерах требовался типографский станок. И одной из первых забот Комитета явилось создание хорошо обставленной типографии. Она была основана в Саперном переулке; уже в сентябре в ней шла спешная работа, и первый номер „Народной Воли" вышел 1 октября.

Еще раньше должны были быть выработаны программа партии и устав Исполнительного Комитета.

С первого дня возникновения партии перед ней стояла задача, может быть труднейшая из всех, это борьба с царской властью, которая должна была выразиться в нападении на личность самого императора.

Для выполнения в короткий срок всей этой работы и достижения предстоявших тогда целей надо было обладать силами и талантами А. Д. и его товарищей по первому Исполнительному Комитету.

Осенью 1879 года А. Д. был послан Исполнительным Комитетом в Москву с очень сложными поручениями. Он должен был искать новые связи в Москве, а среди имевшейся уже в распоряжении Комитета молодежи положить начало московской группе. Ему также поручено было в ближайших окрестностях Москвы, в том месте, где пролегает железнодорожный путь Московско-Курской дороги, отыскать домик, который можно было бы приобрести путем покупки, с тем, чтоб из него вести подкоп под полотно железной дороги.

Во все время предстоящих работ А. Д. должен был оставаться в Москве, руководить предприятием и стараться устранять могущие встретиться препятствия. Он нашел домик, который потом был известен под именем дома Сухорукова. При осмотре будущие хозяева нашли его подходящим, и он был куплен. Вскоре начались подземные работы. Они подробно описаны А. Д. в его „Показаниях" от 14, 15 и 16 января 1881 года и могут служить образчиком того, с какими ужасающими трудностями приходилось А. Д. подчас сталкиваться в продолжение его революционной деятельности. Описание

его оканчивается словами: „работающий там (т.-е. в месте, которое получило название „склеп") походил на заживо зарытого, употребляющего последнее нечеловеческое усилие в борьбе со смертью. Здесь я первый раз в жизни заглянул ей в холодные очи, и к удивлению и удовольствию своему, остался спокоен".

А. Д. вернулся в Петербург после взрыва поезда под Москвой. Оказался взорванным не царский поезд, а следовавший за ним свитский. Эта ошибка произошла вследствие того, что час прибытия царя в Москву тщательно скрывался, и никто из железнодорожных служащих не выдал придворной тайны.

Через несколько дней после взрыва, а именно 24 ноября произошел арест Е. Н. Фигнер (сестры В. Н. Фигнер) и А. Квятковского, одного из любимейших друзей А. Д., который никогда не относился спокойно и безучастно к потере товарищей. Их гибель глубоко отзывалась в его сердце и оставляла в нем неизгладимые следы.

В ночь на 17 января 1880 г. произошла новая катастрофа: погибла народовольческая типография, сооруженная с такими огромными трудностями. Работавшие в ней молодые народовольцы мужественно защищались от вторжения полиции, выигрывая время для уничтожения документов, хранившихся в типографии.

Однако в пылу борьбы, которая тогда разгорелась, нельзя было останавливать внимание на потерях, как бы велики они ни были Исполнительный Комитет немедленно начал обдумывать план устройства новой временной типографии, поручив это дело А. Д. В мае она была уже готова, и первый номер „Листка Народной Воли" вышел в конце этого месяца.

В первых числах февраля стало известно, что в Париже арестован Гартман, хозяин дома под Москвой, из которого велся подкоп под полотно железной дороги. Для „Народной Воли" и ее Исполнительного Комитета освобождение Гартмана было в высшей степени важно и составляло для них вопрос чести. Поэтому Исполнительный Комитет забил тревогу и употребил все усилия для того, чтобы добиться от правительства Франции благоприятного результата. В тот же день было составлено воззвание к французскому народу и письмо к президенту республики, в котором Исполнительный Комитет обращался к нему с просьбой при обсуждении дела Гартмана, принять во внимание, что в России революционное движение ведется во имя завоевания свободы и гражданских прав, какими европейские народы давно пользуются, и потому освободить Гартмана из тюремного заключения.

Вечером, когда документы были готовы к отсылке, А. Д. снарядил молодого, тогда 20-летнего В. Иохельсона в Берлин, для отправки письма президенту. Воззвание к французскому народу Иохельсону было поручено разослать по редакциям наиболее распространенных французских газет. Он должен был также из Берлина отправить письмо Лаврову, в котором Исполнительный Комитет по-

ручал Петру Лавровичу вести переговоры с президентом французской республики от своего имени.

Вскоре в петербургских газетах появились телеграммы об освобождении Гартмана и о выезде его из пределов Франции.

Самое важное событие февраля 1880 года, это несомненно взрыв в Зимнем дворце, произведенный С. Халтуриным. В тот же самый день, 5 февраля, Пресняков убил предателя Жаркова. Это дело было организовано А. Д., и он выбрал день 5 февраля, когда ожидался конец предприятия Халтурина для того, чтоб усилить впечатление от революционных действий.

Время после взрыва во дворце было богато самыми яркими и выразительными политическими событиями. К ним относится назначение верховной распорядительной комиссии с председателем Лорис-Меликовым во главе. Одновременно закрывалось знаменитое III Отделение собственной его величества канцелярии, чтобы вслед за тем появиться в виде департамента государственной полиции министерства внутренних дел. Вместе с переводом III отделения состоялось перемещение Н. В. Клеточникова, который оказался чиновником переименованного учреждения, но служащим у того же начальника, как раньше.

19 февраля торжественно праздновалось 25-летие царствования Александра II, а на другой же день, т.-е. 20 февраля совершилось покушение Млодецкого на жизнь Лорис-Меликова. Оно произошло без ведома Исполнительного Комитета, было плохо обставлено, и Млодецкий был арестован на месте и казнен 22 февраля.

В первых числах мая начался процесс доктора Веймара, Адриана Михайлова, Ольги Натансон, Оболешева и др. Последние двое были особенно близки и дороги А. Д. Они были его любимыми товарищами с первых его шагов на революционном поприще в Петербурге. О. А. Натансон во время процесса была больна скоротечной чахоткой. После осуждения ее отдали на поруки отцу, и она вскоре умерла. А. Д. с болью в сердце следил за ее болезнью. Иногда от ее братьев он получал письма, в которых говорилось о ходе ее болезни.

В июне А. Д. по поручению Исполнительного Комитета уехал в южные губернии и вернулся только в августе. Он привез с собой деньги, пожертвованные сочувствующими лицами и необходимые для постановки большой типографии, а также для нового покушения на жизнь Александра II. Он привез также данные двух настоящих паспортов для типографии и для будущей лавки Кобозевых.

Его приезда ожидали с нетерпением для решения вопроса об этой лавке. Помещение для нее отыскал Баранников незадолго до возвращения А. Д., и она была одобрена видевшими ее членами Комитета; но хотелось узнать мнение такого компетентного в вопросах безопасности и практичности человека, как А. Д. Он остался доволен всеми условиями, связанными с лавкою на Малой Садовой ул., и она была нанята. Тогда начались хлопоты по изго-

товлению двух паспортов, о которых говорено выше. Ими занялись А. Д и С. Златопольский, который достиг совершенства в паспортных делах.

Октябрь и ноябрь были употреблены на устройство новой типографии в больших размерах, чем прежняя, и в подготовительных работах и хлопотах по устройству кобозевской лавки. „Распорядительная комиссия“, которая ведала и решала все текуще и неотложные дела Исполнительного Комитета, в это время часто собиралась в комнате А. Д., которую он нанимал в доме Фредерикса в Орловском переулке.

25 октября начался разбор дела 16 народовольцев в военно-окружном суде в Петербурге. Судили Квятковского, Преснякова, Ширяева, Зунделевича, Буха, Евг. Ник. Фигнер, С. А. Иванову и др. Квятковский и Пресняков были приговорены к смерти и казнены 4 ноября на стенах крепости.

Надо ли говорить о том, что известие о смерти обоих героев было принято А. Д. с глубоким волнением и негодованием по адресу врагов. Но в то время каждое известие о казни или о мучительстве над кем-либо отражалось в удвоенной энергии, прилагавшейся к революционной подпольной работе.

Обе смерти Квятковского и Преснякова носили в себе зародыш гибели А. Д. В его обширном сердце всегда находился уголок, посвященный памяти погибших за свободу и счастье народа. Он тщательно разыскивал их портреты, собирал о них сведения, не хотел, чтобы они остались неизвестными истории революционного движения в России.

Как читатели, может быть, уже знают, А. Д. был арестован в тот момент когда зашел в фотографию за заказанными им ранее карточками Квятковского и Преснякова.

Фотография эта находилась на Невском проспекте. Ее хозяин оказался агентом тайной полиции. Когда А. Д. накануне заходил справиться о карточках, жена шпиона-фотографа, стоя за стулом мужа, и с тревогой глядя на А. Д., провела рукой по своей шее, давая этим понять, что ему грозит быть повешенным.

В тот же день у А. Д. заседала распорядительная комиссия, и он сообщил товарищам о странном случае, который с ним был в это утро. Члены комиссии возмутились тем, что А. Д. рискует головой из-за карточек, и взяли с него слово, что он больше не пойдет в подозрительную фотографию. Он дал слово, вероятно, не вдумавшись в это происшествие и не придав ему надлежащего значения. Он не раз говорил, что не терпит в людях малодушия, и, проходя на другое утро мимо фотографии, подумал, вероятно, что не зайти за карточками и будет актом малодушия; наконец, имея столько дел, серьезных и важных на своей ответственности, он мог, не думая о фотографии, зайти в нее мимоходом, полусознательно.

Нет сомнения в том, что читатели, изучающие книгу, посвященную памяти народного героя, не раз будут потрясены до глубины души, и прежде всего тем обстоятельством, что этот человек, который являлся вождем русской революции в самом начале ее существования, который обладал светлым умом и организаторским талантом без примеси честолюбия или тщеславия, был варварски замучен Александром III.

Несомненно также, что „Показания", данные А. Д. на следствии, вызовут живой интерес в читателях, в виду чего мне хочется сказать несколько слов об общем характере и значении их; и именно для того, чтобы они стали читателям еще ближе, еще яснее. Я говорю яснее, так как „Показания" писались, под недремлющим оком следователей, и это не могло не отразиться на форме и способе их изложения.

В протоколе от 17 декабря 1880 года А. Д. пишет: „Как общественный деятель я пользуюсь ныне представившимся случаем дать отчет русскому обществу и русскому народу в моих поступках и ими руководивших мотивах и соображениях".

Таким образом, целью „Показаний" является общение человека, ожидающего смерть и готового ее принять, с любимым им народом и его будущими поколениями. В этом их большое и исключительное значение.

Сам автор предупреждает следователей, что прокурор в его „Показаниях" не найдет для себя ничего интересного. И действительно, если в показаниях встречаются имена, то это имена казненных, или приговоренных к продолжительным срокам каторги и, следовательно, упоминание о них вредить им не может.

По существу, „Показания" содержат в себе историю роста революционных идей и настроений в России. И вслед затем, как автор отмечает увеличение роста идеи и даже целого направления, он рисует те события или факты, в которых воплощалось идейное нарастание.

Но помимо исторической их ценности, „Показания" будут иметь глубокое нравственное и воспитательное значение. Излагая мысли и стремления, владевшие в годы его юности сердцами лучших тогдашних людей России, А. Д. тем самым знакомит подрастающие поколения с высокими принципами и светлыми идеалами.

Через толстые стены Петропавловской крепости, через головы жандармских подполковников и товарищей прокуроров петербургской судебной палаты, допрашивавших его, он решает вести беседу с огромной аудиторией, и гений не обманул его. Прошло 44 года, и мы слышим ныне его голос, мы читаем его мысли, изложенные им самим.

Когда-то в конце своей „Автобиографии" А. Д. сказал, что не знает другого человека, которого судьба так щедро наградила бы деловым счастьем, как его самого. И в данном случае то же самое

теперь мы можем повторить о нем. С кем еще был такой случай в летописях истории, чтобы через 44 года до новых поколений донесся голос человека, погибшего в сыром и темном каземате Алексеевского равелина. Голос этот принадлежал живому человеку; он спокоен, уверен в своей силе и передает то, что хотел сказать А. Д.

В современном читателе особый интерес возбудит мнение А. Д. о неизбежности революции в России. Он пишет об этом (29 декабря 1880 года), не колеблясь, как бы читая в книге будущих судеб. И не только поражает его уверенность в грядущей, тогда еще очень отдаленной революции, но полны значения все выводы и заключения, которые у него связаны с фактом революции. Все, что он говорит по ее поводу отмечено глубочайшей истиной и искренностью великого сердца.

При суждениях об этой части „Показаний“ А. Д. не надо упускать из вида, что писал он их, будучи пленником своих врагов. Безоружный в руках всесильных, под непосредственным наблюдением следователей, он спокойно и логически ~~доказывает, не им~~, а как мы убедились раньше, всероссийской аудитории, неизбежность гибели самодержавия в России. О своих врагах, которые вместе с тем и заклятые враги народной свободы, он говорит в третьем лице, как о презренной величине, имеющей огромное и роковое значение только потому, что с ней надо бороться для того, чтобы уничтожить ее.

---

17 января 1881 года писание „Показаний“ внезапно встретило препятствия со стороны следователей. Оценили ли они по достоинству документы, которых в силу судебных уставов они не имели права уничтожить, или спохватились, что А. Д. после себя оставляет записки, проникнутые для правительственной власти смертельным ядом, но только А. Д. пишет 7 июля 1881 года в дополнении к „Показаниям“: „по неизвестным причинам, я вынужден был следователями торопиться окончанием показаний“. Запись их прекратилась, но существуют еще два дополнения к „Показаниям“.

Первое от 15 апреля, в котором А. Д. отвечает на поставленный следователями вопрос, знал ли он о приготовлениях к цареубийству, совершившемуся 1 марта 1881 г. Он отрицает знание, ссылаясь на свой арест, происшедший за 3 месяца до 1 марта. На основании предъявленных ему карточек он признает знакомство с некоторыми из казненных первомартовцев, но отрицает знакомство с Н. В. Клеточниковым, Тетеркою и Фриденсоном.

Последнее показание от 7 июля полно живейшего интереса; оно является прямым дополнением декабрьских и январских показаний. Хотя А. Д. признает, что очень трудно, не перечитав прежних показаний, данных полгода назад, дополнить их новыми, но из желания передать позднейшим поколениям опыт, полученный его самоотверженными современниками и им самим, он пользуется последними

часами и минутами, предоставленными ему следователями, чтобы занести на бумагу эти выводы опыта.

Прежде всего он касается вопроса о влиянии, какое может иметь пропагандист в крестьянской среде. Он убежден, что только принципы, опирающиеся на мировоззрение самого народа и на кровные его интересы, могут иметь успех в его среде. Между прочим, он ссылается на пример первых пропагандистов в России, которые шли в деревню с проповедью социалистического учения. „Они в громадном большинстве случаев действовали безуспешно, а иногда даже попадали по отношению к народу в очень неловкое положение“, говорит А. Д. и причину их неудачи находит в том, что исходная точка, на которую они опирались, представляла из себя отвлеченные идеи, которые не были в состоянии увлечь или воодушевить крестьянскую массу. „Опыт обнаружил их ошибки, и „народники“, поставив на своем знамени исторический лозунг „Земля и Воля“, чутко прислушивались к говору масс, присматривались к ее обыденной жизни, отыскивая для каждого момента деятельности наиболее могучий рычаг. И их деятельность, сравнительно очень непродолжительная, не пропала без следа. „Народники“ имели большой успех в деревнях, благодаря тому, что опирались на желания самого народа. Везде, где они жили, они скоро приобретали друзей, передавали им свои планы и находили в них горячих и деятельных помощников. „Народникам“ удавалось сближение с народом, а затем они находили сочувствующих их надеждам и планам людей, решительных и способных, часто пользующихся местным авторитетом“.

Прекрасно то место „Показаний“, где А. Д. рисует переход к вооруженной борьбе с императорской властью. На этом описании „дополнение“ обрывается.

К самым большим ценностям наследия А. Д., принадлежат его письма. Их немного, всего 12, но в них вложен целый мир идей и мыслей и еще больше чувств и переживаний; начиная с самых нежных, когда речь идет о любимых родных его, и кончая бурными порывами гнева, когда он говорит о тогдашних врагах России, о самодержцах, ухвативших страну за горло, не дававших ей ни двигаться вперед, ни даже свободно дышать.

Когда читаешь письма А. Д., официально адресованные родным, то часто является мысль, что в письмах этих так же, как в своих „Показаниях“, он обращался к кругу читателей несравненно более обширному, чем тесные рамки семьи. Так, в письме к своей тетке А. О. Вартановой он подробно останавливается на условиях, какие требуются при воспитании для того, чтобы ребенок, ставши подростком, справился с отрицательными сторонами жизни и сумел бы противопоставить дурному влиянию среды собственные сознательные стремления к добру, к трудовой и полезной для других жизни, и таким образом мог бы сложиться характер будущего честного обще-

ственного деятеля. Он говорит об этих вопросах по поводу роли, какую играла в его воспитании тетка А. О. Вартанова. „Вы своим добрым и честным характером имели влияние на образование хороших задатков во мне,—пишет он в письме от 17 марта 1882 года.—С колыбели я был окружен добрыми, честными и справедливыми людьми. Житейская грязь, мелочные чувства, злоба, интриги чужды были нашей семье. Потом, когда я столкнулся с жизнью во всей ее наготе, понял только, что я счастлив своей семьей, что она одна из редких русских семей среднего состояния, так как в них обыкновенно царит кромешная тьма".

Будучи 12-летним А. Д. попадает в новгород-северскую гимназию. В письме говорится: „Теперь я уже умел сравнивать и оценивать свои мысли и поступки с тем, что видел в других. Я понял, что вокруг меня скверная жизнь, от которой надо сторониться".

А. Д. не поддался этой „скверной" жизни, как сделал бы подросток с дряблым и безвольным характером. Он предпочел перейти в наступление и одержал победу, первую свою победу над окружающим злом. Как он это сделал и к какому способу прибег, это мы узнаем из его „Показаний" (от 18 декабря 1880 г.), где говорится о первых годах его гимназической жизни. Он и некоторые из его товарищей по гимназии основали маленькую библиотеку из сочинений лучших русских писателей. Было собрано 150 томов, которыми могли пользоваться все гимназисты. Читали группами, потому что не хватало книг для всех желающих. „Пьянство и картежная игра, так недавно поглощавшие молодые силы и время гимназистов, были изгнаны, как позорные занятия", читаем мы дальше в тех же „Показаниях".

Последнее письмо А. Д. адресовано к „родным", но в нем есть места, которые заставляют думать, что не целиком оно относится к родителям А. Д. От них он привык скрывать свою сердечную боль, непереносимые страдания, которые испытывает, и только товарищам-братьям он говорит неприкрытую правду, как в этом предсмертном письме. Он держит скальпель твердой рукой, им вскрывает свое сердце перед братьями, которых любил наравне с жизнью. От них он не таит правды, даже частицы правды. Он хочет, чтоб знали, что он готов умереть, но в то же время товарищи должны знать, что стоит человеку такая готовность. „Здесь (т.-е. в крепости) происходили последние процессы борьбы с инстинктами жизни,—пишет он в том же письме.—Особенно памятны мне весна и лето 1881 года. Приходилось побороть врожденную любовь к простору, к свету, к природе, к небу, ясному, голубому небу. Борьба эта не легка. Она, вместе с условиями жизни, сильно расстроила мне нервы, которые не поддавались ничему другому: ни потрясающему горю, ни всеохватывающей радости, ни величайшей опасности".

Потом его мысль возвращается ко времени суда над ним, и он вспоминает: „Приятно, даже под страхом десяти смертей говорить свободно,—исповедать свои убеждения, свою лучшую веру. Приятно спокойно взглянуть в глаза людям, в руках которых твоя участь. Тут есть великое нравственное удовлетворение. Может быть не многие согласятся со мною, но я готов еще раз отдать жизнь свою за таких несколько дней“.

Но смерть стояла за порогом одиночной камеры А. Д., и часто чудилось ему ее появление. „Несколько раз,—говорит он,—возбужденное почему-либо воображение рисовало картину последних часов, последних минут, картину, полную трагизма. Тогда я чувствовал сильный подъем духа, доходящий до экстаза“.

Приступы агонии не все еще были изжиты, и письмо А. Д. делает нас свидетелями потрясающих душевных переживаний: „Особенно ажитированно я провел несколько часов вечера в четверг, 18 марта. Мне не известно было движение дела о представлении приговора на высочайшее усмотрение... я мог предполагать, что исполнение приговора возможно уже с утра четверга... Но ничего не последовало... Я не знал, что думать. Постепенно мысли перешли к вероятному завтрешнему печальному кортежу и повели к сильному возбуждению. Я воображал себя среди товарищей, также спокойно смотрящих в очи смерти, мне представлялось мое душевное состояние в самом радужном свете. В ушах звучали те вдохновенные песни, которые певались в кругу друзей. Отрадные картины и милые образы мелодии и чудные аккорды, оставшиеся в памяти, и, наконец, предстоящее завтра,—все это наполняло душу ярко, живо, предметно. Я чувствовал себя так, как должен чувствовать воин в ночь перед давно желанной битвой. Я находился в состоянии величайшего вдохновения: порыв души всецело вливался в музыку чувств и звуков“.

Так описывает свое состояние А. Д.; и не знаешь, чему больше удивляться, величию души, которая так высоко может подняться в своем парении в самые тяжкие минуты жизни, или низости тиранов, которые заставляют лучших людей испытывать величайшие душевные муки. И еще раз на протяжении того же письма А. Д. отмечает сильнейшие сердечные страдания, пережитые им после объявления царской „милости“, заменившей ему смертную казнь пожизненной каторгой: „меня с первых минут начала мучить неизвестность: что сталось с товарищами. Равнодушие к известию перешло в томительную тревогу. Случай усилил ее и довел до состояния пытки. Через раскрытые форточки долетели до слуха звуки военного марша. Очевидно было присутствие войск в крепости. Явилось ужасное предположение, что в те минуты совершаются казни... И бездыханные трупы мелькнули в воображении.. Беспомощность, величайшие муки неизвестности, беспощадная горечь душили меня. Я глубоко сокрушался, что не с ними. Я не знал, что мне делать“...

Все эти мучения А. Д. испытал, находясь в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Но что все это значило по сравнению с фактом перевода его и его близких друзей и товарищей в Алексеевский равелин. Это заключение можно только сравнить с смертною казнью, растянутою на очень долгий срок. А. Д. прожил в Алексеевском равелине два года без девяти дней.

Для него была придумана особенно тяжелая система заключения. Товарищи его имели возможность, хоть изредка перестукиваться, передать друг другу приветное слово, ободрить лаской или шуткой. Он же содержался в отдельном коридоре, где, кроме него, сидел еще Поливанов. Камера А. Д. упиралась в капитальную стену с одной стороны. С другой ее стороны было пространство ничем не занятое, а за ним камера Поливанова. В этом пространстве находилось окно. Днем сюда ставилась лампочка А. Д., и стояли еще склянки с лекарствами для него. Это были единственные внешние признаки его существования. Когда эта лампочка и склянки исчезли с окна, где Поливанов мог их видеть, идя на прогулку, он понял, что умер А. Д. В своих воспоминаниях об Алексеевском равелине Поливанов пишет: „В середине марта 1884 года мы испытали большое горе: умер Александр Михайлов“.

Он умер в одном из страшных каменных мешков, каковыми в сущности были камеры убийственного Алексеевского равелина. Он умер одинокий и заброшенный.

Но можно смело сказать, что, умирая, он не забывал того народа, за который отдал свою жизнь и призывал на его долю свободное и счастливое будущее. Это можно утверждать, не боясь ошибиться, зная содержание его подследственных показаний и незабвенных писем его.

А. Прибылева-Корба.

Август 1924 года.

Александр Дмитриевич Михайлов.

(Род. 1855, ум. 1884 г.)

Каждое поколение имеет своих типичных представителей. Таким для второй половины 70-х и начала 80-х годов является землеволец, а потом член Исполнительного Комитета партии Народной Воли — Александр Дмитриевич Михайлов, которому посвящена эта книга.

В нем как нельзя лучше отражаются идеи, принципы и, еще более, настроения и чувства, одушевлявшие социалистов того времени. Теперь, в революционный период, когда молодежь проявляет такой интерес к прошлому нашей борьбы за свободу, книга об Александре Михайлове будет тем более своевременна, что с открытием архивов судебного ведомства и департамента государственной полиции нашлись новые документы по процессу 20-ти, в котором не только участвовал, но и был центральной фигурой именно он.

Еще в 1883 году, в Женеве, в небольшем сборнике „На родине", почти неизвестном в России, были напечатаны „Автобиографические заметки" Михайлова с примечаниями Л. Тихомирова [1]). С тех пор в журнале „Былое" за 1906—07 гг., а потом, со времени февральской революции, в том же журнале помещались различные статьи о нем и ряд его писем после ареста к родным. Но все это печаталось вразброд, читалось врозницу и потому рассеивало впечатление. Только теперь, когда можно опубликовать обширные показания Михайлова и собрать воедино все, что писал он сам и что другими писалось о нем, его образ встает во весь рост и дает читателю яркие и глубокие переживания.

Когда для предлагаемой книги я перечитывала весь имеющийся материал, я, которая лично знала его и в революционном движении шла рука об руку, открывала как будто новую личность — такие, прежде не бросавшиеся в глаза, черты революционера и человека выступают в его автобиографии, показаниях и в особенности в его замечательных письмах.

---

[1]) Авторство Тихомирова несомненно не только по стилю примечаний, но еще более по фактам, которые приводятся в них. Описать их в то время могли только Тихомиров и М. Ошанина. Но она никогда ничего не писала.

В. Ф.

Для нас, действовавших вместе с ним, он казался уравновешенным, почти всегда ровным и не раскрывающим свой внутренний мир; революционер, суровый цензор и страж организации затмевал для нас его человеческую, глубоко чувствующую личность. Тюрьма сняла узы, и, если в показаниях он, по необходимости, сдержан, то в письмах к горячо любимым отцу, матери и тетке он лирик и говорит языком страсти. В этом отношении особенно важно его письмо к крестной матери А. О. Вартановой. Мало имеем мы сведений, фактических данных о детстве Михайлова — он не дает их, хотя называет это детство „счастливым“, таким счастливым, что по временам, казалось, говорит он, переполненная чаша пойдет через край. Но это общее определение не иллюстрируется конкретными подробностями, не расцвечено красками. В письме к Вартановой от 17 марта 1882 г. в этом отношении кое-что есть. В трогательных строках вспоминает он вечерние сумерки, когда ребенком оставался с ней наедине, и нежным задушевным голосом, держа его на коленях, она рассказывала ему сказки, которые возбуждали в нем первые порывы сочувствия страдающим и потерпевшим, и, хотя сказки всегда были одни и те же — они неизменно слушались с волнующим интересом. В письме Михайлов рисует нравственную атмосферу, в которой развивался „под крылом“ Вартановой. Под этим крылом он сберег, по его словам, то, что было в нем хорошего, „и научился бороться с нечистыми жизненными влияниями“. Эту, повидимому, превосходную женщину Михайлов любил, по его признанию, почти как родную мать, а ласки ценил больше, чем ласки матери.

Влияние этой крестной простиралось не только на первые годы жизни, но и на первый период пребывания Михайлова в гимназии. Оно было так велико и глубоко, что, когда он оказался вне семейного круга, в новгород-северской гимназии, среди чужих, то мог должным образом оценить низкий уровень, на котором стояли все окружающие: учителя, квартирные хозяева и товарищи-гимназисты. Противоположность всему тому, что он видел раньше, поражала и отталкивала его: „На всех лежал отпечаток чего-то неприятного, холодного, злого,—пишет он в письме.— Меня тяготила беспринципность, холодный эгоизм, грубость, бесчеловечность окружавших людей“. В этой среде он чувствовал себя одиноким. Но одиночество, испытанное на самом себе, заставляло мальчика принимать к сердцу такое же положение других и, по его словам, он стал стремиться к облегчению их.

Часто встречаются люди, не верящие в себя, и говорят: „я человек маленький“, как бы выражая этим свою никчемность. Но жизнь творится не героями, которых мало, а лишь при участии их: она творится всеми, и Вартанова, крестная мать Михайлова, человек безвестный, никогда не выходивший на общественную арену, попадает на страницы истории, потому что воспитала одного из лучших людей нашей революции. Она первая забросила основы альтруизма в его

душу, и этот альтруизм развернулся потом в беззаветную деятельность революционера на пользу своего народа и человечества.

Письма Михайлова преисполнены чувством. Революционная деятельность разлучила его со всеми, кого он любил в детстве и с кем был в тесном общении в ранней юности. При конспиративных условиях революционной деятельности, при жизни под личиной чужого имени, все личные связи были порваны, сношения прекращены, а родственные чувства спрятаны в глубоких тайниках души. Но когда деятельность была отнята и в тюремной камере, в одиночестве крепостных стен, приходилось ждать одного—только смерти—все затаенное всплыло и пошло по тому руслу, которое только одно и было доступно. И Михайлов, который не имел таланта писателя, в переписке становится красноречивым: его язык чувств захватывает читателя.

Каждый, кто будет иметь в руках эту книгу, пусть особенно остановится на письме от 3 марта 1882 г. к отцу и матери. Оно написано после приговора к смертной казни. В истории революционного движения не только России, но, я думаю, и всего мира не найти ничего равного.

Старики, эти хорошие, любящие старики, к которым Михайлов относился с трогательной признательностью за „счастливое детство“ и добрые зачатки, полученные от них, не могли подняться на высоты, на которых стоял сын. Мягкие, честные, чистые в своих взглядах и отношениях обыденной жизни, они не знали общественных задач и широких социально-политических горизонтов.

В письме, которое не дошло до нас, отец умолял сына выразить сожаление и раскаяние в том, что он делал. Отец, вопреки воле сына, приговоренного к смертной казни, подавал на высочайшее имя прошение о помиловании.

В письме от 3 марта есть следы тяжелых переживаний Михайлова по этому поводу [1]). И все письмо его—увещание старикам, не понимающим сына, а для нас—великолепное исповедание веры революционера, его готовности умереть за свое дело, за свои убеждения. Страницы, в которых запечатлено это исповедание человека, стоящего пред лицом смерти, поразительно по своему душевному подъему и аппеляции к будущему.

Тогдашний директор Департамента полиции—Плеве, не пропустил этого письма—родные не получили его; но этот драгоценный для нас документ сохранился в архиве и найден после революции.

Одновременно с письмом Михайлова к Плеве было направлено письмо Баранникова—сопроцессника, товарища и друга Михайлова. Комендант Петропавловской крепости, тупой Ганецкий, рекомендовал: письмо Баранникова, как заключающее сведения о суде, задержать, а письмо Михайлова—передать по назначению. Но Плеве был умен

[1]) Это определенно выражено в письме от 18 марта.

и понимал дело: письмо Баранникова он пропустил, а письмо Михайлова — задержал. „Манифестация непоколебимой веры в правоту дела была в глазах Плеве опаснее каких-либо подробностей судебного процесса“, говорит автор неподписанной статьи (в сентябрьской книжке „Былого“ за 1917 г.), где впервые было помещено рассматриваемое письмо. „А письмо Михайлова, являя необычайную силу и красоту души русского революционера, проникнуто глубочайшей уверенностью в правоте и победе революционного дела и чувством великого морального удовлетворения“, заканчивает автор свою заметку; и к этому суждению я могу только присоединиться.

В мужественных, прочувствованных словах письма Михайлова, в отличие от других товарищей народовольцев, смотревших также твердо на предстоящую смерть, чувствуется что-то особенное, ему одному присущее, чуется что-то от протопопа Аввакума, который сожжен при приемнике „тишайшего“ Алексея Михайловича на костре, и от боярыни Морозовой, которую „тишайший“ уморил в тюрьме голодом, — два образа, раз навсегда, в тюрьме, при чтении, поразившие мое сознание и никогда не покидавшие его в Шлиссельбурге.

В связи с письмом 3 марта стоит письмо к родным от 20-го. Оно рисует настроение после того, как приговор вошел в законную силу и пошел на утверждение государя. — Пять дней неизвестности, когда со дня на день Михайлов ждал, что его поведут на эшафот.

Виктор Гюго написал: „Последний день приговоренного“, и было время, когда мы зачитывались этим произведением. Не было революционера, который не знал бы его. Это было в те годы, которые Желябов, на суде определил, как „розовый“ период нашего революционного движения. Смертных казней тогда не было. Переживаний русского революционера в виду эшафота мы не знали, и нежизненное измышление поэта могло удовлетворять нас. Но время настало — мы узнали. Многие умерли на виселице уже во времена Михайлова: Соловьев, Квятковский и Пресняков, Осинский, Желябов, Перовская и другие. Все умирали мужественно, спокойно, просто. Как просто!.. Но они не оставили документа, какой оставил Михайлов в письме 20—21 марта: оно трогает и заставляет думать. Оно учит.

По прочтении двух последних писем, в памяти, по закону контраста, — встает жалкая фигура Рысакова, который 1 марта, вызывающе, бросил Александру II фразу: „Еще слава ли богу?!“, когда увидал, что император остался невредим после первой бомбы; а на другой день, как знал уже весь Петербург, стал выдавать всех и все... Жалкая фигура, извивающаяся в душевных корчах от чисто животного страха смерти... Моральное падение до глубочайших низин... спасение себя, хотя бы ценой услуг в качестве провокатора.

Мотивы нравственного порядка занимали огромное место в жизни и деятельности Михайлова. Указания на это можно найти во всем, что выходило из-под его пера. Этическую точку зрения он применял

ко всем явлениям жизни. Говоря о классической системе образования в той бессмысленной форме, которая господствовала в его время в гимназиях, он пишет, что заниматься предметом, при ясном понимании бесполезности его, он по нравственным мотивам не мог.

В Технологическом институте, в который он поступил в 1875 г., он думал найти источник чистого знания и помощь для решения важнейших задач жизни, а вместо того нашел сторожей, считающих шинели для контроля посещаемости лекций, и профессоров, производящих через каждые два дня нелепые репетиции пройденного. „При этих условиях за занятиями в институте я не мог признавать нравственного значения“, замечает он, и, обманутый в ожиданиях, приходит к выводу, что „решения задачи о цели человеческой жизни нужно искать в жизни же. До решения этого главного вопроса—карьеру и специальность избирать нельзя“.

Когда в Технологическом институте подобралась группа единомышленников и составился кружок, в котором обсуждались общественные и политические вопросы, границами кружка, по выражению Михайлова, была та часть студенчества, которая относилась индифферентно к вопросам нравственным [1]).

В период „Земли и Воли“ его особенно привлекал раскол и сектанство, и главным образом потому, что по духовным запросам и интересам, по требованиям к личности, своеобразная среда староверов и сектантов стояла несравненно выше уровня рядового крестьянства. И, взвешивая все, в целом, можно с уверенностью считать, что и в ряды социалистов его поставило чисто этическое требование социальной справедливости, как это, вообще, было свойственно революционному поколению того времени.

Стремление к организованности и способность организатора, которую отмечают все знавшие Михайлова в революционной деятельности его, была, как бы присуща ему с ранних лет. Он проявляет это стремление и способность еще гимназистом, а потом студентом; обнаруживает в „Земле и Воле“ и широко развертывает в „Народной Воле“. Везде, где бы ни был, он подбирает людей, пригодных для осуществления раз поставленной определенной цели, соединяет их в группу, дисциплинирует лиц, входящих в нее, неустанно требуя слияния и подчинения разрозненных индивидуальных воль—воле коллективной.

Он учился в гимназии новгород-северской, а для экзаменов (без языков) перешел в немировскую. Как в той, так и в другой, он был инициатором и организатором кружков самообразования, а в первой уже имел опыт практической деятельности—устроил кассу, с громадными усилиями и самоограничением созданную с товарищами, такими же бедняками, как и он сам, и целью кассы было приобре-

[1]) Курсив во всех последних случаях мой. *В. Ф.*

тение книг и распространение их среди народа. В той же гимназии, в 5 классе, для объединения гимназистов пробовал издавать журнал; с той поры, говорит он, „не было периода, когда я что-нибудь, во имя чего-нибудь, не организовывал“. Был ли он в Технологическом институте или в Горном—и тут, и там он искал сближения с товарищами в целях группировки их. В Технологическом он настолько отдался организации студенческих кружков, что месяца через два, по его словам, уже образовался студенческий союз с федеративными кружками в Медицинской Академии, в Горном институте и других учебных заведениях. После исключения из Технологического института (вскоре после поступления в него) и ссылки в Путивль, на родину, попав в Киев, еще совсем неопытным юношей он, в свои 18 лет, быстро подмечает слабую сторону „радикалов“—южан: неорганизованность, беспорядочное общение друг с другом, когда нет определенной границы между людьми, серьезно занятыми революционной работой, и периферией, которая только „сочувствует“. Его отталкивает обилие словесных состязаний--многоговоренье вместо дела. Неудовлетворенный, он отходит от киевлян и стремится в Петербург, надеясь там найти, что ему нужно, что удовлетворит его. А его требованием было не больше — не меньше, как возможность создать единую общерусскую революционную организацию, в которой слились бы все социально-революционные силы — о чем в то время, строго говоря, кроме М. Натансона, еще не думали. Михайлов приехал в Петербург, когда осенью 1876 года сложилось и начало действовать тайное общество „Земля и Воля“, члены которой обыкновенно называли себя, просто, „народниками“. Тут он нашел то, что могло захватить его. Среди народников — членов общества — были такие первоклассные деятели, как Марк Натансон, его жена Ольга, урожденная Шлейснер, и Оболешев. Двое последних сделались его близкими, любимыми друзьями. Вместе с ними, с самого же начала, как он рассказывает в автобиографии, часто под градом насмешек остальных членов организации, он стремится к водворению в „Земле и Воле“ дисциплины и делового порядка, борется с неосторожностью и с тем, что считает своеволием.

Среда раскольников спасовского толка, в которую он попал в Саратовской губернии, будучи землевольцем, ценится им особенно высоко не только за духовные запросы, но и за высокую степень организованности. Это особое государство в государстве, говорит он, со своими наставниками, объезжающими уезды и поддерживающими связь между единоверцами, разбросанными по деревням и селам губернии, со своими съездами для решения вопросов религиозного характера, и сплоченностью, выработанной преследованиями власти.

Страницы, описывающие жизнь среди спасовцев в качестве вольнонаемного неофициального учителя в селе „Синенькие“, одни из лучших в показаниях Михайлова. Великие надежды возлагал он на эту

среду, думая приобрести в ней организованного союзника революционной партии в борьбе с правительством. Сблизиться, сделаться для раскольников своим—было его задачей. Для этого надо было сделаться начетчиком в староверческой литературе, а в обыденной жизни отказаться от всего привычного и свойственного культурному, свободомыслящему человеку, и со всей строгостью, во всех мелочах, придерживаться тягостной внешней обрядности, обязательной для людей старой веры. Двуперстное знамение, многократные, продолжительные моленья, бесчисленные земные поклоны, особая посуда для пищи и питья и прочие подробности староверческого обихода, застывшего в целый ритуал, по которому они узнают друг друга—все надо было день за днем выполнять неукоснительно, не отступая ни на иоту под ревнивым, суровым и подозрительным взглядом односельчан-единоверцев.

Когда, приезжая в Саратов, он рассказывал и демонстрировал нам все, что проделывает у себя в деревне, мы смеялись и называли ломкой, нам казалось это самоистязанием и нелепостью. А для Михайлова все освещалось внутренним смыслом. У него была высшая цель и в этом было все: завоевать сильного товарища в бою с государственным угнетением – разве это не великая задача, ради которой можно и должно победить себя и, ломая все личные привычки, отказаться от своей воли во внешних обыденных проявлениях ее.

Напрасно было бы думать, что, вернувшись через полтора года в столицу, Михайлов приехал разочарованным. Нет. Он думал вернуться в деревню и продолжать начатое; но аресты привели в беспорядок дела революционного центра; потеря в октябре 1878 г. таких работников, как Ольга Натансон, Оболешев и другие, удержали его, а потом правительственные репрессии потребовали активного сопротивления; начались политические выступления,—завязывалась борьба с правительством; по мере успеха все более и более намечался новый путь деятельности, и Михайлов, отдаваясь увлечению, вскоре стал одним из главных инициаторов нового течения, отлившегося в „Народную Волю“.

Из показаний Михайлова, однако, совершенно ясно, что политическое увлечение нисколько не изменило его суждения о расколе и не затемнило в его глазах значения, которое имела его жизнь в деревне. Эта жизнь не пропала для него даром. Для него она была школой самовоспитания, самодисциплины, и невозможно отрицать справедливость его собственного свидетельствования, что эта, пройденная в саратовской глуши, суровая школа среди спасовцев, сделала большой вклад в его душу: она закалила его и сделала в области организационной выдержки, непреклонным судией себя и товарищей, каким мы знали его в „Исполнительном Комитете“ „Народной Воли“.

В „Народной Воле“ и в частности в Исполнительном Комитете партии роль Михайлова была исключительная. В составлении плана различных политических выступлений и актов и в практическом

осуществлении их едва ли кто будет оспаривать, что ему принадлежит первенство. Стоит пробежать 4 том книги Морозова „Повести моей жизни“, чтоб убедиться в этом. В деле Мезенцова он организатор дела и, находясь на Михайловской площади, наблюдает за выполнением. В попытке освободить силою Войнаральского каждый из нас знает ту руководящую роль, которую в ней играли: Михайлов, Перовская и Фроленко. Мысль об издании органа: „Земля и Воля“ и в особенности осуществлении ее—дело того же Михайлова и Зунделевича. Для покушения под Москвой 19 ноября Михайлов, можно сказать, сделал все: он предложил купить дом, он подыскал подходящий для этой цели и, думается, он же приспособил Гартмана для роли хозяина с насмешливой фамилией Сухорукова. Работа в подкопе под полотно железной дороги описана во всех деталях в его „Показаниях“. Нечего и говорить, что главная тяжесть труда в нем лежала не на Арончике, которому не хотелось переносить его, и не на Морозове, который по слабости рук должен был отказаться от участия в нем. Магазин сыров на Малой Садовой если нашел Баранников, то доклад Исполнительному Комитету об этом помещении на собрании делал, как я хорошо помню,—Михайлов. И так во всех предприятиях наших, как и в денежных делах—практическая сметка и верный глаз А. Д. служили указанием и основой.

Как товарищ, в Исполнительном Комитете Михайлов был для нас незаменим: при аресте, в его лице, мы потерпели тяжелую и невознаградимую потерю: многих несчастий избежали бы мы впоследствии, если бы он оставался среди нас. Он был, можно сказать, всевидящим оком организации и блюстителем дисциплины, столь необходимой в революционном деле. „Вместе с фанатической преданностью революции [1]), он соединял энергию, настойчивость, замечательную деловитость, практичность и такую осторожность, что самые трусливые люди при ведении дел с ним считали себя в безопасности. Талантливый организатор [2]), проницательный в распознавании людей, он был педантичен и неутомим в проведении организационных прин-

---

[1]) Цитирую эту характеристику из моей книги: „Запечатленный Труд“, т. I (М. изд. „Задруга“, 1921 г.).

[2]) Пользуюсь случаем исправить ошибку, сделанную мной в I т. „Запечатленного Труда“, в главе 13-й. Говоря о московской группе, я указываю на Телалова и М. Н. Ошанину, как на организаторов ее. Между тем из позднейших расспросов Г. Ф. Чернявской-Бохановской, которая состояла в этой группе с самого начала существования ее, выяснилось, что основоположником группы был Александр Михайлов в период жизни его в Москве, осенью 1879 года. Об этом упоминает и Тихомиров в примечании к автобиографии Михайлова. Кроме Бохановской, которая вступила в группу по приглашению Михайлова, выдающимся членом ее был рано умерший Зеге фон-Лауенберг, о котором в литературе данных нет, но которого я встречала раза два в Петербурге, перед отъездом в Одессу в 1879 г. По отзывам, лиц, знавших его, это был очень ценный и преданный работник. Кличкой его было „Морячек“. Основанная Михайловым эта группа развивалась и руководилась в дальнейшем Телаловым и М. Ошаниной, как это описано в моей книге.

ципов. Требовательный к выполнению каждым своих обязанностей, ставивший деловые интересы выше всего, он хотел, чтоб деятель-революционер забыл все человеческие слабости, расстался со всеми личными наклонностями. „Если бы организация,—сказал он мне при одном разговоре на эту тему,—приказала мне мыть чашки, я принялся бы за эту работу с таким же рвением, как за самый интересный умственный труд". Сообразно этому, он строго преследовал взгляд на некоторые обязанности, как на малоценные, низшие: по его мнению все, что для „организации" было нужно—было достаточно высоко, чтоб с радостью взяться за дело. Такой законченный и цельный тип не мог не пользоваться громадным влиянием как на самую „организацию", так и на лиц, стоявших вне ее, и его авторитет был так же велик среди товарищей, как и среди посторонних".

На-ряду с яркой революционностью Александр Михайлов был натурой глубоко религиозной: для него революция была делом святым. Древние летописцы и иконописцы приступали к своему делу в повышенном настроении. Проникаясь важностью предпринимаемого, они сознавали себя выполняющими высокую миссию и всю глубину чувства и разумения своего вкладывали в творимое: перед ними стояла ответственность за выполнение. Так было и с Михайловым.

После ареста, при первой же встрече с представителями власти, против которой он боролся, он делает многознаменательное заявление.

„Моя деятельность,—говорит он,—есть деятельность общественная; она воплощалась среди общества, для общества и посредством его. Как общественный деятель, я пользуюсь представившимся случаем дать отчет русскому обществу и народу в моих поступках и мотивах, руководивших ими", поступках, имевших серьезное влияние на русскую жизнь.

Сознание ответственности за свои действия, за ту революционную инициативу в борьбе с самодержавием, которую взяла на себя „Народная Воля", насильственными актами потрясая вековые традиции еще непробудившихся масс, была всегда присуща членам ее. Но большинство воплощало это сознание в исповедание своей революционной веры на суде и в готовность за свою деятельность нести все последствия, которыми грозило „правосудие". Но никто не высказался в такой простой и четкой формулировке, и есть что-то особенное в том, что на первом же шагу своей тюремной жизни, Михайлов сделал именно такое, а не иное заявление.

А заканчивая свою революционную миссию, из-за стен тюрьмы он посылает нам, своим товарищам по Исполнительному Комитету, свое торжественное, трогательное слово—„Завещание".

„*Завещаю вам, братья*,—говорит он в начале,—не расходовать сил для нас, но употреблять их только в прямом стремлении к цели".

„Завещаю вам, братья, не посылайте слишком молодых людей в борьбу на смерть, давайте окрепнуть их характерам, давайте время развить все их духовные силы.

„Завещаю вам, братья, контролировать один другого во всякой практической деятельности, во всех мелочах, в образе жизни. „Надо, чтоб контроль перестал быть обоюдным, чтобы личное самолюбие замолкло перед требованиями рассудка“. „Изучайте друг друга. В этом сила, совершенство организации“.

„Завещаю вам, братья, заботиться о нравственном удовлетворении каждого члена организации. Это сохранит между вами мир и любовь. Это сделает каждого из вас счастливым, сделает навсегда памятными дни, проведенные в вашем обществе“.

Таков был завет, написанный в тонах посланий расколонаставников, образы которых пленяли революционное воображение Михайлова и влекли в народные глубины религиозных отщепенцев.

Умер Михайлов. Умер не на эшафоте, которого ожидал в каком-то экстазе. Помилованный царем, он погиб в Алексеевском равелине, в который были заключены и его товарищи.

Пронизывающим холодом веет от рапорта крепостного начальства о его смерти 18 марта 1884 года. Моральная дрожь пробегает, когда читаешь приказ Департамента полиции взять в тиши ночи, не раньше 1 часа пополуночи, с сохранением полной тайны, тело усопшего и похоронить на Преображенском кладбище так, чтоб не получилось огласки.

Умер Михайлов в страшном одиночестве, он, который всегда держался коллектива, всегда чувствовал себя частью целого. Поливанов, Колодкевич, Баранников и другие равелинцы могли общаться друг с другом, обмениваться словом — не живой речью, а мертвым стуком в стену по условной азбуке. Михайлов не имел этого утешения. Он содержался в коридоре, совершенно изолированный, в котором соседей не имел. Его изоляция была полная, и в этом безотрадном, трагическом одиночестве отлетела душа, которая вмещала мужественную страсть революционера, нежную любовь сына и горячую привязанность к товарищам.

Вера Фигнер.

1924—13 VIII.

Отдел II

БИОГРАФИЯ и ВОСПОМИНАНИЯ

Александр Дмитриевич Михайлов.

(Автобиографические заметки) [1].

С самых ранних дней моей юности над моей головой блистала счастливая звезда. Детство мое было одно из самых счастливых, которое выпадает на долю человека. Не могу не сравнить его с лучезарной весной, которая не знает ни бурь, ни непогод, в которой не встречается почти пасмурных дней. Я не подвергался ни ломке, ни вредным влияниям. Родительский дом был поистине благословенный мир, в котором царствовало согласие и любовь всех членов между собой, из которого были исключены пагубные страсти и дурные примеры, которые могли бы действовать развращающим образом на нас, детей. Да, счастье нашей семьи было так полно, что иногда казалось, что оно польется через край. Бывали минуты, когда детскому сердцу трудно было вместить всю любовь и радость, которые возбуждало в нем окружающее. И теперь, в зрелые годы [2]), я также горячо люблю своих милых, умных стариков [3])...

Мой отец воспитывался в Петербургском Лесном институте; у него в Петербурге не было никого из близких, и он сильно нуждался. Трудно ему было переносить бездомную одинокую жизнь, и он утешал себя мыслью, что когда станет на ноги, то найдет себе любящую жену и обзаведется семейством. По окончании курса он получил место землемера в Курской губ. и женился в Путивле на дочери помещика, из семейства Вербицких. В Путивле же они оста-

---

[1]) „На Родине". № 3. Женева. Вольная Русская Типография. 1883 г.

Автобиографические заметки снабжены, как сказано в моей вводной статье, примечаниями Л. Тихомирова. Все неоговоренные сноски в тексте принадлежат ему. Заметки написаны Михайловым, как говорится в заграничном издании, после того, как редакция „Народной Воли" обратилась к разным лицам — участникам в революционном движении—с просьбой дать о себе хотя бы краткие биографические сведения. Никто не откликнулся на это, кроме Михайлова, который, очевидно, взвесил важность предложения и вскоре передал в редакцию дошедший до нас текст.—*В. Ф.*

[2]) Во время составления заметок, А. Д. имел только 24 года. На вид он казался однако гораздо старше, лет 30 и даже больше. Так, лет около 30, он значился всегда и по фальшивым паспортам.

[3]) После ареста А. Д., во время заключения в крепости, родители приезжали навестить его, и встреча была действительно самая теплая, родственная.

лись жить. В их союзе было много гармонии: отец обладал веселым, безмятежным характером, у матери была глубоко-любящая натура и большая сила воли. Служба отца была тяжелая, он постоянно находился в разъездах и домой приезжал лишь на короткое время на отдых; современем они приобрели дом на окраине города с большим и прекрасным садом, и тут-то мы все и выросли, почти в деревенской обстановке. Мать сама занималась нашим воспитанием; она читала все книги о воспитании, которые в то время были в ходу, и выработала на основании их систему. Мы пользовались полной свободой, но при всей любви и заботливости, которыми нас окружали, нас не баловали и не нежили.

Я был первенцом, и меня и старшую сестру рано начали учить; сначала мать сама, а потом учитель, который жил у наших соседей. С сестрой мы были большие друзья и в учении соревновали друг другу; она быстрее схватывала и понимала, но я глубже усваивал преподаваемые предметы и никогда не забывал выученного. Вскоре у меня появились товарищи: соседский сын, с которым я вместе учился, и Александр Иванович Баранников [1]), который жил тоже по соседству с нами и который остался моим другом и товарищем на всю жизнь. В детстве я был большой шалун; как теперь помню сцены, которые повторялись каждый день по дороге из дому к соседям, где я учился. Путь мой лежал мимо двора, который славился большими, злыми собаками. Для меня составляло истинное наслаждение вступать в борьбу с злыми животными; я прятался в высокой траве и оттуда кидал в них камни; псы приходили в ярость, бросались ко мне, и завязывался рукопашный бой. Я отбивался палками, и часто меня спасали от явной опасности быть разорванным на части. Природа мне была дорога [2]) и близка; в период ранней юности я был настоящим деистом. Даже в момент моего перехода к социализму, природа играла некоторую роль, по крайней мере происходило это перед ее лицом. Я и товарищи мои по гимназии в Новгород-Северске, мы имели обыкновение собираться для чтения и бесед на живописном берегу Десны. Любовь к природе как-то незаметно переходила в любовь к людям; являлось страстное желание

---

[1]) Баранников осужден по одному процессу с Михайловым (в особом присутствии сената; заседание началось 9 февраля 1882 года).

[2]) Нам пришлось слышать отзыв Желябова, подтверждающий эти слова. „Михайлова, говорил Желябов, многие считают человеком холодным, с умом математическим, с душою, чуждою всего, что не касается принципа. Это совершенно неверно. Я теперь хорошо узнал Михайлова. Это—поэт, положительно поэт в душе. Он любит людей и природу одинаково конкретно, и для него весь мир проникнут какою-то чисто человеческою, личною прелестью. Он даже формалистом в организации сделался именно, как поэт: организация для него—это такая же личность, такой же дорогой для него „человек“, делающий притом великое дело. Он заботился о ней с такой же страстной, внимательной до мелочи преданностью, с какой другие заботятся о счастьи любимой женщины“.

видеть человечество столь же гармоничным и прекрасным, как сама природа, являлось желание для этого счастия жертвовать всеми силами и своей жизнью. Здесь, в виду синего неба, ясных вод реки и леса, тянувшегося по берегу, я дал себе тайную клятву жить и умереть для народа. Полнота счастья в родительском доме имела большое влияние на склад моей жизни, сердце мое не искало личных страстей и сохранило все свои силы для общественной деятельности. В 1876 г. я в первый раз встретил женщину, к которой почувствовал глубокую привязанность, это незабвенная Ольга Натансон. Но она страстно любила своего мужа; с своей стороны я беспредельно любил и чтил Марка и дорожил его счастьем, поэтому мои чувства к Ольге не перешли за пределы живейшей дружбы [1]).

В период юности и пребывания в гимназии для меня еще не существовало правительства, а было только начальство; но я чувствовал уже тяжесть условий русской жизни. Во время моего поступления в провинциальную гимназию, в ней царствовал хаос и немецкий дух. Начальство часто без причины оскорбляло человеческие чувства детей, стараясь поддерживать дисциплину страхом. Большинство учителей манкировало занятиями, когда же наступали экзамены, эта гроза ученической жизни старалась жать то, чего не сеяла. Я учился удовлетворительно, но положение в гимназии меня тяготило и подавляло, я считал ее бременем. Как человек впечатлительный и привыкший в семье к самой строгой справедливости, я шел обыкновенно каждое утро в гимназию с внутренним трепетом, ожидая непредвиденных начальственных криков, оскорблений и наказаний. Такое неудовлетворительное состояние и некоторая пытливость двинули меня на путь саморазвития. Лет с 14 для меня открылся новый мир, мир литературы. Потребность в умственной жизни и любознательность нашли в нем полное удовлетворение. Отправив тяжелые гимназические обязанности, свободное время я проводил за книгами или старался вырваться в поле или в лес и наслаждаться свободой и природой. Самообразование дало мне много. В последнем классе, хотя условия уже изменились к лучшему с переменой начальства, я стал выше многих по развитию. Во мне явилось неотразимое

---

[1]) А. Д. имел много хороших товарищей, но в особенно дружеских отношениях действительно ни с кем не состоял. Что касается собственно „сердечных привязанностей“, то в последнее время говорили о его близких отношениях с г-жею А. (имени ее не называем). Насколько это верно, не знаем, но действительно, у А. Д., по отношению к ней, видно было какое-то экстраординарное расположение, а г-жа А. относилась к нему с уважением, переходящим даже в некоторое обожание. Это во всяком случае единственная привязанность А. Д. в таком роде (если она здесь была). Вообще он был в этом отношении большой идеалист и ригорист. Банальных связей с женщиной он не допускал. Нам лично приходилось слышать от него: „Не понимаю, как это можно сойтись, не любя. Это просто противно“. Впрочем, в „большой публике“ А. Д. своего ригоризма не проповедывал, и на словах, незнакомому человеку, мог показаться даже немножко циником.

желание приносить другим пользу. Это пробуждение общественных чувств замечалось не у одного меня; несколько близких товарищей отвечали мне по своему развитию и направлению. В личных отношениях я был большой и непреклонный идеалист; в общественной деятельности я всегда оставался практиком с постоянными организационными стремлениями. Эта организаторская страсть проявилась во мне еще в 5 классе гимназии: с тремя или четырьмя товарищами мы задумали издавать журнал, я принимал деятельное участие в сношениях кружка для этого. Дело наше прогорело; издан был только первый номер рукописного журнала и то в немногих экземплярах, но зато с той поры моей жизни не было периода, в который я что-нибудь, во имя чего-нибудь не организовал. Вслед за журналом, я участвовал в организации кружка самообразования, потом в тайной гимназической библиотеке. Затем настал период недовольства окружающею жизнью и начальством, недовольства уже вполне сознательного (это относится уже к 7 классу). Отсюда истекала деятельная агитация среди высших классов гимназии и организация протестов против учителей идиотов и самодуров. Ко времени пребывания в 7 классе также относится организация кружка полуреволюционного, имевшего целью помогать пропагандистам деньгами (хотя о пропагандистах мы имели тогда такое же понятие, как о каких-нибудь иностранных партиях) и распространять в народе популярные издания, ради его просвещения. Первая из этих целей осталась для нас недостижимой, а вторую задачу мы выполняли очень удачно; через нас в народ проникло множество хороших книг, на многие сотни рублей. Мои усилия были направлены к тому, чтобы создать правильные отношения в кружке, ввести в него строгие принципы обязательности и т. д. Более широкая деятельность этого кружка связана с 8 классом гимназии, когда мы начали читать запрещенные издания, присланные мне из Москвы. Манкируя занятиями латинским языком, я перед окончательными экзаменами должен был уволиться из гимназии и держать их в другой (в Немировской без древних языков). Это дало мне возможность за три месяца пребывания в новой для меня гимназии организовать там кружок, наподобие нашего. В новгород-северской гимназии время нашего пребывания навсегда окрещено начальством „нашествием пропагандистов". Лучшие мои товарищи тогдашнего времени жестоко поплатились за свою незначительную политическую деятельность. Любовец осужден и сослан в Сибирь, Масютин тоже, 3-й—отделался двумя годами тюрьмы. Если вспомнить, что они ничего не сделали, то невольно спрашиваешь себя: какой же кары найдет меня достойным русское правительство?

Как только я очутился осенью 1875 года в Петербурге, то сейчас же начал общественную деятельность. Я чувствовал себя свободным и самостоятельным—гимназические узы пали. Со страстью я отдался организации студенческих кружков саморазвития и помощи пропагандистам. Усилиями нескольких человек, месяца через два после

моего поступления в Технологический институт, составился студенческий союз с кассой и федеративными кружками в Медицинской академии, в Павловском училище, в университете и других учебных заведениях. К волнениям в Технологическом институте я относился индифферентно, ибо не видел от них пользы; но когда закрыли первый курс и требовали подачи новых прошений, из 140 человек только я и мои товарищи отказались исполнить эти требования, ибо начальство думало этим .. [1]) студентов. За это я поплатился высылкой на родину, пробыв в Петербурге только три с половиной месяца. Я чувствовал себя хорошо, удовлетворенно, хотя испытание для тогдашнего моего умственного и нравственного состояния было порядочное.

На родине я просидел не более месяца и удрал в Киев, за что меня полиция в Киеве часто тягала по участкам. В Киеве я встретился в первый раз с настоящими радикалами и при том всех трех направлений: пропагандистов, бунтарей и якобинцев. Познакомившись с их программами, я не пристал ни к одной из них. Я искал солидной силы, определенной и энергической деятельности; в Киеве же больше препирались о теориях и личных отношениях, чем действовали. Работали немногие единицы, но те сторонились мало знакомых людей. Собрав с цветов красноречия весь мед и вполне сознавая большую пользу, которую принесло мне знакомство с теорией революционной партии, решившись посвятить себя этой партии (в этом смысле киевские знакомства имели для меня большое значение), я тем не менее не был доволен. С одной стороны, я видел великие цели и громадные задачи, а с другой,—кучки людей, неорганизованные, несплоченные, без единого общего плана, без определенных практических задач. Я ясно сознавал бесплодность такого положения вещей. Доля организационного чутья, присущая мне, тогда еще неопытному юноше, подсказывала, что не в выработке наивернейшей теории, а в совершенно-организованном деле—сила. Решив свое отношение к партии, меня тянуло не в народ, что было даже обязательно тогда для каждого неофита, нет, в моей голове родились смелые до дерзости планы—обще-русской организации сил социально-революционной партии. Родились эти планы и поглотили меня вполне. Но я удивляюсь и теперь, как такой юнец, каким я был тогда, без положения, без известности в революционном мире, без опытности мог так нахально-смело отдаться всецело таким задачам, отдаться почти без поддержки, по собственной инициативе и на свой страх. О совершенных организациях партия тогда не думала. Ее интересовал народ, принципы деятельности, теории. Конечно, мои планы не могли осуществиться в Киеве, где уже личная враждебность кружков одного к другому мешала этому. Там много было генералов и адъютантов при них, но не было солдат, почти не было деятельных революционных сил. Но помимо своей воли я принужден был нахо-

[1]) Слово не разобранное в рукописи. (Сломить?).—*В. Ф.*

диться с полгода в Киеве, а сложа руки я сидеть не мог. Еще с первых дней пребывания там (зима и лето 1875—76 г.г.), при помощи и участии студентов—своих бывших товарищей по гимназии, мне удалось сплотить студенческий кружок самообразования, на подобие с.-петербургского, с кассой помощи революции, но он не мог поглотить всех моих сил, а потому я сделал попытку положить начало замышляемой широкой сплоченной и дисциплинированной организации. Мои мысли и мысли одного якобинца совпали; он познакомил меня с Давиденко (казненным) и еще кой с кем. Якобинца, как человека и революционную силу, я игнорировал, но в Давиденко я видел решительного человека, сблизился с ним, и вот мы четыре человека, задумали покорить революцию мира. Я не мог верить в попытку, но для опыта принялся прежде всего за выработку самого себя, чему и отдался горячо. Был основан этот маленький кружок, и стали разрабатывать планы. Дела мы не сделали, но планы в наших головах выяснились. В Киеве же весной 1876 г. я познакомился с Гольденбергом, который меня полюбил и с большой охотой водил со мной дружбу. Как человек добрый, преданный делу, он мне нравился, но глупость его часто меня бесила и смешила; у нас установились нехорошие, протекторские отношения, что меня часто смущало и было для меня неприятно, но он был ими доволен. Здесь же в кружке пропагандистов я познакомился с Дмитрием Андреевичем Лизогубом, но знакомство у нас было шапочное (он вращался в кружке Колодкевича, который тогда сидел в тюрьме и пользовался уже большой популярностью). Здесь же я познакомился с Стефановичем, Капитаном (Чубаров; казненный. *В. Ф.*) З.—(казненным) и со многими другими бунтарями; несколько недель они пользовались, всей своей ордой (с револьверами, седлами и пр.), моей квартирой. Я видел, что они приготовляются к битве, это ясно было и по их внешности и по их настроению. Они нравились мне более всех киевлян, хотя доходили в принципах до крайностей; свое дело они от меня скрывали. Я же был поглощен своими планами, склонности к которым в них не замечал.

Летом 1876 г. мне разрешили вернуться в Петербург, куда несли меня мечты. Возвращался я в него уже социалистом-революционером. При посредстве некоторых киевских знакомых, я прямо попал в революционные кружки и в месяц, в два я имел уже возможность прикладывать все свои силы к заветным планам, которые нашли благодарную почву в настроении петербургских революционных сфер. Через посредство самарских особ я познакомился со многими видными тогдашними деятелями и был ими принят очень дружелюбно, даже как-то „не в пример прочим“ дружелюбно и доверчиво, чему я был чрезвычайно рад. Одними из моих первых знакомых были Оболешев и его компания, Михаил Попов с компанией, Ив-ъ (Иванчин-Писарев. *В. Ф.*) и Соловьев, Ольга Натансон [1]) и ее друзья; потом

[1]) Урожденная Шлейснер.

Адриан Михайлов и некоторые другие. Особенно я подружился с Оболешевым, Ольгой Натансон и еще с некоторыми. Эти несколько человек вполне были со мной одномыслящи, но так как среди них были люди во всем выше меня стоявшие, то я стал самым деятельным их помощником. В теории выдвигалось новое народническое направление, чрезвычайно мне сочувственное; на практике строилась организация, соответствовавшая моим мечтам. Я пользовался доверием и мог прилагать свои силы к самым интимным революционным делам. Я был счастлив, что стоял на желанной дороге, я уважал и высоко ценил своих новых товарищей. Но и в новой среде я, Оболешев и Ольга Натансон выделялись горячим отношением к организационным задачам. В кружке народников, который лег в основание проекта организации революционных русских сил и в который я, вместе с другими упомянутыми лицами, вошел как член-учредитель, все мои помыслы были сосредоточены на расширении практической выработки и развития организации. В характерах, привычках и нравах самых видных деятелей нашего общества было много явно губительного и вредного для роста тайного общества; но недостаток ежеминутной осмотрительности, рассеянность, а иногда и просто недостаток воли и сознательности мешали переделке, перевоспитанию характеров членов соответственно организации мысли. И вот я, и Оболешев начали самую упорную борьбу против широкой русской натуры. И надо отдать нам справедливость—едва ли можно было сделать с нашими слабыми силами более того, что мы сделали. Сколько выпало на нашу долю неприятностей, иногда даже насмешек! [1]). Но все-таки

[1]) Таким остался А. Д. до конца деятельности. Он очень хорошо понимал, что в России осторожность, осмотрительность и практичность составляют для существования революционной организации необходимое условие. Этих качеств он требовал от каждого революционера. Будучи сам чрезвычайно осмотрителен и практичен, он постоянно замечал ошибки других и указывал их конечно. Если же ошибки происходили от „распущенности", оттого, что человеку становилось скучно или невыносимо постоянно следить за малейшим своим поступком,—то А. Д., для которого никакая ломка самого себя не казалась невыносимой, если это нужно „для дела",—уже просто возмущался. Он считал это нечестностью, недостаточностью преданности. В позднейшие времена (народовольческие уже) А. Д., например, не находил достаточно резких, циничных слов для одного товарища, который иногда заходил проведать жену свою, находившуюся под надзором: „Он шляется к жене, где его стерегут и могут забрать; наконец его могут проследить на другие квартиры". Это для него было просто подлостью, тем более огорчительной, что она исходила от человека, которого он глубоко уважал. Против подобной неряшливости А. Д. „немолчно лаял", постоянно и всю жизнь оставался каким-то ревизором революционной конспирации. Он даже сам говорил совершенно серьезно: „Ах, если бы меня назначили инспектором для наблюдения за порядком в организации". Там, где А. Д. имел такое право наблюдения, он превратил это право в обязанность для себя. Сплошь и рядом он следил по улицам за товарищами, чтобы убедиться в их осторожности. Один такой случай мы помним с А. Квятковским, который однако заметил слежение, чем несказанно обрадовал А. Д. Но зато беда, если

в конце концов, сама практика заставила признать громадную важность для дела наших указаний, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и некоторой централизованности. Это теперь всеми признанные истины, но тогда за это в своем же кружке могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять-таки сама жизнь поддержала нас — эти принципы восторжествовали. Я часто горячился в этой борьбе, но Оболешев

кто-нибудь позволял проследить себя. Упреки сыпались градом. А. Д. буквально „пилил“ людей ежедневно и ежеминутно за такие провинности. Иногда он на улице совершенно неожиданно заставлял вас читать вывески и рассматривать физиономии на разных расстояниях: „Ты не можешь прочесть? Ну, брат, очки покупай непременно“. И потом уже дохнуть не дает, пока не купишь очков. Один близорукий заявил, что доктор запретил ему носить очки, под страхом ослепнуть совсем. А. Д. не умилостивился: „Ну, откажись от таких дел, где нужно посещать конспиративные квартиры. Делай что-нибудь другое“. На беду оказалось, что человек нужен именно на „таких квартирах“... „Ну так непременно очки, или пенснэ. Это обязательно“.— „Покорно благодарю, я не желаю ослепнуть“. А. Д. вспылил: „Ослепнешь, тогда выходи в отставку. Нам из-за твоих глаз не проваливать организацию“, и потом обратился ко всем товарищам с предложением: „обязать NN носить очки такого-то номера“. Так следил А. Д. за всем образом жизни товарищей. Войдет в квартиру, сейчас осмотрит все углы, постучит в стену, чтобы убедиться, достаточно ли толста, послушает, не слышно ли разговора в соседней квартире, выйдет для того же на лестницу. „У вас народу столько бывает, а ход всего один: это невозможно“... Еще хуже, если квартира без воды: значит дворник будет лишний раз шляться. За „знаками“, т.-е. сигналами безопасности, которые снимаются, если квартира в опасности—А. Д. следил страшно: „Вашего знака не видно, у вас вовсе нельзя устроить знака, что эта за комната? Как к вам ходить?“ Один товарищ даже смеялся по этому поводу, уверяя, что в истории будет отмечено со временем „и прииде дворник, и учреди знак“ (дворник—это прозвище А. Д.). Впрочем ни шутки, ни насмешки, ни брань нисколько не смущали А. Д. при исполнении своих „обязанностей“. Он не обращал на все это ни малейшего внимания, не обижался, не сердился. Иногда случалось, что хозяева расхаенной им квартиры не хотели даже говорить с ним, и он все-таки преспокойно заходил в свое время посмотреть, все ли благополучно, и весьма внимательно объяснял свои соображения нахмуренным хозяевам: „Ну, что вы кончили? Больше ничего?“, торопят они его, чтобы поскорее убирался. „Да, я кончил, только теперь уже время обедать. Я бы остался“. Не должно однако думать, чтобы А. Д. выкидывал такие шутки на зло. Нет, он просто не хотел допустить мысли, чтобы кто-нибудь смел нравственно, перед собственной совестью, сердиться серьезно за исполнение человеком обязанности охранять безопасность организации. Соблюдать осторожность скучно, выслушивать замечание еще скучнее: поэтому можно быть в дурном расположении духа, это понятно; но сердиться за это именно на него, А. Д., совершенно несправедливо, и порядочный человек сам будет стыдиться, если позволит себе поссориться из-за совершенно дельных указаний. Так рассуждал А. Д. и не хотел, с своей точки зрения, обижать людей, принимая в серьезную сторону их резкие ответы, насмешки, грубости. В общей сложности, это благородное отношение к людям и делу, вполне оценивалось всеми, и А. Д., хотя ежедневно ругался и ссорился с 20 человеками средним числом, пользовался таким уважением, как никто.

Из конспирации А. Д. создал целую науку. Он очень ловко гримировался (это ошибка: А. Д. сам никогда не гримировался, но умел грими-

изумлял всех своим стоическим хладнокровием, логикой и непреклонностью; он был вообще замечательный диалектик; он принимал обиды как Сократ, я же напротив поднимался на дыбы, но в настойчивости не отставал от него.

В 1877 г. весной почти весь кружок народников, местным своим составом вместе с десятками связанных с ними людей, двинулся в народ, так как там, в организации народных вожаков и местных экономических протестов были все его надежды. В Самаре, Саратове, Царицыне, Астрахани, на Урале, в Ростове, на Кубани, вообще на юго-восточных окраинах образовался ряд поселений; но центром был Саратов; в него попали я и Ольга. Мы располагали также самыми значительными материальными средствами, именно около 5000 руб.

—

ровать.—*В. Ф.*), выработал в себе способность одним взглядом отличать знакомые лица в целой толпе. Петербург он знал, как рыба свой пруд. У него был составлен огромный список проходных дворов и домов (штук 300), и он все это помнил наизусть. Покойный Халтурин передавал нам однажды, как он следил за А. Д. (у Халтурина тоже были эти привычки—контролировать других); тот немедленно заметил его. Халтурин с приятной улыбкой знатока рассказывал, до чего ловко А. Д. изыскивал случаи смотреть позади себя, совершенно естественно, то будто взглянуть на красивую барыню, то поправивши шляпу и т. д.; в конце концов он исчез—„чорт его знает, куда он девался"... А нужно сказать, что Халтурин тоже был мастер выслеживать. Проходными дворами и домами А. Д. пользовался артистически. Один человек, спасенный А. Д. от ареста, рассказывал нам, как это произошло. „Я должен был сбежать с квартиры, и скоро заметил упорное преследование. Я сел в конку, потом на извозчика. Ничего не помогло. Наконец мне удалось, бегом пробежавши рынок, вскочить в вагон с другой стороны; я потерял из виду своего преследователя, но не успел вздохнуть свободно, как вдруг входит в вагон шпион, прекрасно мне известный: он постоянно присутствовал при всех проездах царя, и выследил меня на мою квартиру, откуда я сбежал. Я был в полном отчаянии, но в то же мгновение совершенно неожиданно вижу—идет по улице А. Д. Я выскочил из вагона с другого конца и побежал вдогонку. Догнал, прохожу быстро мимо и говорю, не поворачивая головы: „меня ловят". А. Д., тоже не взглянувши на меня, ответил: „иди скоро вперед". Я пошел. Он, оказалось, в это время осматрелся, что такое за мной делается. Через минуту он догоняет меня, проходит мимо и говорит „№ 37, во двор, через двор на Фонтанку, № 50, опять во двор. Догоню" (№№ впрочем я уже позабыл). Я пошел, увидел скоро № 37, иду во двор, который оказался очень тесным с какими-то закоулками, и в конце концов—я неожиданно очутился на Фонтанке... Тут я в первый раз поверил в свое спасение. Торопясь, я уже даже не следил за собой, а только старался как можно скорее итти. Скоро по Фонтанке оказался крутой заворот, а за ним № 50: прекрасное место, чтобы исчезнуть неожиданно. Вхожу во двор, смотрю, а там уже стоит А. Д.; оказалось, что двор также проходной в какой-то переулок. „Выходи в переулок, говорит Ал. Дм., нанимай извозчика, куда-нибудь поблизости от такой-то квартиры", сам же выбежал на Фонтанку и осмотрелся. Пока я нанял извозчика, он возвратился и отвез меня на квартиру... где я и остался".

С этим знанием местности и со своею ловкостью А. Д. был просто неуловим. Проследить его не было возможности. Можно было разве взять на улице, как это случилось после злополучной истории с карточками. Но зато сколько раз он уходил из рук полиции.

в пределах года. Собралось туда (в Саратов) около 20 человек [1]); из них человек 5—6 из основного кружка [2]), а остальные из различных местностей, привлеченные связями с основным кружком. Народ был разнокалиберный, мало знакомый между собой. Пришлось не мало потратить усилий на обработку этого материала в организационном смысле, и опять горячее и настойчивее других вели эту работу я и Ольга [3]). Но Ольга скоро уехала в Петербург. Остался я один и распинался за интересы центра, в то время, когда, вследствие долгого разобщения с Петербургом, стала расти местная обособленность, за которую стали некоторые из членов центра и многие местные самолюбия. Страстное отношение и настойчивость победили и здесь, и Саратов до лета 1879 года оставался местною группой организации народников. Впрочем судьба сильно разгромила его еще в конце 1877 г. [4]), но и после в Саратовской губ. поселений оставалось довольно, и если бы Петербург не был увлечен жизнью в борьбу с правительством, саратовская группа сделала бы при поддержке

---

[1]) Сергеев, Брещинская, Богомаз, Севастьянов, Мощенко, Новицкий, Демчинская, Бураков и др.—*В. Ф.*

[2]) Харизоменов, О. Натансон, А. Михайлов, Трощанский, Плеханов.—*В. Ф.*

[3]) А. Д. отличался редкими способностями организатора. С одной стороны, он был глубоко убежден в необходимости „совершенной“, как он выражался, организации, и верил, что такая организация может легко справиться с правительством. Этим объясняется то светлое чувство счастья, которое скользит в заметках и которое происходит от сознания, что в России уже положено начало такой „совершенной организации“. С другой стороны, А. Д. прекрасно понимал основания организации: единство, дисциплина, хороший состав центра, конкретность целей и строгая конспирация—составляли для него символ веры. Все это было для него решенные вопросы, над которыми раздумывать не приходилось. Сверх того он и по личным свойствам был как нельзя лучше приспособлен к созданию организации. Необыкновенно деятельный, в высшей степени практичный, наконец—не связанный никакими личными страстями и стремлениями,—он в то же время умел чрезвычайно метко определять людей, оценивать положения, умел одинаково хорошо повиноваться и приказывать. Чувство меры, присущее всякому хорошему организатору, и подсказывающее ему, что можно требовать от людей, чего нет—у А. Д. было в высшей степени развито. Поэтому у него не было „бесполезных“ людей: он всякого умел утилизировать, пристроить к делу, сообразному со способностями.

Говорить в подробностях о его идеалах организации—бесполезно, так как эти идеалы, за которые прежде приходилось выносить столько борьбы, теперь, можно сказать, стали общепризнанными. Но А. Д. принадлежит в нашем движении великая заслуга—быть в числе самых умных и энергичных проводников этой новой организационной идеи.

[4]) Саратов был в то время такой глухой провинцией, что приезд петербургской молодежи бросался в глаза обывателям и вскоре обратил внимание и полиции. Когда последняя явилась на одну квартиру, то застала большую компанию. После обыска некоторые (как Богомаз) были отпущены на поруки, а Демчинскую (по мужу Новицкую), жившую под чужим паспортом, продержали некоторое время в тюрьме, затем судили (за паспорт), но оправдали. В 1916 г. я видела ее в Харькове, где она очень энергично работала в местном культурно-просветительном обществе.—*В. Ф.*

центра многое. В Саратове я жил весну, лето и часть осени и то непостоянно. Временами я путешествовал по Саратовской губ. и заводил знакомство с крестьянами и отыскивал места для поселений, а на зиму окончательно поселился у раскольников в Саратовском уезде [1]). К деятельности среди раскольников я относился чрезвычайно любовно и решился побеждать всякие трудности. Мне пришлось сделаться буквально старовером, пришлось взять себя в ежевые рукавицы, ломать себя с ног до головы [2]). Я должен был во всем подделаться под эту среду, чтобы, стоя на одной с нею почве, иметь возможность влиять на нее. Если мне многое в приготовительных работах удалось в сравнительно короткий промежуток времени, то только благодаря одной черте моего характера, именно способности отдаваться всякому делу всецело, всей душой, всеми помыслами. Это мне помогло в два - три месяца стать неузнаваемым раскольником, а кто знает староверов, тот понимает, что это значит. Для интеллигентного человека это значит исполнять 10.000 китайских церемоний и исполнять их естественно. Преодоление происходило вследствие сознания необходимости, даже с некоторою приятностью, а главное с громадной пользой для развития воли и уменья владеть собой. Это была прекрасная и необходимая для меня школа, к сожалению, только кратковременная. Мир раскола пленил меня своею самобытностью, сильным развитием духовных интересов и самостоятельно народной организацией. Это могучее государство в государстве чиновничьем. Меня сильно манили тайники народно-общинного духа, область истинно народной жизни и народного творчества. У меня образовались уже прочные связи. Я мог проникнуть уже и в сибирские тайные скиты, и к астраханским общинам (коммунистам), и к бегунам и в Преображенское кладбище. Но, увы! пришлось всё бросить. Я видел, что дела центра не блестящи, что организация расширяется медленно, а главное были плохи финансы и остановился вследствие этого приток сил в народ. В Саратове наши положительно голодали.

---

[1]) *У спасовцев в с. „Синенькие“.—В. Ф.*

[2]) Мы знавали А. Д. в момент его возвращения в Петербург. Он действительно был с головы до ног „старовером“, и даже в спорах с радикалами постоянно сбивался нечаянно на цитаты из разных сектантских „цветников“. В силу сектанства он глубоко верил; религиозным в формальном смысле слова он не был и тогда, но однако имел какую то особую подкладку в миросозерцании, которая очень приближалась к религии. „Бог—это правда, любовь, справедливость, и я в этом смысле с чистой совестью говорю о боге, в которого верю“. Он уверял, что все основатели великих религий, Христос даже, именно в таком же смысле понимали бога. „Но все-таки, спрашивали его, что такое справедливость, любовь, и т. д.? Есть ли это нечто личное, некоторое существо, или отвлеченный принцип?“ Не помним, чтобы А. Д. давал на это вполне решительный ответ. У него была какая-то идея (смутная для посторонних, потому что он мало говорил об этом, а может быть смутная и для него самого)—что идеалы социальной революции должны создать людям некоторую новую религию, которая бы также поглощала все существо человека, как это делали старые.

В начале апреля 1878 года, я вернулся в Петербург, имея, впрочем, намерение образовать новую группу для отправления в раскол. Благоприятные впечатления, вынесенные мною из раскольничьей среды, еще наполняли меня, и мне трудно было сразу отрешиться от начатой деятельности, но кипучая жизнь Петербурга вскоре потребовала все мои силы, и с работой в народе пришлось расстаться сначала фактически, а впоследствии и принципиально по мере того, как успешность борьбы с правительством становилась очевидною. Здесь окончательно выработана программа народников (в апреле и мае 1878 г.) и устав организации. В то же время возникла мысль о новой организации общества „Земли и Воли" и об органе. В эту же весну я участвовал в многочисленных демонстрациях, имевших тогда место, и частью организовывал их. Затем, вполне сочувствуя борьбе с правительством, я стал принимать участие в некоторых террористических актах и освобождениях. В конце сентября 1878 года я был послан в землю Войска Донского с прокламациями для организации дела среди казаков, при помощи радикалов, живших на Дону, но, вследствие погрома 13 октября в Петербурге, я возвратился сюда. Дела я застал здесь в печальном положении, мои лучшие друзья и вместе с тем наиболее выдающиеся деятели – погибли; связи почти целиком были утрачены; но энергическими усилиями 4—5 человек в короткое время нам удалось поставить дела на прежнюю высоту и даже дать им новый размах. В конце октября я был задержан на квартире Трощанского, но успел бежать (случай этот описан в № 1 „Земли и Воли" [1]). В то время была устроена типография, и №№ „Земли

---

[1]) Не имея под рукой № 1 „Земли и Воли", передадим этот случай по рассказам очевидцев. А. Д. явился на квартиру Трощанского, не зная об его аресте, а между тем на квартире этой полиция озаботилась оставить засаду. А. Д. был немедленно арестован. Когда его вывели на улицу, чтобы препроводить в часть, А. Д. вырвался и пустился бежать. Полиция, разумеется, бросилась догонять. Но А. Д. начал громко кричать „Лови, держи", и этим увлек за собою много прохожих, которые побежали вместе с ним ловить воображаемого злоумышленника. Таким образом А. Д. до некоторой степени затерся в толпе, и успел шмыгнуть в переулок, а затем в первый попавшийся двор. Разумеется, выигрыш времени состоял всего в нескольких минутах, и полиция скоро сообразила, что человек, свернувший в переулок, именно и есть настоящий беглец. Между тем, двор, куда свернул А. Д., оказалось, к несчастию, не имел никакого другого выхода. Преследователи толпились на улице, и очевидно должны были скоро толкнуться и в этот двор, а А. Д. стоял бессильно перед высокой стеной, преграждавшей путь куда-нибудь дальше. „Я готов был, рассказывал А. Д., бить со злости эту проклятую стену". Однако он скоро нашел способ перелезть через нее в другой двор и таким образом благополучно скрылся.

Случаев такого экстраординарного спасения в жизни А. Д. было несколько. Приведем еще один из них, основываясь на рассказах очевидцев, а отчасти и самого А. Д.

Однажды, в 1879 г., швейцар квартиры, где проживал А. Д., сделал на него донос (благодаря бестактности одного товарища А. Д.), вследствие чего за ним началось слежение. А. Д. очень скоро заметил это, тем более, что

и Воли“ стали выходить правильно. Я участвовал тогда в рабочей группе, которая возбудила и поддержала несколько стачек. Во время

знал в лицо шпиона, которого к нему приставили. Но А. Д. жил под прекрасным, подлинным, хотя и чужим видом; он знал, что ничего особенного за ним полиция заметить не могла. Поэтому, хотя он и решился съехать с квартиры, с тем чтобы потом поселиться под другим видом, но в то же время он считал совершенно излишним сбежать так сказать со скандалом. Намерения арестовать его он со стороны полиции не предполагал. Таким образом он самым благородным манером собрал пожитки, нанял извозчика и отправился на вокзал. Оказалось, что шпион поехал следом за ним. Это немного обеспокоило А. Д., но он все-таки ограничился тем, что из предосторожности отдал на вокзале товарищу (бывшему там согласно условию) разные бумаги и деньги. Разумеется, это было сделано осторожно, в темном закоулке. Сам же А. Д. отправился все-таки брать билет и сдавать багаж. Между тем вокзал начал принимать очень зловещий вид. Появилось несколько шпионов; они, видимо, стерегли А. Д., ожидая чего-то. Он все это наблюдал, сохраняя однако замечательно спокойный вид, так что шпионы, очевидно, оставались в полной уверенности, что он ничего не замечает. Когда А. Д. сел в вагон, один шпион остался у вагона, а другой подошел и сказал что-то жандарму. А. Д. быстро и незаметно перешел в другой вагон (дело было ночью). Между тем на платформе вдруг появился сам Кириллов, начальник канцелярии III Отделения. Кириллов, начавший свою карьеру простым шпионом, в это время был уже генерал и очень стар, но любил в особенных случаях лично руководить человеческой травлей. Появление его, как А. Д. прекрасно знал, всегда означало неизбежный арест. Нужно было спасаться. А. Д. вышел на площадку вагона и стал в густой тени, а Кириллов что-то сказал своим шпионам; вероятно, приказал арестовать. Но те тут только заметили, что А. Д. исчез. Началась беготня. Один прошел весь поезд из конца в конец, имея наивность даже звать А. Д., вероятно в расчете, что он себя нечаянно чем-нибудь выдаст. Между тем пробил третий звонок. Кириллов, очевидно получил от шпионов ручательство, что А. Д. должен находиться в поезде, хотя и неизвестно где. Два шпиона вскочили в вагон, надеясь на-ходу хорошенько осмотреть вагоны, а А. Д., как только поезд тронулся, соскочил со ступенек вагона и через двор вышел на улицу. От шпионов с пути была прислана Кириллову телеграмма с известием об отсутствии А. Д., а в Москве, немедленно по прибытии поезда, был заарестован его багаж. В чемодане между прочим нашли прекрасный револьвер Смита и Вессона, а также стилет. Этим и ограничилась добыча Кирилловской экспедиции.

А. Д. всегда старался узнавать в лицо шпионов и пользовался для этого всеми случаями. Это знакомство, вместе со способностью необыкновенно хорошо запоминать лица и быстро замечать их в целой толпе, очень помогало А. Д. скрываться от всяких преследований, и он, на улице, вообще считал себя настолько гарантированным от ареста, что позволял себе показываться в самые опасные места. Так, например, во время взятия первой типографии „Народной Воли“, когда в Саперном переулке стоял целый взвод полиции и шпионов, А. Д. ходил туда посмотреть и узнать, что делается. На его глазах арестовано было несколько зевак, он же остался цел и невредим. Точно также он всегда охотно брался проверить, есть ли слежение за данной квартирой, и в этом случае на его свидетельство можно было полагаться почти с безусловным доверием. От его внимания не ускользало ни одно подозрительное обстоятельство; но ни одно обстоятельство он также и не преувеличивал. Его оценка каждого данного положения вещей отличалась замечательной точностью, и производилась всегда необыкновенно быстро, совершенно, будто у него в голове находились какие-то весы, которые механически и с моментальной быстротой показывали ему сравнительную тяжесть фактов.

Соловьевского покушения, я находился на площади и видел, как после выстрелов царь упал и пополз на четвереньках. Позднейшая моя деятельность известна теперешним моим товарищам [1]). Огляды-

[1]) Эта деятельность нам известна лишь в общих чертах. Вскоре после покушения Соловьева на жизнь Александра II, с А. Д. произошла история, о которой мы упоминали выше. Ускользнув на вокзале от рук Кириллова, А. Д. не остался однако в Петербурге, а через несколько дней, изменивши наружность, все-таки уехал на юг, где должен был хлопотать о получении денег Лизогуба. В это же время А. Д. сблизился с Желябовым. Затем наступил Липецкий съезд, в котором А. Д. принимал самое деятельное участие, как горячий сторонник изменения общей деятельности партии и улучшения ее организации. С Липецкого съезда А. Д. отправился, в качестве члена „Земли и Воли", на Воронежский съезд, где старался отстоять террористическую деятельность, но в то же время предупредить разрыв кружка. После съезда А. Д. прибыл в Петербург и участвовал через несколько времени на так называемом Петербургском съезде, который состоял собственно из делегатов двух групп, на которые раскололась „Земля и Воля". Здесь А. Д. энергически отстаивал интересы будущей „Народной Воли", а затем, по распоряжению Исполнительного Комитета отправился в Москву, где организовал взрыв царского поезда, и рядом с этим занимался организацией московского кружка „Народной Воли". После 19 ноября А. Д. оставался в Москве при своей группе, пока не был вызван в Петербург, по случаю ареста Квятковскаго и других провалов, угрожавших безопасности организации. С этого времени деятельность А. Д. имела, главным образом, организаторский характер. В деле 5 февраля он не принимал никакого особенного участия.

28 ноября 1880 г. А. Д. был арестован по следующему поводу. Он заказал карточки некоторых казненных революционеров в фотографии Александровского (фотография Александровского была фотографией, где снимали всех арестованных. В 1882 г. в феврале и меня снимали в ней. *В. Ф.*) и Таубе (они обе находятся рядом на Невском проспекте между Троицкой и Новой улицей). Карточки, разумеется, были отдаваемы им как принадлежащие будто бы его родственникам. Но фотографы, вероятно, имели уже их, так что немедленно узнали Квятковского и Преснякова, и один из них (именно Александровский) донес об этом в полицию. Полиция отрядила двух агентов в обе фотографии, при чем в одной агент находился в качестве якобы швейцара. Когда А. Д. явился за своими карточками, он заметил странное поведение фотографа, который не давал карточек, под очевидно пустыми предлогами, и убежал куда-то (оказалось—предупредить полицию). А. Д., не дожидаясь дальнейшего, сказал, что он не имеет времени дожидаться, и ушел. Швейцар, мимо которого он проходил, держал себя еще более по-дурацки, старался уговорить А. Д. не уходить, делал движение, как будто имел желание схватить его и т. д. А. Д. опустил руку в карман, и швейцар (оказалось впоследствии, он думал, что у А. Д. есть револьвер в кармане) оставил его в покое.

Странно и невероятно, разумеется, что А. Д., сам рассказывавший товарищам об этом происшествии, все-таки пошел после этого в фотографию Таубе! Он обещал не ходить, даже в таких словах: „Я не дурак, не беспокойтесь"... и все-таки через несколько дней пошел. Околоточный Кононенко, сильный и смелый человек, все время дежурил около подъезда фотографии, переодетый в цивильный костюм. Когда А. Д., получив карточки, вышел на улицу, Кононенко пошел за ним. А. Д. заметив слежение, сел в конку (по Владимирской улице), куда за ним вскочил и Кононенко. Около Владимирской церкви, А. Д. выскочил из вагона и хотел сесть на извозчика, но Кононенко бросился на него и схватил его. Тут подоспели городовые, и А. Д. повели в часть. После недолгого допроса, при чем оказалось, что по-

ваясь назад, я могу сказать, что жизнь моя беспримерна деловым счастьем. Я не знаю человека, которого бы судьба так щедро наградила деловым счастьем. Перед моими глазами прошло почти все великое нашего времени в России. Лучшие мои мечты несколько лет осуществляются. Я жил с лучшими людьми и всегда был достоин их любви и дружбы. Это великое счастье для человека.

1880 г. Февраль.

лиция не имеет ни малейшего подозрения о действительной личности А. Д., его попросили показать свою квартиру. На дороге А. Д. пытался бежать, но его снова поймали. Приведенный на квартиру, А. Д. выставил у себя знак опасности и затем после обыска был увезен в Д. П. З.; у него было найдено между прочим значительное количество динамита.

„Видно на всякого мудреца довольно простоты“, сказал А. Д. конвойный жандарм, когда выяснилась его личность. И действительно, ничего не остается больше сказать, видя при каких невероятных условиях был арестован этот осторожнейший и осмотрительнейший человек.

По прочтении автобиографии А. Д. Михайлова [1]).

Автобиография и заметки к ней дают совершенно верное представление об этом незабвенном деятеле русской революции.

По натуре это был цельный, уравновешенный и жизнерадостный человек. Самый процесс жизни доставлял ему наслаждение, никогда не омрачавшееся ни бурями личного свойства, ни сильными страстями. Своих стариков-родителей, создавших для него счастливое и безмятежное детство, он любил горячо и нежно, равно как и брата и сестер. Обаяние, которое А. Д. производил на людей, сочувствовавших партии „Народной Воли“, было очень велико, благодаря приветливости его нрава, вниманию, с которым он относился к индивидуальным свойствам личности и силе воли, которая сознавалась всеми приходившими с ним в соприкосновение. Когда он являлся к лицу состоятельному и предлагал ему денежным взносом поддержать дело народного освобождения, то это лицо чувствовало, что даст денег и именно столько, сколько укажет сам А. Д., и тут обыкновенно кошельки развязывались. Между прочим, А. Д. удалось получить те сравнительно большие средства, которые были необходимы для организации дела 1 марта 1881 года.

Его привязанность к товарищам-революционерам была глубокая и сильная, что не мешало его критическому отношению к каждому из них. Высоко ценя положительные стороны характера, ума и деятельности товарищей, он легко определял слабые их стороны, которые могли повредить делу революции, и всегда открыто и просто указывал на них. Если случались неудачи в революционных делах вследствие собственной неосмотрительности или промахов членов партии, то такие события глубоко волновали и огорчали его. Не раз в таких случаях я слышала от него восклицание: „Несчастная русская революция!“—произнесенное с особенной горечью.

Он очень заботился о том, чтобы сохранилась для истории память о погибших товарищах. Главный архив, куда он бережно сносил письма, воспоминания и карточки погибших, помещался у одного чиновника. Этот добрый человек вероятно давно умер, так как в то время был уже глубокий старик. После ареста А. Д. Исполнительный Комитет решил оставить этот архив на прежнем

[1]) Статья была помещена в февральской книжке „Былое“ за 1906 г.—*А. К.*

месте, а после 1 марта и его провалов о нем забыли. Надо надеяться, что старичок перед смертью передал архив в чьи-нибудь верные руки [1]). Старание А. Д. сберечь для потомства карточки товарищей, павших в бою, и послужило причиной его собственной гибели. Накануне того дня, когда он отнес карточки Квятковского и Преснякова к фотографам на Невском, он виделся с несколькими студентами и просил их заказать снимки карточек в любой фотографии. До того времени переснимки часто практиковались и всегда совершались беспрепятственно. Отказ студентов глубоко возмутил А. Д.; он увидал в нем проявление трусости и нежелание подвергать себя малейшей опасности. Поддавшись чувству раздражения, он на другой день сам отнес карточки фотографам. Когда он явился в указанное время к одному из них, жена фотографа, став за спиною мужа, взглянула в упор на А. Д. и рукой провела по своей шее, давая ему знать, что ему грозит виселица. Он ушел из фотографии, сказав, что вернется на следующий день. Когда он сообщил об этом Исполнительному Комитету, его рассказ был встречен возгласами изумления и недовольства. Ему напомнили его роль оберегателя безопасности партии и взяли с него слово более не возвращаться в фотографию. На другой день, проходя по Невскому мимо проклятого места, вероятно, у него мелькнула мысль, что он неверно понял предупреждение жены фотографа, может быть он сам себя упрекнул в трусости, или же вспомнил, как счастливо он уходил от всех опасностей, встречавшихся в его жизни. Как бы то ни было, он вошел в фотографию, а затем последовала уже известная сцена его ареста...

* * *

Начало 1880 г., до весны, я прожила на одной из Подъяческих улиц, близ Сенной площади. Комната, которую я занимала, была удобна в конспиративном отношении, и у меня помещалась часть паспортного стола и некоторые документы Исполнительного Комитета. В то время А. Д. довольно часто заходил ко мне по делам. Когда же у него бывало свободное время, он оставался на час или на два, и тогда в разговоре чаще всего возвращался к воспоминаниям о друзьях, которые так недавно еще были с ним, работали вместе с ним, и которых, он это знал, он никогда не увидит более.

---

[1]) В книге: „Повести моей жизни“ Морозов пишет, что архив хранился у секретаря тогдашней либеральной газеты „Голос“—Зотова, который был для этого рекомендован ему А. А. Ольхиным, защитником на политических процессах 70-х гг. и автором поэмы на смерть Мезенцева. После 1 марта 1881 г., арестов 1882 и 1883 г.г. и гибели всего Исполнительного Комитета „Народной Воли“ связь с архивом порвалась. Во время нашего заключения в Шлиссельбурге Зотов умер, и архив, можно сказать, совсем затерялся. Но Морозов, по выходе из крепости, в поисках архива напал на след его и, получив документы, передал их В. Л. Бурцеву, при чем главнейших налицо не оказалось.—*В. Ф.*

Часто он говорил с любовью и восхищением о Сабурове-Оболешеве, тогда еще живом и заключенном в Петропавловской крепости; о Марке Натансон, об Ольге Натансон, о Зунделевиче, о Соловьеве и многих других.

Помню, как однажды он сказал, что из всех личных чувств он не знает ничего возвышеннее и сильнее товарищества, и рассказал содержание старинной славянской легенды, которая ему особенно нравилась и была близка ему. Суть этой легенды состоит в том, что герой, сражавшийся за народную свободу, томится в турецкой тюрьме. Он ждет, что его освободят отец с матерью, но они дряхлы и хилы и не могут спасти его; он ждет, что жена его освободит, но она, хотя плачет и убивается, не может, однако его спасти; узнают о его заключении товарищи. Они выбирают бурную ночь, убивают стражу и выводят героя из тюрьмы.

* * *

Как-то раз я вернулась домой и застала А. Д. в моей комнате. Он стоял у окна, выходившего на улицу, и смотрел на прохожих. Услыхав шаги, он обернулся и, поздоровавшись, сказал, что сейчас, глядя на людей, толпившихся на улице, он думал о том, что продолжительное одиночное заключение для него невозможно. „У меня,— говорил он,—ум так создан, что сам из себя не родит предметов для размышления. Мне необходимы внешние впечатления для того, чтобы мои мысли могли перерабатывать их. Внешние впечатления, это тот материал, которым питается мой ум. Поэтому я уверен, что долго не вынесу одиночного заключения“. Эти его слова оказались пророческими. А. Д. прожил в Петропавловской крепости без нескольких дней всего два года.

А. Прибылева-Корба.

К биографии А. Д. Михайлова [1]).

(Происхождение.)

Мне кажется, сведения о ближайших восходящих родственниках А. Д. Михайлова не лишены интереса. Даже с научной точки зрения интересно выяснить, какие элементы послужили природе, чтобы создать такой крупный, цельный и светлый характер, каким обладал А. Д. Михайлов.

Он передавал мне, что мать его отца была небогатой помещицей Курской губернии. В ее имении жил в качестве работника отставной солдат николаевских времен, с которым она вступила в связь. К сожалению, нет данных, чтобы судить об этом человеке, но надо допустить, что он обладал выдающимися личными качествами, потому что союз его с бабушкой А. Д. был очень счастлив и продолжался до самой его смерти. От этого неоформленного обрядами брака родился Дмитрий Михайлов, отец Александра Дмитриевича.

Родители относились с большой любовью к ребенку, и мать после смерти мужа одна несла все заботы по воспитанию его. Когда сын подрос и кончил какое-то среднее учебное заведение, она послала его в Петербург, где он поступил в Лесной институт.

По словам А. Д., в студенческие годы отец его терпел большую нужду. Единственный его костюм состоял из халатика, в котором он отправлялся на лекции. Испытывая всевозможные лишения, отец А. Д. находил утешение в мысли, что, как только окончит курс учения, так женится и заживет семейною жизнью. А. Д. говорил, что матримониальное чувство было сильно развито в его отце.

Возможно, что его „незаконное“ рождение отразилось на его детстве, до известной степени отравило первые годы его жизни, и что у него явилось вследствие этого страстное желание создать для своей семьи полное счастье, которого он жаждал в детстве для самого себя.

Действительно, получив место лесничего в провинции, он поторопился осуществить свою заветную мечту. Замечателен при этом его выбор. Он женился на молодой девушке из небогатой и интел-

---

1) „Былое“ 1907, II.

лигентной семьи Вербицких; она не блистала красотой, но в чертах ее лица было много поэзии юности, а сердце было доброе и отзывчивое.

Не знаю, с самого ли начала своей семейной жизни поселился Дмитрий Михайлович в Путивле, во всяком случае уже раннее детство его старшего сына, Александра Дмитриевича, протекало в этом маленьком городке и в его окрестностях, где у семьи Михайловых был небольшой хутор [1]). Здесь протекли в безмятежной радости детские годы А. Д., которые им так ярко изображены в его автобиографии.

Сильная привязанность его к родителям сказалась между прочим в следующем случае. Летом 1880 года, разъезжая по югу России по делам партии „Народной Воли" и находясь в Киеве, он дал знать родителям, что хочет с ними видеться, и назначил день и место свидания в Путивле. Вся семья должна была к назначенному времени выехать за город на прогулку и здесь встретиться с Александром Дмитриевичем. Свидание состоялось. Старики с детьми выехали в семейной „линейке" в степь и на определенном месте к ним подошел Александр Дмитриевич. Произошла бурная и радостная сцена встречи после долгой разлуки, после того, как всякая надежда на свидание была давно потеряна. Родные усадили А. Д. с собой в „линейку" и увезли далеко от города. Здесь среди летней природы, вдали от посторонних глаз протекли несколько часов в торопливой беседе, и снова приходилось расставаться.

В феврале 1882 года родители приехали в Петербург к суду их сына. Мне необходимо было их видеть, чтобы услышать от них последние слова Александра Дмитриевича и его последние распоряжения. Я разыскала стариков на Выборгской стороне, где они остановились в какой-то квартире. Они встретили меня очень радушно и с большой нежностью, как товарища и друга их сына. Не стану говорить о слезах и отчаянии матери; их было довольно. Отец старался быть сдержанным, и к его огромному горю ясно примешивалась гордость таким сыном, как А. Д., значение которого он понимал вполне. Во всей внешности старика и в мягких чертах его лица заметно было большое душевное спокойствие, которое несчастье только нарушило, не будучи в состоянии уничтожить. Бедная мать каждый раз перед свиданием с сыном подолгу и горячо молилась в Петропавловском соборе за судьбу сына и верила в силу молитвы.

А. Прибылева-Корба.

---

[1]) В 25 верстах от Путивля, в деревне Аллеевой.—*А. К.*

Плеханов

Воспоминания об А. Д. Михайлове [1]).

Я познакомился с А. Д. Михайловым осенью 1875 года, когда он, окончивши гимназический курс, поступил в Технологический институт в Петербурге. Знакомство наше состоялось на одной из многочисленных тогда студенческих сходок, на которых обсуждались занимавшие молодые умы вопросы о „знании и революции“, „хождении в народ“, пропаганде, агитации и т. п. Сходка, о которой я говорю, состоялась где-то около Технологического института в довольно просторной и высокой комнате, битком набитой студентами различных учебных заведений. Проспоривши часа два подряд, мы все почувствовали нестерпимую духоту и решили отворить форточку. Тогда наступил род перерыва, и прения приняли частный характер: собрание разбилось на небольшие группы, в которых продолжалось обсуждение различных спорных пунктов. Мы горячились и кричали, не обращая внимания на то, что, благодаря открытой форточке, собрание наше могло обратить на себя внимание дворников и полиции. Вдруг все голоса были покрыты чьим-то громким напоминанием об осторожности. Обернувшись в сторону говорившего, мы увидели довольно высокого, белокурого господина в красной шерстяной рубашке и высоких сапогах.

— Вы лучше помолчите, господа, пока форточка открыта,— продолжал белокурый господин, не проронивший до тех пор ни одного слова и потому не обративший на себя ничьего внимания.

Не знаю почему, все мы расхохотались над этим предостережением, но не отказались однако последовать благому совету. У многих явилось желание познакомиться с осторожным господином, одетым настоящим „нигилистом“. Около него образовалась кучка, посыпались вопросы: где учитесь, как ваша фамилия и т. д.— „Михайлов, студент Технологического института, первокурсник“, обстоятельно пояснял, с легким заиканием, белокурый господин, не обращаясь ни к кому в частности. Я был в числе вопрошавших и, узнавши, что Михайлов—технолог, спросил его о новых правилах, только-что введенных Вышнеградским и вызывавших всеобщее неудовольствие студентов.

— Говорят, что не сегодня-завтра студенты откажутся ходить на репетиции, и начнутся „беспорядки“?

---

1) „На родине“ № 3. Жен., 1883, с. 31—51.

— Студенты очень возбуждены, и „беспорядки“ весьма возможны, но я не приму в них ни малейшего участия,—отвечал мой новый знакомый.

Это откровенное заявление ужасно удивило меня, так как отказ поддержать товарищей в их справедливых требованиях считался несомненным признаком трусости.

— Видите ли, в чем дело,—невозмутимо продолжал Михайлов' они хотят сообща отказаться от репетиций, потому что каждый из них боится сделать это в одиночку. Я давно уже переступил этот рубикон: с самого поступления в институт я не был ни на одной репетиции, так как считаю их совершенно бесполезными. Если бы и другие поступили как я, то новые правила были бы устранены фактически, и тогда не было бы надобности в „беспорядках“ и неизбежных затем высылках.

— Но ведь те, которые не являются на репетиции получают нуль, а за несколько нулей студент не допускается к экзамену.

— А пусть себе ставят нули, ведь нельзя же оставить на второй год всех студентов, всех курсов.

— Но пока вы один, с вами это наверное случится.

— Это уже их дело, а я все-таки не пойду на репетиции, потому что это пустая трата времени.

На этом и прекратился мой разговор с Михайловым. Вскоре после нашей первой с ним встречи действительно начались „беспорядки“ в Технологическом институте, а за ними последовали административные „водворения на родину“. Михайлов был выслан одним из первых, хотя он сдержал слово и не принимал ни малейшего участия в „беспорядках“. Его выслали как упрямого протестанта против новых порядков, доказавшего свою „злую волю“ непосещением репетиций еще в то время, когда другие студенты являлись на них самым исправным образом. Его водворили, кажется, в Путивле, откуда он скоро перебрался в Киев.

В шумном водовороте петербургской студенческой жизни я скоро совсем забыл о Михайлове, не подозревая, что мне еще придется жить и действовать с ним вместе. Поэтому я таки порядком удивился, когда в октябре 1876 года столкнулся с ним на империале конно-железной дороги. После первых приветствий он рассказал мне свою одиссею и прибавил, что получивши разрешение вернуться в Петербург, он приехал с целью поступить в Горный институт или какое-нибудь другое высшее учебное заведение. В минуту нашей внезапной встречи он ехал на Садовую, чтобы осведомиться на счет правил приема в институт инженеров путей сообщения. Как человек практичный, он решил держать экзамены в двух учебных заведениях сразу, чтобы, „срезавшись“ в одном, не лишиться шансов на успех в другом. Нужно заметить, что приемные экзамены в Горный институт отличались тогда большою строгостью, так что опасения Михайлова касательно провала были не лишены основания. Впрочем техника

интересовала его в это время очень мало. Студенческий билет должен был доставить ему некоторую гарантию от преследований полиции, которая вообще неблагосклонно смотрела на пребывание в Петербурге людей „без определенных занятий“. Я не помню, удалось ли ему запастись этим громоотводом, знаю только, что поселившись в столице, Михайлов посвящал все свое время разыскиванию „настоящих революционеров“. Припоминая теперь его тогдашний образ жизни, я думаю, что Михайлов должен был пережить страшно много за каких нибудь два-три месяца. Он как бы переродился. Из уединенного обитателя Измайловского полка, каким я знал его год тому назад, он превратился в самого подвижного, самого живого члена студенческих „коммун“, нигде не остающегося надолго, но вечно перекочевывающего из одной квартиры в другую. „Коммуны“, в которых он вращался в это время, представляли собою иногда небольшую студенческую комнату, занимаемую вместе с настоящим ее хозяином целой массой пришлого населения. Я помню рассказ Михайлова об обстановке одной из таких коммун. На Малой Дворянской улице, на Петербургской стороне, в крошечном и низком деревянном домике, настоящей избушке на „курьих ножках“, кто-то из знакомых Михайлова занимал комнату, помещавшуюся в первом этаже и выходившую окнами на улицу. Мало-по-малу, вместо одного постоянного жильца в ней оказалось целых шестеро, размещавшихся, как это легко себе представить, без всякой претензии на удобства. Спали на кроватях, спали на столах, спали на полу, и когда к постоянным обитателям комнаты присоединялось несколько „ночлежников“, то весь пол был занят спящими, так что путешествие из одного угла комнаты в другой представляло собою настоящую „скачку с препятствиями“. Когда дворник отворял по утрам ставни наших окон, рассказывал Михайлов, то, пораженный этим необычайным зрелищем, он мог только произнести„—О, Господи!“ В настоящее время, конечно, ни один дворник не ограничился бы такими лирическими порывами, но лет пять-шесть тому назад [1]) полиция снисходительнее смотрела на студенческие нравы и терпеливее „ожидала поступков“. Она ни разу не потревожила Михайлова и его сожителей, которые, не довольствуясь обычным в их квартире многолюдством, часто устраивали сходки из нескольких десятков человек. В то время сходки вообще были очень многолюдны и оживленны. Наступившее после арестов 1873—74 годов затишье уступило место новому оживлению молодежи, на развалинах старых кружков выростали новые организации, революционные „программы“ предшествующего периода заменялись так называемым „народничеством“.

Михайлов горячо интересовался всеми „проклятыми вопросами“ этого периода нашего революционного движения и принимал деятельное

[1]) Статья напечатана в 1883 году.—*В. Ф.*

участие во всех вызывавшихся ими дебатах. Посещая все, сколько-нибудь интересные собрания, он надеялся встретиться там с „настоящими революционерами“, которые облегчили бы ему переход от слова к делу. Надежды его оправдались в очень скором времени. На одной из сходок, если не ошибаюсь, в описанной уже выше „коммуне“ на Малой Дворянской улице, он познакомился с членами *возникавшего тогда общества „Земля и Воля“* [1]), и скоро сам был в него принят. Тогда окончился „нигилистический“, как любил выражаться Михайлов, период его жизни. Он достиг своей цели, нашел подходивших к его воззрениям людей, нашел кое-какую организацию и энергически принялся за ее расширение. Теперь он уже не посещал „коммун“, не ужасал дворников оригинальностью своего костюма. Он превратился в сдержанного организатора, взвешивающего каждый свой шаг и дорожащего каждой минутой времени. „Нигилистический“ костюм с его пледом и высокими сапогами мог обратить на себя внимание шпиона и повести к серьезным арестам. Михайлов немедленно отказался от него, как только взялся за серьезную работу. Он оделся весьма прилично, справедливо рассуждая, что лучше истратить несколько десятков рублей на платье, чем подвергаться ненужной опасности. Во всем кружке „Земля и Воля“ не было с тех пор более энергичного сторонника приличной внешности. Часто, после обсуждения какого-нибудь серьезного плана, он делал своему собеседнику замечание относительно неисправности его костюма и настаивал на необходимости ремонта этого последнего. Если собеседник отговаривался неимением денег, то Михайлов умолкал, но при этом записывал что-то шифром в свою книжечку. Через несколько дней он доставал денег и сообщал адрес недорогого магазина платья, так что его неисправно одетому товарищу оставалось только итти по указанному адресу, чтобы вернуться домой в приличном виде. Другою не менее постоянною заботою Михайлова был квартирный вопрос. Помимо обыкновенных житейских удобств, найденная им „конспиративная“ квартира имела много других, незаметных для глаза непосвященного в революционные тайны смертного. Окна ее оказывались особенно хорошо приспособленными для установки „знака“, который легко мог быть снят в случае появления полиции, так что, не входя еще в квартиру, можно было знать, что там „неблагополучно“; от других квартир она отделялась толстою капитальною стеною, так что ни одно слово не могло долететь до ушей, быть может, нескромных соседей; план двора, положение подъезда, — все было принято в соображение, все было приспособлено к „конспиративным“ целям. Я помню, как, показавши мне все достоинства только что нанятой им квартиры, на Бассейной улице,

---

[1]) Курсив мой в виду точного указания Плеханова на время возникновения о-ва „Земля и Воля“ (1876 г).—*В. Ф.*

Михайлов вывел меня на лестницу, чтобы обратить мое внимание на ее особенные удобства [1]).

— Видите, какая площадка, — произнес он с восхищением.

Признаюсь, я не понял — в чем дело.

— В случае несвоевременного обыска мы можем укрепиться на этой площадке и, обстреливая лестницу, защищаться от целого эскадрона жандармов, — пояснил мне Михайлов.

Вернувшись в квартиру, он показал мне целый арсенал различного оборонительного оружия, и я убедился, что жандармам придется дорого поплатиться за „несвоевременный" визит к Михайлову.

Но все эти хлопоты занимали А. Д. лишь временно. Он собирался „в народ" на Дон или на Волгу, туда, где, по его мнению, еще жива была память о Разине и Пугачеве, где народ не свыкся еще с ярмом государственной организации и не махнул рукой на свое будущее. Но так как бродячая пропаганда 1873 — 74 гг. не принесла хороших результатов, то общество „Земля и Воля" решилось основать прочные поселения в народе, чтобы иметь возможность действовать осмотрительно, с знанием местности и разумным выбором личностей. Для этого, разумеется, нужно было занять известное положение в деревне, нужно было звание учителя, писаря, фельдшера или чего-либо подобного. Михайлов решился сделаться учителем, но не в православной, а в раскольничьей деревне. На пропаганду среди раскольников тогда возлагались очень большие надежды; беспоповцев, в особенности, считали, как и теперь считают многие, носителями неиспорченного идеала народной жизни, которых без большого труда можно превратить из оппозиционного — в революционный элемент русской общественной жизни. Наилучшею репутациею пользовались, конечно, бегуны. Мысль о заведении с ними правильных и постоянных сношений была не нова, но осуществление ее представляло большие трудности. Михайлов не видел возможности познакомиться с представителями этой секты иначе, как через посредство других, менее крайних, менее преследуемых, а потому, естественно, и менее недоверчивых сект. Он решился научиться всем обрядам беспоповцев, усвоить хотя главные основания их учений и затем, в качестве своего человека поселиться учителем в какой-нибудь раскольничьей деревне. Окончательный выбор его пал на Саратовскую губернию.

Весною 1877 года с разных концов России члены общества „Земля и Воля" двинулись в Поволжье для устройства „поселений". Пространство от Нижнего до Астрахани принято было за операционный базис, от которого должны были итти поселения по обе стороны Волги. В одном месте устраивалась ферма, в другом — куз-

---

[1]) Эта квартира на Бассейной была главной квартирой, где осенью 1876 г. собирались землевольцы и где при посещениях я всегда заставала Марка Натансона.—*В. Ф.*

ница, там поселялся лавочник, здесьприискивал себе место волостной писарь... В каждом губернском городе был свой „центр“, заведывавший делами местной группы. Саратовская и астраханская группы непосредственно сносились с членами кружка, жившими в Донской области, а над всеми этими группами стоял петербургский „основной кружок“, заведывавший делами всей организации. Много потерь и неудач пришлось испытать и „основному кружку“ и местным группам, но, в общем, дела шли очень недурно. Как член „основного“ петербургского кружка, Михайлов должен был принимать деятельное участие в организации саратовской группы, но в то же время он усердно готовился к своей миссии среди раскольников. Приехавши в Саратов в конце июля 1877 г. и увидевшись с Михайловым, я узнал от него, что он уже завел знакомства между саратовскими раскольниками, даже поселился у одного из них на квартире и занимается изучением священного писания. Его новый образ жизни не раз вызывал во мне удивление к его железной настойчивости и самой строгой выдержанности. Раскольничье семейство, в котором он поселился, обитало где-то на окраинах Саратова и отличалось самыми патриархальными нравами. Много нужно было выдержки и терпения, чтобы приспособиться к этим допотопным нравам и не соскучиться выполнением раскольничьих обрядовых церемоний. Засидеться в гостях долее 9 часов вечера считалось в этой среде чуть не преступлением; начинавшееся с рассветом утро посвящалось всевозможным молитвам, „метаниям“ и причитаниям; нечего и говорить о постах, которые соблюдались с педантическою строгостью. Живя в комнате, отделенной от хозяйского помещения лишь тоненькой перегородкой, Михайлов не мог скрыть ни одного своего шага от подозрительного глаза хозяев и должен был взять себя в ежевые рукавицы, чтобы окончательно отделаться от столичных привычек. С поразительным терпением и аккуратностью молился он богу, расстилая на полу какой-то „плат“ и надевая на руку какой-то удивительный кожаный треугольник, висевший на длинном ремне. Помолившись и повздыхавши о своих грехах, он принимался за чтение „священных“ книг и по целым дням назидался рассуждениями о пришествии Ильи и Еноха, о двуперстном сложении, о кончине мира и т. п. Скоро он так преуспел в этой раскольничьей теологии, что решился принять участие в диспутах, часто происходивших в православных храмах между православным духовенством и раскольничьими начетчиками. Он сообщил мне о своем намерении, и мы условились итти вместе. „Во едину от суббот“, в октябре или ноябре 1877 года, мы явились с ним в так называемую „Киновию“, которая служила главной ареной обличительной деятельности саратовского духовенства. Всенощная уже окончилась, и оставшаяся в церкви публика очевидно ждала диспута. Скоро причетник поставил по середине церкви два аналоя, зажег около каждого из них по большому подсвечнику и стал поджидать „батюшек“, ковыряя

в носу и напевая какую-то молитву. Мы воспользовались этой свободной минутой, чтобы расспросить его о предстоящем диспуте. Михайлова более всего интересовал вопрос о том, кто из раскольничьих „столпов“ будет отстаивать „древнее благочестие“. Но к великому его огорчению причетник отвечал, что раскольники почти перестали ходить на диспуты, так как, не довольствуясь книжной мудростью, „батюшки“ доносят на своих оппонентов полиции, а за несогласие с духовной властью раскольники получают должное воздаяние от власти светской. Благодаря этому известию диспут утратил в глазах Михайлова почти всякий интерес, но он все-таки решился остаться, чтобы „посмотреть, что будет“. Нам недолго пришлось ожидать появления православных диалектиков. Из алтаря вышли один за другим два священника, неся в каждой руке по огромной книге, в кожаном порыжелом переплете. Подойдя к аналоям и возведя глаза к небу, они объявили, что целью их „собеседования“ будет оспаривание не помню уже какого догмата раскольников „австрийского согласия“. Михайлов стал слушать со вниманием. „Вот, например, раскольники утверждают, что перед пришествием антихриста церковь погибнет, — смиренномудро говорил один из „батюшек“, — а между тем в Писании сказано...

— Созижду церковь мою и врата адовы не одолеют ю, — подхватывал его товарищ, перелистывая порыжелые фолианты и отыскивая в них приличный случаю текст.

— „О господи, помилуй нас грешных — сокрушенно шептал кто-то в толпе, и „батюшки“ переходили к новому пункту раскольничьих лжеучений.

Не подлежало никакому сомнению, что оппонентов в толпе не имеется. Смиренномудрые „лики“ батюшек озарились уже было сознанием победы, как вдруг А. Д. Михайлов попросил некоторых разъяснений. Дело шло о пришествии Ильи или Еноха. Михайлов утверждал, что для него неясен смысл относящегося сюда пророчества. „Батюшки“ разъясняли его „сомнения“, он немедленно высказывал новые. Диспут оживился. Не интересовавшись никогда ни Ильей, ни Енохом, я был совершенным профаном в этих вопросах и не понимал решительно ничего во всем споре. Я видел только, что Михайлов говорит очень самоуверенно, что его не смущают возражения „батюшки“ и что на каждый из приводимых ими текстов он приводит не менее веское свидетельство того или другого святого. Окружающие слушали его с большим вниманием, а „батюшки“ чувствовали себя, как видно было, не совсем ловко. Они не ожидали такого отпора и несколько растерялись. Михайлов настойчиво допрашивал их, как понимают они пришествие Еноха — духовно или телесно; „батюшки“ почему-то избегали прямого ответа.

Не знаю, чем кончилось бы это препирательство, если бы Михайлов не имел неосторожности упомянуть о бегунах. Как только назвал он эту секту, оппоненты его снова почувствовали себя на твердой почве.

— Ну да ведь бегуны и царя не признают,— воскликнул один из них.

— Бога бойся, царя почитай, — вторил другой громовым голосом.

Михайлов не имел ни малейшего желания толковать с ними о политике и в свою очередь стал отвечать уклончиво. Через несколько минут „собеседование“ окончилось. Мы направились к выходу.

— А позвольте вас спросить, обратился к Михайлову один из священников, — вы где живете?

Я вспомнил слова причетника и начал опасаться, что развязка диспута будет иметь место в полицейском участке.

— Да я не здешний, я из Камышина, — заявил, не смущаясь Михайлов.

— Да остановились-то вы где? — допрашивал батюшка.

— У одного знакомого, я ведь всего на два дня сюда приехал.

— Вы не подумайте, что я для чего-нибудь,—успокаивал неотвязчивый диспутант,—мне только хотелось бы поговорить с вами, я вижу в вас сомнения...

Кое-как отделавшись от его допросов, мы вышли на улицу. Михайлов был доволен своим дебютом. Он убедился, что его усидчивые занятия не остались без результата и что он приобрел уже некоторый навык в богословских спорах. „Победихом, победихом“, — повторял он с веселым смехом и решился, не откладывая долее, ехать в какую-нибудь раскольничью деревню.

Его останавливала лишь необходимость отбывания воинской повинности. Солдатчина могла надолго отвлечь его от исполнения задуманного им предприятия. Но ему повезло неожиданное счастье. Отправившись в Москву и записавшись в одном из призывных участков, он вынул номер, по которому его зачислили в запас и отпустили на все четыре стороны. Он немедленно возвратился в Саратов и недели через две поселился где-то среди спасовцев в качестве „своего“ (т.-е. не назначенного от земства, а нанятого самими раскольниками) учителя.

Более я не встречался уже с ним в Саратове. Обстоятельства заставили меня вернуться в Петербург, где я прожил всю зиму 1877—1878 года. Михайлов изредка сообщал „основному кружку“ о своих успехах среди раскольников, но письма его были довольно лаконичны и бедны подробностями. „Весною приеду, расскажу более“, заключал он обыкновенно свои сообщения. Мы ждали его в середине мая.

Читатель помнит, конечно, какими бурными событиями ознаменовалась в Петербурге весна 1878 г. Стачки рабочих, процесс В. И. Засулич, давший повод к кровавому столкновению публики с полицией, демонстрация в честь убитого Сидорацкого, в которой приняли участие люди весьма солидного общественного положения— все это давало повод думать, что русское общество начинает терять

терпение и готово серьезно протестовать против произвола правительства. Живя в провинции, Михайлов только по газетам мог следить за положением дел в Петербурге. Его воображение дополняло газетные известия, и он был убежден, что в скором времени предстоят еще более крупные события. Он не вытерпел и в начале апреля уже мчался в Петербург, чтобы принять участие в тамошних волнениях. Надежды его однако не оправдались, одна ласточка не „сделала весны". Энергия петербургского общества истощилась в очень короткое время, газеты не дотянули начатой ими либеральной ноты, и скоро все вошло в обычную уныло-казенную колею. Социалистам оставалось только примириться с новым разочарованием и продолжать начатую в народе работу. Махнул рукою на петербургскую „революцию" и Михайлов. Он снова сосредоточил все свои помыслы на революционной деятельности среди раскольников. Но заручившись знакомством и связями в этой среде, он, как организатор по преимуществу, не удовлетворялся уже своею прежнею ролью одинокого наблюдателя раскольничьей жизни. Он стремился сорганизовать целый кружок лиц, знающих историю раскола, начитанных „от писания" и могущих не приспособляться только, но и приспособлять к своим идеалам окружающих лиц. Он требовал от нашего кружка основания особой типографии с славянским шрифтом, специальною целью которой было бы печатание различных революционных изданий для раскольников. Чтобы хоть несколько подготовиться к своей будущей роли реформатора раскола, он начал усердно посещать Публичную Библиотеку, пользуясь каждой свободной минутой для изучения богословской литературы. К сожалению, времени у него было очень немного. Его организаторский талант делал необходимым участие его в различных революционных предприятиях, требовавших иногда весьма продолжительной беготни. К этому присоединился пересмотр программы общества „Земля и Воля" и устава его организации. По смыслу выработанного в начале 1877 г. временного устава петербургского основного кружка, программа общества должна была подвергаться, если не ошибаюсь, ежегодному пересмотру с целью изменения или расширения ее сообразно с указаниями опыта. Но так как весною 1878 г. у нас не было еще ни малейшего сомнения в практичности нашей программы, то оставалось только ввести в нее несколько дополнительных пунктов о деятельности в народе. Не так скоро покончили мы с уставом. Михайлов требовал радикального изменения устава в смысле большей централизации революционных сил и большей зависимости местных групп от центра. После многих споров почти все его предложения были приняты, и ему поручено было написать проект нового устава. При обсуждении приготовленного им проекта не малую оппозицию встретил параграф, по которому член основного кружка обязывался исполнить всякое распоряжение большинства своих товарищей, хотя бы оно и не вполне соответствовало его личным воззрениям. Михайлов не мог даже понять

точки зрения своих оппонентов. „Если вы приняли программу кружка, если вы сделались членом организации, то в основных пунктах у вас не может быть разногласий с большинством ее членов,—повторял он с досадой.—Вы можете разойтись с ними во взгляде на уместность и своевременность порученного вам предприятия, но в этом случае вы должны подчиниться большинству голосов. Что касается до меня, то я сделаю все, что потребует от меня организация. Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы и от этого, хотя и знал бы наперед, что стихи выйдут невозможные. Личность должна подчиняться организации!“. В конце концов был принят и этот параграф с тем однако, добавлением, что организация должна, по возможности, принимать в соображение личные наклонности различных ее членов.

Покончивши с уставом, Михайлов снова углубился было в изучение раскольничьей литературы, но события все более и более отклоняли его от избранного им пути. Большинство членов основного кружка предложило Михайлову отложить на неопределенное время деятельность его среди раскольников и принять участие в организации некоторых из задуманных тогда предприятий. Волей-неволей ему пришлось подчиниться этому решению и оставить на время мысль о возвращении в Саратов. Было бы неудобно рассказывать здесь о том, что именно делал в это время Михайлов [1]). Я замечу только, что теперь, как и всегда, он фигурировал, главным образом, в роли организатора. Так, например, осенью 1878 г. ему поручено было ехать в Ростов на Дону с тем, чтобы собрать сведения о происходивших тогда в Луганской станице волнениях и, если окажется возможным, принять участие в движении казаков, организовавши предварительно особую организационную группу из местных „радикалов“ [2]). Михайлов отправился по назначению, но едва прибывши в Ростов, был снова отозван в Петербург, где во время его отсутствия произошли многочисленные аресты [3]). По возвращении в Петербург, он нашел только немногие остатки незадолго перед тем сильного и прекрасно организованного „основного кружка“. Положение дел было самое печальное. Оставшиеся на свободе члены организации не имели ни денег, ни паспортов, у них не было даже возможности снестись с провинциальными членами организации, так как они не знали их местопребывания. Такая дезорганизация грозила, разумеется, новыми провалами. Я помню, что приехавши в Петербург спустя около недели после арестов, я не знал о них решительно ничего и только благодаря случайной встрече с одним из уцелевших членов нашей организации, я не пошел на квартиру Малиновской,

---

[1]) Это была попытка землевольцев освободить Войнаральского на пути из Харькова в централ.—*В. Ф.*

[2]) Эти волнения, если не ошибается моя память, происходили по поводу вопроса о введении земства.—*В. Ф.*

[3]) Трощанский, Малиновская, Коленкина, О. Натансон, Оболешев.—*В. Ф.*

где полицейские хватали всякого приходящего. Михайлов принялся восстановлять полуразрушенную организацию. С утра до вечера бегал он по Петербургу, доставая деньги, приготовляя паспорта, заводя новые связи, словом поправляя все, что было поправимо в нашем тогдашнем положении. Скоро дела наши пришли в некоторый порядок, и общество „Земля и Воля“ не только не распалось, но приступило даже к изданию своей газеты. Неутомимая деятельность Михайлова за этот период времени составляет одну из самых главных заслуг его по отношению к русскому революционному движению. Он уже окончательно теперь отказался от мысли возвратиться в Саратов и весь отдался организационным заботам.

В принципе Михайлов попрежнему признавал деятельность в народе главною задачею общества „Земля и Воля“, но он думал, что при наличных силах этого общества нельзя было надеяться на сколько-нибудь серьезный успех в крестьянской среде. „В настоящую минуту нам, находящимся в городах, нечего и думать об отъезде в деревню,—говорил он по возвращении из Ростова,—мы слишком слабы для работы в народе. Соберемся сначала с силами, создадим крепкую и обширную организацию, и тогда перенесем центр тяжести наших усилий в деревню. Теперь же волей-неволей приходится нам сосредоточить свое внимание на городских рабочих и учащейся молодежи“. В то время мы были, действительно, так слабы, что никому из нас и в голову не приходило не соглашаться с Михайловым. Порешивши остаться в Петербурге, подразделили деятельность „основного кружка“ на несколько различных отраслей, так что каждому из нас предстоял особый род работы. На Михайлове лежали, главным образом, хозяйственные заботы. Он заведывал паспортной частью, типографией, распространением „Земли и Воли“, переписывался с провинциальными членами нашей организации, доставал и распределял средства между различными ветвями кружка и т. п.[1]). Уже это одно требовало очень значительной затраты времени, но Михайлов этим не ограничился. Аккуратный и точный до педантизма, он всегда умел так распределить свои занятия, что у него оставалось по нескольку свободных часов ежедневно. Этими часами, которые, казалось бы, составляли законное время отдыха, он воспользовался для деятельности среди рабочих. Здесь, как и везде, он фигурировал, главным образом, в роли организатора. Не имея возможности лично посещать рабочие кварталы, он старался, по крайней мере, собирать сведения обо всем, что происходило в революционных рабочих группах, снабжал их книгами, деньгами, паспортами, а глав-

---

[1]) В I т. собр. соч. Плеханова (Пб. 1920 г.), где перепечатана эта статья, Плехановым поставлена сноска:

„Прибавлю, что, главным образом, благодаря его усилиям взялся за свою оригинальную деятельность знаменитый Клеточников, которому многие из нас,—я в том числе,—обязаны были тем, что могли счастливо избегать полицейских ловушек“.—*В. Ф.*

ное давал множество самых разнообразных и всегда разумных советов. Кроме того, вращаясь среди петербургской революционной молодежи, он сближался с личностями, способными, по его мнению, взяться за революционную пропаганду между рабочими, вводил их в занимавшуюся этим делом группу и способствовал, таким образом, расширению последней. В особенности сблизился он с „рабочей группой“ во время большой стачки в январе или феврале 1879 года. Рабочие фабрики Шау и так называемой Новой Бумагопрядильни на Обводном канале забастовали почти одновременно, сговорившись, через посредство делегатов, „стоять дружно“ и начинать работу не иначе, как с общего согласия стачечников обеих фабрик. Более 1500 человек осталось, временно, без всякого заработка, а следовательно, и без всяких средств к существованию, если не считать кредита в мелочных лавочках. Кроме того предвиделось вмешательство полиции и административные расправы с „бунтовщиками“. Нужно было организовать немедленную материальную помощь всем стачечникам и обеспечить семейства арестованных или высланных в особенности. Работа закипела. Сборы производились повсюду, где была какая-нибудь надежда на успех: между рабочими, студентами, литераторами и т. д. При своих огромных связях Михайлов часто в один день собирал такую сумму, какой не собирали другие сборщики за все время стачки. Каждый день, явившись на заседание „рабочей группы“ [1]), Михайлов предъявлял ей довольно значительную сумму денег и немедленно начинал самые обстоятельные расспросы. С довольным видом, пощипывая свою эспаньолку, выслушивал он рассказы людей, сошедшихся с разных концов Петербурга, занося в свою записную книжечку всевозможные поручения относительно паспортов, прокламаций, даже оружия и костюмов. Выработавши план действия на следующий день, собрание расходилось, и Михайлов спешил по какому-нибудь новому делу, на свидание с тем или другим „человечком“, на собрание какой-нибудь другой группы нашего общества или самого „основного кружка“.

А. Д. никогда не мог увлечься каким-нибудь специальным делом до забвения, хотя бы и временного, других отраслей революционного дела. Каждое отдельное предприятие имело для него смысл лишь в том случае, когда он видел, понимал и, если можно так выразиться, осязал связь его со всеми остальными функциями общества „Земля и Воля“. Не будучи никогда литератором ни по случаю, ни по призванию, он не пропускал ни одного собрания редакции, издававшейся тогда „Земли и Воли“: он не мог быть спокоен, пока не знал состава приготовляемого номера и содержания каждой его

[1]) Из предыдущего изложения читатель понял уже, вероятно, что „рабочею группою“ называлась группа, специальною целью которой была деятельность среди городских рабочих; в нее входили как рабочие, так и „интелигенция“.

статьи. Редакция до такой степени привыкла к присутствию Михайлова на ее собраниях, что часто отсрочивала их, если он был чем-нибудь занят. „Я очень люблю читать Михайлову свои статьи,— говорил мне один из членов редакции [1]),—замечания его так удачны, так метки, что с ними почти всегда приходится согласиться, и часто я переменяю весь план статьи, прочитавши ему черновую рукопись“. Критические приемы Михайлова не лишены были некоторой своеобразности. Кроме согласия с программой, доказательности и хорошего слога он очень ценил в статьях краткость изложения. Как только на собраниях редакции приступали к чтению имеющихся в ее распоряжении рукописей, А. Д. вынимал часы (мимоходом заметим, имевшие удивительное свойство останавливаться на ночь: „тоже спать хотят“, — говорил Михайлов, заводя их утром) и замечал во сколько времени может быть прочитана та или другая статья. „Не торопитесь, потише,—останавливал он читающего, — публика читает обыкновенно медленнее... 25 минут, несколько длинно... Вы бы как-нибудь покороче; а кроме того я хотел вам заметить“... следовали замечания по существу дела.

Выход каждого номера „Земли и Воли“ ознаменовывался некоторым торжеством в квартире Михайлова. Тогда бывало „разрешение вина и елея“. В маленькой комнатке, наш „Катон-цензор“,—как называли мы его тогда,—приготовлял скромное угощение. Часов в девять вечера появлялись виновники торжества — члены редакции „Земли и Воли“, и начиналось „празднество“. Михайлов откупоривал бутылку коньяку, наливал из нее каждому по рюмке и тотчас же запирал в шкаф. Затем выступали на сцену какая-то „рыбка“ и чай со сладким печеньем. Спустивши штору и установивши „знак“ для кого-нибудь из запоздавших, Михайлов оживленно и весело беседовал с гостями, отдыхая от тревог и волнений истекшего месяца. Эти собрания были едва ли не единственным развлечением А. Д.; в театр он не мог пойти, если бы и захотел, так как это было бы „неосторожно“: там его могли узнать шпионы; у своих знакомых он оставался не долее, чем это требовало дело. Каждый вечер шифровал он в своей записной книжечке расписание предстоящих на завтра дел и свиданий, и, ложась спать, он долго еще ворочался в постели, стараясь припомнить каждую мелочь. Пробуждаясь на утро, он прежде всего бросал беглый взляд на маленький клочок бумаги, висевшей над его кроватью и составлявший единственное украшение комнаты. На этой бумажке красовалось, написанное крупными буквами, лаконическое напоминание: „Не забывай своих обязанностей“. Как медный „змий“ спасал евреев от телесных недугов, надпись эта спасала Михайлова от случайных искушений и слабостей: желания проспать долее положенного времени, почитать утром газету и т. д.

---

[1]) В первом томе полного собрания соч. Плеханова в сноске он поясняет, что это был Тихомиров.—*В. Ф.*

Взглянувши на эту надпись, он немедленно вскакивал с постели, тщательно чистил платье и одевшись „прилично“, принимался за свою ежедневную беготню по Петербургу.

Личных друзей в обществе „Земля и Воля“ у Михайлова было очень немного. По характеру своему он более чем кто-нибудь другой склонен был согласиться с Прудоном в том, что „любовь есть нарушение общественной справедливости“. Про него говорили, что он любит людей только со времени вступления их в „основной кружок“ и только до тех пор, пока они состоят членами последнего. И нельзя не согласиться, по крайней мере, с положительной стороной этой характеристики. К каждому из своих товарищей он относился с самою нежною заботливостью, хотя и не упускал случая сердито поворчать за неисправность или неосторожность. Несомненно также, что революционная работа до такой степени проникала собой все помыслы и чувства Михайлова, что он не мог полюбить человека иначе, как на „деле“ и за „дело“. Для столкновений с людьми помимо этого дела у него просто не было времени.

Весною 1879 года совершился крутой перелом в воззрениях Михайлова. Он все более и более начал склоняться к так называемому террористическому способу действий. Перелом этот произошел, конечно, не вдруг. Некоторое время он не высказывался принципиально против старой программы, хотя не упускал случая заметить, что мы не имеем и десятой доли сил, необходимых для ее выполнения. Но мало-по-малу, новый способ действий выяснился для него окончательно, и когда, весною 1879 г., Соловьев и Гольденберг приехали в Петербург, жребий был уже брошен, Михайлов сделался террористом. С этих пор начинается новый период его жизни, который мне известен менее, чем предыдущие.

Я не знаю придется ли мне еще встретиться с Михайловым, послужит ли он еще революционному делу или погибнет в каторжной тюрьме, несмотря на свой железный характер. Но я уверен, что у всех знавших Михайлова не изгладится из памяти образ этого человека, который, подобно Лермонтовскому Мцыри „знал о д н о й лишь думы власть, о д н у, но пламенную страсть“: этой думой было счастье родины, этой страстью была борьба за ее освобождение.

Г. Плеханов.

Александр Дмитриевич Михайлов [1]).

Если Марк и Ольга Натансоны были строителями общества „Земля и Воля“, Марк — головой этого общества, Ольга — сердцем его, то Александр Дмитриевич Михайлов был, по справедливости — щитом, бронею общества, все время, вплоть до того рокового момента, когда общество „Земля и Воля“ умерло естественной смертью. Александр Дмитриевич был Катоном-цензором нашего общества, оберегал его от распада примером собственной „дисциплины воли“, которую он так горячо защищал среди своих товарищей-землевольцев, и беззаветной преданностью своей революционному делу. Ясная, последовательная мысль. Не разбрасывалась она по сторонам, не уходила в мелочи, а всегда схватывала суть вопроса общее и единое в массе конкретных, частных явлений. Как мыслил, так и действовал. Зорко следя за тем, чтобы строго выполнялись членами организации все частные дробные функции, возложенные на них, он вместе с тем, ни на минуту не упускал из виду общей направляющей идеи и системы всего дела, во всей его совокупности. И никогда он не отступал от этого. В виду недостаточности сил в организации, в виду строгого подбора их, он настойчиво требовал от товарищей развивать в себе не только специальные функции, необходимые для организации, но и навыки строительные, организационные, объединяющие и согласующие общую работу организации,—без чего и нормальное бытие организации невозможно. На практике это значит: будь готов во всякое время заменить почему-либо выбывшего из рядов товарища! Будь готов во всякое время, когда тебя призовут! Будь готов, ибо ты не только часть целого, но и живое воплощение всего целого.

Считая себя самого только частью целого, он, тем не менее, так проникнут этим целым его идеей, системой и практикой, — что не может даже представить себе, как можно ограничить себя одной только дробной функцией. Он настойчиво, упорно и долго работал в этом направлении и достиг-таки своего — выработал из себя отменного организатора и администратора. Требуя этого от себя, он

[1]) О. В. Аптекман. Общество „Земля и Воля“ 70-х годов. Петроград, „Колос“, 1924.

беспощаден и к другим. „Ты должен, а потому ты можешь!“ — был категорический императив А. Д. Михайлова. Как-то раз в Саратове Михайлов обратился ко мне и к Плеханову с предложением прочесть вместе какую-то диковинную раскольничью книгу, которую он выкопал у своей столетней реликвии — старушки-раскольницы в Саратове. Я взглянул на Плеханова: насмешливые искорки запрыгали в его глазах, а я прямо завопил: есть у меня более важное и неотложное, что надо прочитать... Куда! Михайлов на дыбы:—„Не хотите? Так пусть нас рассудит ближайшее собрание товарищей!“... Ничего не поделаешь, и мы готовились было уже страдать. К счастью, нас выручил случай: Михайлова экстренно вызвали его раскольники в деревню. И Михайлов был безусловно прав—и с формальной стороны, и по существу. С формальной — это было согласно с уставом организации, по существу—это вытекало из основоначал нашей программы: последняя работу среди раскольников считала столь же необходимой и важной, как и всякую другую работу в деревне (агитацию, например, на почве народных требований и т. п.). Значит, при наличности наших сил, каждый член организации должен был изучать раскол не только теоретически (что и делалось), но, по возможности, и практически, чтобы, в случае надобности, быть на этом посту. А. Д. Михайлов этого и добивался в строгих своих требованиях, предъявляемых им товарищам по „Земле и Воле“. Надо использовать все силы нашей организации в самом разнообразном направлении: в этом залог ее крепости, роста и успешности ее работы. И он первый подавал пример этому: он и в администрации, он в то же время ведет разнообразные сношения с представителями различных групп молодежи и широких кругов общества, он незаменимый и постоянный член редакционной коллегии, он деятельно, живым своим участием, поддерживает и обеспечивает успех стачечного движения на заводах и фабриках Петербурга осенью 1878 года, а особенно весною 1879 г. и т. д. и т. д. Он, одним словом, неутомим, неистощим, вездесущ и всеведущ, — можно сказать. Он — „Петр“ нашей организации, „камень“, на котором покоилось общество „Земля и Воля“. Недаром же товарищи глубоко уважали его, а иные, более близкие, крепко любили. Уважали, любили и... побаивались... Таким я знал А. Д. Михайлова, таким он оставался неизменно все время, пока был за революционной работой. Верховным критерием этой работы было — торжество революционного дела. „Централизация и дисциплина воли“ (любимое выражение Михайлова) — орудия, при помощи которых это торжество достигалось.—„Если вы приняли программу кружка, если вы сделались членом организации, то в основных пунктах не может быть разногласий с большинством членов. Вы можете разойтись с ними во взглядах на уместность и своевременность поручаемого вам предприятия, но в этом случае вы должны подчиниться большинству членов. Что касается меня, то я сделаю все, что потребует организация.

Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы от этого, хотя и знал бы наперед, что стихи выйдут невозможные. Личность должна подчиниться организации".

В этих словах А. Д. Михайлов—весь как на ладони. Не думая и не гадая об этом, он дал исчерпывающую собственную характеристику свою.

Он не может работать один, хотя он золотой работник в своем деле. Ему нужна система, согласованная во всех ее частях, нужна, словом, организация, превращающая единичную, индивидуальную волю — в коллективную. Он не может думать один на один: он силен и неуязвим общей только думой, соборной мыслью.

Его стихия—сплоченная, объединенная мысль и воля. Тут он на своем месте, тут только развертываются все организующие силы его, все строительные дарования его. И А. Д. Михайлов доказал это на деле, показал это за работой своей на недолгом своем революционном поприще, запечатлел это своим самоотверженным ригоризмом, беззаветностью—как член общества „Земля и Воля", так и партии „Народной Воли". И там, и тут он остался верен самому себе.

О. Аптекман.

Письмо Е. И. Кедрина к отцу А. Д. Михайлова [1]).

23 Марта 82 г.

Милостивый Государь, Дмитрий Михайлович!

Думая, что для Вас составит некоторое утешение узнать мнение постороннего о нравственной личности А. Д. Михайлова, Вашего сына, я решился поделиться впечатлениями, вынесенными мной из знакомства с Александром Дмитриевичем.

В немногие часы свиданий мне удалось очень близко узнать его и я уверен, что его светлый нравственный образ никогда не изгладится в моей памяти.

Объяснения, данные им на суде, конечно, влияли на судьбу его в неблагоприятном смысле, но в то же время невольно заставляли самих врагов удивляться его уму и характеру. Не только все защитники единогласно признавали его самой выдающейся личностью в процессе, но это же признавали и его судьи — сенаторы. Скажу более, министр юстиции Набоков высказал мне, что по его убеждению Александр Михайлов по характеру, дарованиям и личным качествам был бы полезным членом общества, так как ему известны его сыновние чувства и личные качества. Но отдавая дань уважения умственной силе Вашего сына, невольно приходится преклоняться пред его мужеством, энергией и непоколебимой твердостью воли. Нет сомнения, что если бы на Руси было побольше таких людей, судьба отечества была бы иная, и мы не переживали бы столь тяжелых событий.

Думаю, что Вы в праве гордиться подобным сыном, и рад случаю высказать Вам откровенно свои впечатления.

Позвольте дружески пожать Вам руку и пожелать Вам дождаться счастливой минуты, когда вы и супруга Ваша обнимете сына.

Истинно преданный Вам Е. Кедрин.

---

[1]) Было напечатано в „Былом“, 1906 г., февраль, стр. 123.

Отдел III

СЛѢДСТВIЕ и СУД

Постановление № 4 [1]).

1880 года декабря 3 дня, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Никольский, принимая меры к выяснению личности именующегося Поливановым и получив из негласного, но вполне достоверного источника сведения [2]), что 1, именующийся Поливановым есть в действительности бывший студент Технологического института дворянин Александр Дмитриев Михайлов; 2, что он есть то самое лицо, которое принимало участие в покушении 19-го ноября 1879 года, в г. Москве, на жизнь священной особы государя императора, а также в Липецком съезде членов революционной партии летом 1879 года, и разыскиваемое по делу о 16 политических преступниках; 3, что на Михайлова же, по сведениям в бывшем III Отделении собственной его императорского величества канцелярии существовали косвенные указания, как на участника в убийстве генерал-адъютанта Мезенцева, и 4, что по имеющимся сведениям родители и родственники Александра Михайлова проживают в г. Путивле, Курской губернии и г. Киеве, по соглашению с товарищем прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты А. Ф. Добржинским, постановил: 1, предъявить именующемуся Поливановым полученные сведения о его самоличности, а также обвинение в преступлениях, предусмотренных 249 и 241 ст. улож. о наказ.; 2, допросить его при этом и по поводу подозрения, упадающего на него в деле убийства генерал-адъютанта Мезенцева и 3, вызвать родителей и родственников [3]) Александра Дмитриевича Михайлова для предъявления им обвиняемого.

Отдельного Корпуса Жандармов Подполковник Никольский.

Товарищ Прокурора Палаты Добржинский.

1880 года декабря 16 дня, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Никольский, на основании закона 19-го мая 1871 года, в присутствии Товарища Прокурора СПБ-ской Суд. Палаты А. Ф.

---

[1]) Ленинградский Истор.-Револ. Арх. Дела Особ. Присутствия Правит. Сената № 45. Дознание о террористах т. I л. 39 и об. Постановление № 4.

[2]) Разрядка моя.—*В. Ф.*

[3]) Вызванные родственники А. Д. Михайлова признали его —*В. Ф.*

Добржинского расспрашивал нижепоименованного, который в дополнение своих объяснений от 4 сего декабря показал [1]):

Зовут [2]) меня Александр Дмитриев Михайлов, имя же Константина Николаевича Поливанова мне не принадлежит [3]); в предъявленных мне сейчас лицах признаю отца моего Дмитрия Михайловича Михайлова и Клавдию Осиповну Михайлову мою мать. Воспитывался первоначально в новгород-северской гимназии, а окончил курс в немировской гимназии в 1875 году; в том же году поступил в Технологический институт в С.-Петербурге и по поводу волнений, бывших в конце ноября и выразившихся в отказе слушателей 1-го курса от введенных в этом году репетиций, вышел из института, вследствие чего был выслан на родину к отцу, бывшему тогда уездным землемером. В декабре того же 1875 года я уехал в Киев, где тогда жила моя мать с моими сестрами, с целью жить в семье. Вследствие прошения поданного на имя Министра Внутренних Дел, мне был разрешен въезд в С.-Петербург для поступления в одно из высших учебных заведений. Воспользовавшись этим правом в 1876 г. в августе, я возвратился в С.-Петербург и выдержал поверочный экзамен в Горный институт, но, по недостатку вакантных мест, не был принят. После этого я уже не поступал ни в одно из высших учебных заведений. При поступлении в Технологический институт я представил следующие документы: полицейское свидетельство, метрическое свидетельство, копию с формуляра о службе отца, свидетельство об окончании немировской гимназии, свидетельство о поведении от полиции. По выходе из института, мои документы были высланы на родину и там выданы мне. В С.-Петербурге в конце 76 года я жил по документу, выданному от путивльского исправника. В конце 76 г. уехал в провинцию (куда именно—указать не желаю) и проживал там до августа 77 года, когда приехал в Москву, для отбытия повинности ополченца, по случаю войны с Турцией. В ополченцы не был зачислен по недошедшей до меня очереди. В это же самое время я ездил повидаться с родными в г. Путивль, где пробыл всего два дня. С той поры я в Путивле не был и родных не видал. О дальнейшей моей деятель-

[1]) В дальнейшем изложении эта начальная формула, а также заключительные подписи опущены.—*В. Ф.*

[2]) Ленинградский Истор.-Револ. Арх., Дела Особ. Присутствия Прав. Сената, № 45. Дознание о террористах, т. I, лл. 78—78 об., протокол № 36.

[3]) Александр Дмитриевич Михайлов при аресте 28 ноября 1880 г. назвал себя отставным поручиком артиллерии Константином Николаевичем Поливановым—так как он значился в паспорте, по которому жил в Орловском пер. д. 2, кв. 25, комната 25-ая. До первых чисел декабря жандармы не знали, кто находится в их руках. Из постановления 3-го декабря видно, что личность Михайлова была изменнически кем-то опознана, а потом вызванные родственники признали его. В виду того, что протоколы, в которых Михайлов выдает себя за Поливанова, никакого отношения к революционной деятельности его не имеют—они опущены; помещаемые нами начинаются с 4-го декабря 1880 г., когда он уже подписывался своим именем. *В. Ф.*

ности и жизни дам объяснения при допросе меня по существу дела, так как чувствую себя не совсем здоровым: Александр Михайлов.

Отдельного Корпуса Жандармов Подполковник Никольский.

Товарищ Прокурора С.-ПБ. Судебной Палаты Добржинский.

17 декабря [1]). Зовут меня: Александр Дмитриев Михайлов, сын Путивльского дворянина, отставного Надворного Советника, от роду имею 25 лет, вероисповедания православного, имею мать Клавдию Осиповну, брата Митрофана, сестер: Клеопатру замужем за Павлом Петровичем Безменовым, Анну и Клавдию, живущих при родителях.

Прежде чем приступить к объяснениям по существу настоящего дела, я считаю нужным высказать общие принципы, которые будут руководить мною при всех моих показаниях. Моя деятельность, предмет настоящего дела, есть деятельность общественная, она воплощалась среди общества, для общества и посредством его. Как общественный деятель, я пользуюсь ныне представившимся случаем, дать отчет русскому обществу и народу в тех моих поступках и ими руководивших мотивах и соображениях, которые вошли составною частью в события последних лет, имевшие серьезное влияние на русскую жизнь. Исходя из таких побуждений, я подробно скажу о событиях, к которым стоял близко, о причинах, вызвавших их, и вытекавших из них последствиях, обусловивших последующие движения и события. Я не буду касаться личностей, в смысле фамилий и данных, ведущих к их обнаружению, раскрытию и привлечению к настоящему делу; я не имею на это ни малейшего права; но характеры известных мне деятелей, сошедших уже и с поприща своей работы, и мотивы, руководившие ими, я, поскольку буду в состоянии, очерчу, если, конечно, у меня не будет отнята к этому возможность со стороны ведущих настоящее дело.

Я по убеждениям и деятельности, принадлежу к Русской Социально-Революционной партии, выражаясь точнее к партии Народной Воли, исповедую ее программу, работал для осуществления ее цели. Вообще к революционному русскому движению я примкнул в начале 1876 г. Затем я прошу отложить допрос до завтрешнего дня, для того, чтобы припомнить и привести в систему прошедшее моей деятельности.

18 декабря [2]). Продолжая вчерашнее свое показание, я скажу несколько слов о своей жизни, предшествовавшей моменту сближения с Социально-Революционной партией.

Со второго класса до восьмого включительно я воспитывался в новгород-северской гимназии (Черниговской губернии). Застал я там удивительные нравы. Гимназией правили немцы. Директор немец,

---

[1]) То же дело, лл. 83—83 об. Протокол № 40.
[2]) То же дело, лл. 84—88; протокол № 41.

человек неглупый и порядочный, но самодур и пьяница. Гимназией с ее сложной организацией, требующей от руководителя тонкой наблюдательности и просвещенности, он интересовался мало, да и не мог управлять ею. В этом отношении его заменял инспектор, тоже немец, человек умный и ловкий, но бесчестный и взяточник. Для него гимназия была заведением, где можно и должно было зашибать деньгу крупными суммами. Он играл директором, как пешкой. Состав учителей в такой глуши был из рук вон плох. Почти ни одного человека, могущего заслужить любовь и уважение учеников. По составу учеников и их способностям, гимназия стояла выше уровня губернских гимназий. И вот здесь я начал свое учение. В первых четырех классах я учился довольно вяло. Зубристика не представляла для меня ничего интересного, предметы, как, например, естественная история, читались такими бездарностями, что превращались тоже в ничто. Но были короткие периоды времени, при часто менявшихся преподавателях, когда новый учитель знанием и умением оживлял предмет, и помню, какое тогда наслаждение доставляли его уроки. Заинтересованный, я читал обыкновенно по этому предмету, кроме учебников, другие книги и таким образом приобретал значительные знания. Но такой учитель обыкновенно скоро оставлял гимназию. И опять мертвая школа нагоняла скуку и тоску по родной семье. С четвертого класса я начал читать книги сначала по беллетристике; прочел Тургенева, Толстого, Гоголя, Лермонтова, Пушкина, и это чтение внесло в нравственный мир недостающую школе жизненную струю, возбудило новые мысли, открыло новые горизонты. При врожденной впечатлительности, это быстро двинуло мое развитие. Реальные науки (математика, география, история, физика) в старших классах стали даваться чрезвычайно легко, и я посвящал им только часть времени; другую же часть отдавал чтению уже более серьезных книг, писателей школы реалистов и позитивистов; классики, латынь и вообще языки не пользовались моею любовью; я их тянул, как лямку, для того, чтобы итти удовлетворительно. В начале 70-х годов с целью усиления классицизма, у нас в гимназии переменили директора, инспектора и нескольких учителей. Новое начальство в общем было гораздо лучше, но латынью стали допекать пуще прежнего. В это время, приблизительно в 1873 г., мое отношение к школе и ее предметам определилось окончательно. Школа с ее классической системой и деятелями, для ищущего разумного элементарного образования, дает чрезвычайно недостаточно. Сознающему это необходимо самому дополнять пробелы усиленными занятиями по общей программе, рекомендуемой школой реалистов. Только при таких занятиях, при окончании гимназии выходящий в жизнь молодой человек будет в состоянии выбрать путь дальнейшего развития и образования, уже специального, создающего законченного человека, гражданина, общественного деятеля. Из такого тогдашнего моего взгляда вытекла и моя деятель-



ность в последних классах гимназии. С некоторыми из своих товарищей мы образовали собственную библиотеку из лучших книг по всем отделам науки. Много труда стоило это. Мы почти все были люди бедные, получающие от своих родных ровно столько, чтобы заплатить за квартиру и стол, да за право учения в гимназии. Но несмотря на это, разными способами: уроками, сбережениями из урезанного содержания и др. добыли кое-какие деньги, собрали имеющиеся у знакомых книги и таким образом образовали домашнюю библиотеку томов в 150. Конечно, этой библиотекой пользовались не только составившие ее, но и вообще все гимназисты старших классов, по мере их развития и желания. Года в полтора эта библиотека значительно подняла развитие старших классов гимназии. Это выражалось как в образе жизни и понятиях, так и в успехах в гимназических науках, дающихся легко при сознательном учении. Если к классическим предметам и не было охоты, то они по неволе шли удовлетворительно. Пьянство и картежная игра, так не давно поглощавшие молодые силы и время гимназистов, были изгнаны, как позорные занятия. Большинство нашло более приятным в скучнейшие, длинные зимние вечера заниматься чтением предлагаемых библиотекой книг. До этого хотя и существовала библиотека ученическая в гимназии, но в ней, кроме детских и назидательных книг да древностей ничего не было, согласно установленным министерством народного просвещения спискам. Уменьшению порочного времяпрепровождения способствовало также и влияние директора, человека гуманного и простого. Особенно выразилась сравнительно большая развитость старших классов при приезде министра народного просвещения гр. Толстого для ревизии. Он встретил поразившую его развязность и осмысленность и остался очень доволен. Занятия предметами гимназического курса и занятия по самообразованию не удовлетворяли меня, мне хотелось служить чем-нибудь обществу уже теми сведениями, теми силами, какие имел в то время. Скоро представилась к тому возможность. Явилась мысль,—помочь проходить в народ элементарным научным сведениям, имеющим практическое значение в обыденной жизни, чрез распространение, как можно более в широких размерах, лучших экземпляров существовавшей уже тогда цензурной народной литературы. Составился для этого из наших медных грошей небольшой капитал и программа для приведения в исполнение задуманного. Предполагалось сделать выбор из этой литературы и лучшие брошюры и книжки, выписывая в большом числе экземпляров, распространять в народе, в городе и деревне, как самим, так и при посредстве знакомых, сталкивающихся с народом, как, например, народные учителя и т. п. Цель, как видите, была исключительно просветительная, при чем, конечно, нас интересовали те люди, которым мы помогали получать знания. Уже в то время меня интересовало экономическое и политическое положение народа, его мировоззрение. Я уже тогда слышал чрез десятые руки, смутно,

о движении в народ с целью пропаганды, да и собственное убеждение останавливало серьезное внимание на массе человеческих существ, наполняющих русскую землю, а между тем не играющей никакой роли, ни своими интересами, ни своей личностью, в общественной жизни. Все эти обстоятельства и соображения не определяли однако моей жизни и планов строго и точно; ближайшие задачи все-таки были—окончание гимназии и выбор специального высшего учебного заведения. В 1875 году весной я должен был окончить гимназию. Предстояло все предметы восстановить в памяти и особенно налечь на латинский язык, так как вследствие новой письменной системы экзаменов, введенных за год до того, по этому предмету требовалось особенно много знаний. А между тем заниматься, да еще усиленно, предметом, бесполезность которого я так ясно сознавал, отчасти даже из нравственных побуждений, я не мог. Поступить по окончании гимназии в университет я не думал и избирал для будущего одно из высших реальных учебных заведений, следовательно, усиленные занятия по латинскому языку были, кроме сознания их общей бесполезности, ненужны и для ближайших моих целей. Эти соображения привели меня к решению,—уволиться из новгород-северской гимназии и держать окончательный экзамен при какой-нибудь другой гимназии, но без древних языков. Так я и сделал. Выбор пал на немировскую гимназию (Подольской губернии, Брацлавского уезда). В июле того же 75 года я имел свидетельство об окончании немировской гимназии и провел лето дома в городе Путивле, приготовляясь в августе ехать в С.-Петербург.

Много светлых надежд и ожиданий было связано с этой поездкой. Мне было 20 лет. Высокие задачи общественной деятельности, желание подготовить себя к ним, высшее учебное заведение и богатые научные средства в столице с ее библиотеками, дающие возможность свободной научной работы, наконец цвет русской интеллигенции, с которой столкнешься, уж во всяком случае в лице профессоров,—вот то привлекательное будущее, которое должно изгладить неприятное воспоминание о гимназии, о мертвой системе, сковывающей детские и юношеские порывы любознательности. Настал август, и в начале этого месяца я поехал в С.-Петербург. Чем меньше становилось расстояние, разделяющее поезд от С.-Петербурга, тем более было заметно в нем молодых людей, стремящихся к той же цели, к источнику высшего просвещения. На последних станциях пред С.-Петербургом было заметно особенное оживление этой молодежи. Знакомства, расспросы, где остановиться, стали развязнее; все мы стали чувствовать какое-то сродство, близость. В соседнем вагоне со мной ехал молодой человек, одетый по-студенчески в ботфортах, с пледом на плечах. Выходя на станциях, он вел себя очень развязно и весело, шутя и смеясь со своими товарищами. С этим молодым человеком на последней станции, предполагая в нем студента, я заговорил с целью расспросить о дешевых гостиницах. Но он оказался такой же

новичок, как и я, однако имел некоторые сведения от знакомых ему студентов и предложил, узнавши, что я думаю поступить в Технологический институт, ехать с ним в одну близ института расположенную гостиницу. Я согласился. В С.-Петербурге я с своими вещами и он с своими отправились вместе и решили для дешевизны занять один номер. В гостинице я узнал его фамилию. Это был Александр Евграфов Сентянин. Несколько дней поживши вместе, мы познакомились и сблизились. Тому была следующая причина. Как-то случайно он раскрыл чемодан, доставая какую-то вещь и мне бросилась в глаза маленькая книжка; на ней значилось: „Четыре брата". Я об этой книжке слышал, а может быть уже тогда и читал ее, не помню, но это обстоятельство объяснило мне, что мой новый товарищ личность интересная, с которой стоит познакомиться поближе. Я ему сейчас же сообщил о своем открытии и напомнил об осторожности. С этих пор мы стали откровеннее, а познакомившись ближе, стали симпатизировать друг другу. Первою заботою моей по приезде, конечно, был Технологический институт, справка об условиях вступления, подача прошения и пр., потом поверочный экзамен при 400 желающих поступить и 140 вакансиях на первый курс, конкуренция, победа и наконец поступление в это святилище, куда так трудно попасть жаждующему высшего образования. При поступлении нам было объявлено о введении с первого курса обязательных репитиций, но что это такое, мы тогда еще не представляли себе ясно. Нововведение это, оказалось, состояло вот в чем. Всякий слушатель обязан бывать ежедневно на лекциях. Несколько раз в день надзиратели проверяют принадлежащую каждому вешалку и, по отсутствии одежды, отмечают не бывших на лекциях. Через день по два часа назначены репетиции из различных предметов, в продолжение которых профессор спрашивает слушателей из пройденного и ставит отметки, оценивающие ответы. Не бывшим на репетиции слушателям ставится нуль. Такие порядки удивили и опечалили почти всех. Выходило не лучше, а гораздо хуже гимназии. Даже со стороны утомительности институт перещеголял гимназию: обязательность посещений заставляла проводить пять-шесть часов без отдыху и еды и большею часть времени за предметами высшей математики, требующими напряженного внимания. Свободных занятий не существовало. Что сегодня профессор сообщил, то назавтра слушатели обязаны приготовить и быть готовыми отвечать. Я чувствовал, что мои надежды и ожидания не сбылись, что я здесь не найду искомого. Предметы чистой и прикладной математики не удовлетворяли возбужденных вопросов, а между тем поглощали почти все время и силы. Мало, даже почти не было никакой надежды на изменение положения института к лучшему. Директор его, Вышнеградский, человек систематический и упорный, не давал на это никаких оснований.

Дальнейшие показания прошу прекратить вследствие усталости до завтрашнего дня.

19 декабря [1]). Итак, стены Технологического института были для меня тесны. Это я ясно сознавал и чувствовал. Зачем мне были предметы института, когда сам он не признавал во мне человека и считал насилие и принуждение лучшим средством высшего образования. За занятиями в Технологическом институте при таких условиях я не мог признавать нравственного значения, а самые предметы высшей математики мог изучить вне стен института, если бы к тому представилась надобность. О куске же хлеба и карьере, как главной руководящей в жизни, я не думал. Жизнь и люди в Петербурге легко заменили мне то высшее учебное заведение, о котором я мечтал. Литература, как цензурная, так и заграничная—запрещенная, общение с людьми разных понятий и убеждений, от самых широко-общественных до узко-чиновничьих, собственная мысль и критика всего происходящего пред глазами, дали мне возможность ориентироваться в новом положении и сделать вывод. Постепенно приближаясь, я пришел наконец к следующему заключению: решения задачи о цели человеческой жизни нужно искать в жизни же. До решения этого главного вопроса карьеру и специальность избирать невозможно. Кроме всего этого, стало ясно для меня, что положение русского общества и народа крайне печально. Общество бесправно и пассивно. Гражданственность заменена в нем чиновничеством, и узкие личные инстинкты получили широкое право. Стремления общественного характера подавляются, а люди, руководимые свободной идеей, преследуются. В то время появилась в обращении рукописная брошюра под заглавием: „Экспедиция шефа жандармов". Она давала отчет о преследованиях правительством социалистической деятельности в 37 губерниях. 700 с лишним человек было привлечено к ответственности, и большая часть из них содержалась в тюрьмах. Это было неопровержимым доказательством ненормального политического положения русского общества. О народе я тоже имел неутешительные сведения, констатируемые литературой и моим личным наблюдением в деревне. При таком взгляде на действительность, пребывание в институте потеряло всякое значение; я оставался в нем, но манкировал занятиями.

Александр Сентянин поступил в Горный институт, и хотя жил от меня чрезвычайно далеко, но видались с ним мы часто. Его мысли и настроение совпадали с моими, и мы вместе строили планы о выходе из этого положения и о будущей деятельности. Вообще недовольных положением окружающего было среди студенчества много. Между ними существовало широкое общение и обмен мыслей. Частые собрания один у другого и землячество связывали и скрепляли этот мирок протестантов. Но он не был замкнутым, похожим на кружок, нет, он обхватывал все заведения, многие сотни человек. Границей этого мира служила индиферентная к нравственным вопросам часть

[1]) То же дело, лл. 89—91 обл.

студенчества, так называемые карьеристы. В этой сфере мы находили пищу нашим духовным потребностям. Здесь скоро сложились некоторые попытки к общественной деятельности. Мы затеяли организовать кружок. Его целями были: саморазвитие по социальным вопросам и образование кассы, для помощи идущим в народ для изучения его или пропаганды. Кружок этот по кассе распадался на три кружка по заведениям (Горный институт, Технологический и Медицинская академия), от которых были избраны распорядители с известными инструкциями для расходования сумм. Для бесед и чтения, а также для контроля распорядителей, сходились на частных квартирах все члены кружка в обширном смысле. Число членов доходило до 30 человек. Ежемесячный доход кассы был до 200 рублей. На сходках поднимались вопросы как теоретического, так и практического характера. Говорили о социалистических теориях, о двух существовавших тогда направлениях, пропагандистов или лавристов и бунтарей, о запрещенной литературе и журнале „Вперед“, о положении народа и успехах деятельности среди него. Но все мы были еще тогда недостаточно знакомы с этими вопросами и потому к окончательным выводам не приходили. Наши беседы имели характер обмена мыслей и мнений и под влиянием этого во многих из нас зрела решимость более цельно отдаться делу просвещения народа. Кружок и его задачи поглотили все мое внимание, а между тем в институте на первом курсе между слушателями увеличивалось число чувствующих тягость подневольного учения. Недовольство породило брожение в умах; это в свою очередь сплотило недовольных, т.-е. почти весь курс, и в средине ноября на сходках первый курс порешил отказаться от репетиций и других стеснений и заявил об этом директору. Директор грубо принял это заявление и предал институтскому суду весь курс. На другой день была объявлена резолюция,—исключение всех слушателей курса, т.-е. закрытие курса. Желающие вновь поступить должны были подавать прошения. Цель такого решения—ясна. Изъявляющий покорность самым этим поступком отказывался от своего протеста, чувствовал себя подавленным и этим самым давал залог будущей выносливости. Курс решил всем подать прошения. Но нужно ли было подавать мне? Я в организации движения не принимал деятельного участия, но сочувствовал ему, как всякому протесту против гнета и стеснения личности. Но принять участие в самооплевании я не мог, да и вообще институтом не дорожил. Я, конечно, прошения не подал и остался вне института, думая жить все-таки в С.-Петербурге. Однако вышло несколько иначе. По высшим административным соображениям, было решено выслать на родину всех непринятых обратно. Меня потребовали в секретное отделение градоначальника, где я застал уже несколько человек однокурсников, находящихся на одном со мною положении: Колышкин, бывший тогда начальником секретного отделения, объявил нам о предстоящей высылке и на наши заявления о необходимости иметь несколько дней, чтобы по-

кончить свои дела и собраться, резко ответил: „уедете в 24 часа на казенный счет, и никаких разговоров“. Разговоры действительно кончились, но тяжелое впечатление произвело это первое личное наше столкновение с властью, без разговоров и объяснений, бросающей два десятка молодых людей, полных лучших порывов и стремлений, в глушь провинции, обрекая их на скуку и безделье, а иных и на лишения. Вышло так, что мы уехали даже не в 24 часа, а всего в 8 часов, в тот же самый ден, как последовало объявление о высылке. Почти ничего не захватившии из вещей, в сопровождении городовых, мчались мы домой. Ничего не было удивительного в нашем изгнании из столицы; для меня также ясны были и соображения, руководившие правительством в этом распоряжении; а между тем это насилие над свободой человека произвело тяжелое, глубокое впечатление. Я анализировал свои впечатления, желая представить, хотя приблизительно все то, что испытывают гонимые за убеждения, за реформатские стремления, всю ту сумму горя, слез и страданий, какая выпадает на долю тех десятков тысяч народа русского, которые ежегодно проходят по Владимирке. Перенесенное мною во время высылки дало возможность живо представить и даже отчасти прочувствовать эту безобразную сторону существующего государственного порядка. За этот урок я был благодарен и доволен в этом отношении высылкой. Жизнь впервые дала указание на цель, какую можно было бы поставить в жизни.

Побывав с визитом у курского губернатора, я, наконец, утомленный и несколько расстроенный, очутился в родном захолустье, в г. Путивле. Не говорю о неприятной встрече с родными и знакомыми, одним это понятно, а другими это испытано. После петербургской жизни, полной мысли и труда, бессодержательность провинции мучила меня. Даже порядочных книг, товарищей уединения, негде было взять. Даже семьи, друга в жизненных печалях, не было вокруг меня. Отец по должности разъезжал по деревням, а мать с сестрами и братом жили в Киеве. Положение было невыносимое, и в декабре 1875 года я уехал в Киев к матери. Здесь жизнь совершенно переменилась. Скоро нашел своих знакомых студентов, а через них и тех людей, которые меня интересовали все более и более по глубине и искренности своих взглядов. В продолжение моего пребывания в Киеве, т.-е. четырех-пяти месяцев, я познакомился с миром киевских радикалов. Это было первое знакомство мое с определившимися и действующими социалистами.

21 декабря [1]). Первое обстоятельное знакомство мое с партией социалистов-революционеров было в Киеве в начале 1876 года. Прежде всего, конечно, я познакомился с их теориями и программой. Киевские радикалы не представляли в этом отношении чего-либо совершенно однородного. Они все были социалисты, но пути и сред-

[1]) То же дело, лл. 106—107 обл.; протокол № 46.

ства, избираемые для достижения цели, делили их на две, даже на три группы. Общая цель всех социалистов: экономическое и политическое освобождение народа, т. е. освобождение труда и его орудий от эксплоатации капиталом и учреждение политических форм жизни на основаниях личной свободы и народного самоуправления. Развивая эти общие положения, эти тезисы социалистов в применении их к русскому народу, Русская Социалистическая партия ставит своей задачей: переход земель как казенных, так и частных, в руки крестьян, работников; переход фабрик, заводов и других орудий труда в руки фабричных, заводских и других рабочих; разрушение существующего государственного монархического строя и замена его другим, соответствующим воле народа и его исконным традициям — общинному и областному самоуправлению. Эти общие всем социалистам положения развивались и дополнялись существовавшими тогда группами разно. Лавристы или пропагандисты думали, что для совершения целесообразного переворота нужно сперва подготовить народ. Народ, как масса, не подготовлен к созданию социалистического строя, не понимает ясно и последовательно своих интересов, не видит главных своих врагов, даже очень часто, ослепленный внешним блеском и недосягаемостью, считает именно их за будущих своих благодетелей; он задавлен экономическим гнетом, отуманен предрассудками и искусственно поддерживаемым врагами невежеством, разъедаем кулачеством и полицейско-чиновничьей системой, одним словом, он опутан духовными и материальными цепями и, метаясь в них, не видит их. Но народный организм, покрытый снаружи паразитами и болячками, в могучей, сокровенной, внутренней силе хранит задатки лучшего будущего, чутье к слову любви и правды. Люди, понимающие положение народа и знающие выход, вместе с тем „возлюбившие его паче себе“, должны итти к нему и, живя с ним, деля его горе и радость, уяснять положение и указывать выход из него; должны проносить в народ правильные взгляды на экономическое его положение, на работника, как главную производительную силу, на формы пользования землей и другими орудиями труда, совершенствуя при этом общинные и артельные народные взгляды; должны указать народу на причину его невыносимого положения, на виновников зла. Открывая глаза народу, эти люди должны позаботиться дать ему и орудия борьбы: развить большую солидарность вообще в народе, сплотить наиболее преданных и развитых в кружки, дать этим последним работу, т. е. направить их силы на продолжение начатого дела. Конечно, просветить весь народ с помощью сотен, даже тысяч пропагандистов нельзя, но для успеха дела необходимо, чтобы хотя незначительное меньшинство стало сознательными социалистами и, сплотившись, подняли бы знамя социально-экономического переворота. Положение народа так невыносимо, желание земли и воли так общи, что достаточно почина сознательного народного меньшинства, и проснувшийся великан разорвет вековые

цепи, устроит жизнь сообразно заветным мечтам и инициативе социалистического меньшинства. Во время переворота посредством народного восстания, партия-социалистов-революционеров является организацией и руководителем движения, и на ее обязанности лежит не допустить людей самолюбивых и честолюбивых воспользоваться народной победой для личных целей. Итти в народ для пропаганды, вот клич лавристов. Чем ближе человек станет к народу, тем лучше. Самое разумное, нравственное и близкое положение,—это положение простого рабочего. Становясь простым рабочим, пропагандист достигает двух целей. Интересы народа становятся его кровными интересами; народ его, как своего человека, лучше понимает, а он сам, закаляясь в труде и лишениях, становится истинным вожаком народа. Но не все способны вынести такое положение. А между тем можно действовать, хотя с меньшим успехом, и в других положениях. Не могущие быть простыми рабочими, должны избирать по возможности близкое и дружественное народу положение, например, сельский учитель, писарь, фельдшер, мелкий помещик, торговец, ремесленик, приказчик, управляющий и т. п. Помогать деятельности в народе может книга. Она также необходима и для деятельности в интеллигенции. Для этого предназначена социалистическая литература; она популярно и доступно пониманию народа выясняет указанные выше вопросы, она же развивает и доказывает истины социальной науки для интеллигентных читателей. Живя и действуя в народе, пропагандист не должен останавливаться на вопросах экономических и политических, нет, сообразно собственному мировоззрению, следует расширять взгляды окружающих и более близких людей на семейные отношения, на религию и мироздание. Бунт и стачка, а также агитация, в смысле возбуждения чувств к непосредственному действию, не могут вообще служить для подготовления народа к социалистическому перевороту, но в отдельных случаях эти средства подготавливают почву для пропаганды. В народе нужно пробуждать не чувство, а сознание. Ясное понимание дороги к счастью вызовет чувства, сила которых не знает преград. Вот в общих чертах теоретические положения лавристов.

22 декабря [1]). Вторая группа называлась бунтарями. Иногда принадлежавших к этой группе именовали также анархистами. Бунтари не думали подготовлять народ к социалистическому перевороту путем уяснения и расширения его экономических и политических взглядов, путем образования сознательного меньшинства. Они полагали в основание своей программы совсем иную работу среди народа. Не сознания своего положения, и выхода из него не достает народу. Безотрадность жизни впроголодь ему известна лучше, чем кому-либо; недостаток земли настолько ощутителен, что выражается повсеместным ожиданием передела; поборы правительства, притеснения помещика и ближайшего начальства, наконец, эксплоатация ку-

[1]) То же дело, гл. 118—119 обл.; протокол № 54.

лака обусловливают существующую ненависть народа к государству и привилегированным классам. По традициям, по врожденному чувству он уклоняется от государственных форм, от частной собственности и других средств подавления человека человеком. Вся многовековая борьба народа с природой и другими силами развила в нем общинно-федеративные наклонности, которые до сей поры, несмотря на тяжелое давление централистического государства, вместе с долголетним рабством, дают богатые результаты там, где эти наклонности не парализуются государственно-полицейской системой, где народный характер определяет бытовые черты. Известны примеры наших порубежников, многих староверческих согласий, казаков. Это положение доказывается также очень наглядно историей крестьянства и отдельных областей земли русской. Но самыми неопровержимыми свидетельствами понимания народом своего положения и определенности его желаний служат народные движения XVII и XVIII столетий. Разбей народ современное государство, он воплотит в своей жизни главные социалистические черты, областную федерацию, общинное владение землей и самоуправление. Существование многочисленных, разнообразных вероучений и снисходительное к ним отношение народа показывает его религиозное свободомыслие и веротерпимость. Десятки рационалистических согласий свидетельствуют о прогрессивной мысли. Взгляд общины на каждого самостоятельного работника, как на полноправного своего члена, будь то молодой парень или женщина, доказывает существующую в народе идею гражданской свободы. Обычное право и самосуд обнаруживают большой запас житейской мудрости и гражданской опытности. При таких общественных задатках, созданный народом строй очень скоро развился бы до совершенных форм. Итак, главное препятствие к выходу из печальной действительности есть не слепота и неведение народа, а нечто иное. Это нечто есть недостаток революционных чувств. Недостаток ощущается не потому, что мало отдельных, местных и индивидуальных революционных импульсов, которые никогда не прекращаются, а потому, что они не достаточно обще-народны, и вследствие этого как бы сильно ни потрясали одну точку, один организм, не имеют заражающего действия на среду и, не разливаясь в ширь, подавляются без труда государством. Понимая эту главную причину бессилия народа, группа бунтарей задавалась путем агитации, революционизировать народные чувства, создать импульсы, имеющие более широкое приложение. Местный бунт, ставящий на своем знамени понятные и близкие вообще народу требования, но по возможности более социалистические и федералистические, вот главное средство бунтарей. Каковы бы ни были последствия местного бунта, результат его будет накопление революционных чувств и воспитание народа в этом направлении.

Повторяясь, то здесь, то там, бунт делает то, что народ становится более активным, что провозглашенные в нескольких местах

революционные требования начинают более и более обусловливать необходимость новых расширяющихся движений. Таким образом, постепенно волнение усиливается и наконец разражается бурей с грозою, разрушающею все построенное против воли народа. Бунтари, для достижения возможности влиять на народ в указанном смысле, избирали местности с революционными воспоминаниями, как, например, Поволжье, Поднепровье или районы, почему-либо возбужденные. В таких местах они старались расширить волнующие тамошнее население вопросы до общенародных требований и быть застрельщиками движения. Для себя, при жизни в народе, они избирали такие же положения, как и лавристы. Названием „анархисты" эта группа обязана распространенности среди ее адептов взглядов анархических, главное основание которых — образование общества на принципах полной экономической и политической свободы. Экономическая их теория—коллективизм, а политическая формула: свободная федерация автономных производительных общин. Эти теоретические идеалы однако для большинства бунтарей не были более или менее близкими целями.

Выше приведенными положениями очерчивается в общем программа бунтарей.

Конечно, ни та, ни другая группа не останавливались на общих положениях. Их теории были развиты и в литературе до мелких подробностей. Аргументация тех и других была обоснована научно на данных истории, политической экономии, философии и других наук. Представителем программы лавристов был Лавров, органом — журнал „Вперед" и издания его редакции. Программу бунтарей развил отчасти Бакунин в своих сочинениях, отчасти журнал „Работник" и другие издания. Как видите, две эти программы крайне не похожи одна на другую. Настолько же различны типы их носителей.

В следующий раз приведу вкратце параллель между ними.

23 декабря[1]). Тотчас по приезде в Киев я столкнулся с одним из уголков студенческого мира. Как обыкновенно бывает между молодежью, я очень скоро приобрел довольно широкое знакомство и сблизился с более симпатичными и серьезными людьми. Этот мир мне не был новым. Он очень походил по характеру, обычаям и типам на студенчество в Петербурге. Люди, с которыми я ближе сошелся, заняты были вопросами, интересовавшими вообще тогда молодежь, в лучшем смысле этого слова, т. е. вопросами социального характера. Вопросы были те же, какие связали и петербургский студенческий кружок, в котором я до высылки принимал деятельное участие. Своим новым приятелям я рассказал о деятельности этого кружка и его задачах самовоспитательного характера, следствием чего была мысль образовать то же и здесь, и через две-три недели мысль воплотилась в действительность. Новый кружок состоял из

---

[1]) То же дело, лл. 121—122 об. протокол № 55.

10 или 12 человек, теперь уже не помню, имел кассу с рублями 30 или 40 ежемесячного дохода. Собрания и встречи членов служили обмену мыслей, взглядов и взаимодействию. Взаимодействие и духовное соревнование—это два великих деятеля в кружках самообразования. Русская семья привилегированного сословия и школа, в громадном большинстве случаев, не оставляют в человеке никаких задатков самодеятельности,—главной руководящей прогресса. Вследствие этого русская учащаяся молодежь, богато одаренная духовными качествами, особенно нуждается в влиянии кружка, в большинстве своих членов возбуждающем внутреннюю работу над самим собой, т.-е. первый шаг к самодеятельности. Мирок, выдвинувший этот кружок, и даже вообще все мыслящее студенчество имело непосредственное соприкосновение с пропагандистами. Многие из видных деятелей этих последних были сами студентами и пользовались в университете влиянием. Будучи образованными людьми, они пользовались своими знаниями для социалистической пропаганды среди студенчества, с которым жизнью и университетскими интересами были тесно связаны. Их влияние, их истины органически проникали в молодежь, и нельзя было провести сколько-нибудь определенную черту между миром социалистов-пропагандистов и лучшей частью студенчества. Практическая деятельность пропагандистов была более обособлена. Ею руководил кружок более серьезных и близко знакомых между собой людей. Он был в сношениях с такими же кружками в Петербурге (кружок чайковцев), Харькове и Одессе. От чайковцев получал книги, газеты и различные сведения, харьковцы и одесситы сталкивались с ним по практической деятельности в народе. Киевский кружок, как центр для Украины, сносился с известными ему, действовавшими в этой местности, пропагандистами. В самом городе Киеве и его окрестностях он вел довольно широкую пропаганду среди рабочих. Многие сотни из них знакомились с социализмом посредством устных бесед и чтения книг, а десятки более развитых и сочувствующих рабочих сами действовали в этом направлении. Количественно мир пропагандистов был широк. К нему примыкали сотни людей, но вполне практически выработанных и исключительно отдающихся революционному делу было очень немного, что однако не мешало, даже при некотором отсутствии революционного огня, итти делу довольно успешно. В то время, т. е. в 1876 году уже не было заметно горячечного, всепоглощающего движения в народ. Неопытность влекомых чувством любви и представлением быстрой достижимости цели наполняла уже тогда тюрьмы молодыми страдальцами, и это сделало более осторожною молодежь; но все-таки каждый ставил своей задачей познакомиться с народом и жить с ним.

Мир бунтарей был гораздо обособленней и уже. Со студенчеством имел гораздо меньше точек соприкосновения. Он состоял, в большинстве, из людей порвавших с университетом связи, резко определивших свой жизненный путь, часто уже людей, разыскиваемых

правительством. В мнениях некоторых из них об интеллигенции звучала нотка недоверия, как о детище барства и привилегии; такое же отношение можно было встретить иногда и к науке, созданной меньшинством и в его интересах. Зато народ ими идеализировался во всех его чертах. Они усваивали многие его привычки, манеры, обычаи, в которых видели освобождение человека от цепей предрассудка и сословности. Руководителем для этой группы служил кружок бывалых, беззаветно преданных своему делу, и потому отчаянно-решительных людей. Этот кружок был гораздо более тайным и тесным по сравнению с кружком пропагандистов. В нем каждый головою ручался за другого. Он имел также сношения со всеми русскими революционными центрами и с эмигрантами. Местопребывание его далеко не всегда был Киев; очень часто здесь не было главных и большей части его представителей. В Харькове и особенно Одессе он имел группы близких людей. В то время задачей, поглощавшей все его силы, было устройство пункта, могущего дать толчок местному восстанию и послужить первым оплотом ему. Избиралась, как наиболее возбужденная местность, Поднепровье, — Киевская и Подольская губернии. Для этой цели они думали создать несколько поселений и приобрести все нужное для первого шага восстания.

Прошу прекратить показания.

26 декабря[1]). По темпераменту и натуре представители этих двух направлений, так же как и своими программами, не походили одни на других. Пропагандист — это лучший представитель нашей интеллигенции. Критика действительности и наука обратили его внимание на народ, возбудили в нем симпатии к бедствующим миллионам. Данные науки и положение народа определили выход и средства для него и положили, таким образом, главные основания его программы. Этот — путь медленный и тяжелый, но сознавая его верность, он, по природе спокойный и ровный, начинает свою работу, на долгое время остающуюся мирной, культурной работой. Он сознает тяжесть положения народа, видит его страдания, и это возбуждает его к усиленной просветительной деятельности. Миссия его — проповедь царства свободы и труда.

Бунтарь — цельная, непосредственная натура. Глубина чувства и впечатлительность зажгли в нем непримиримую ненависть к притеснителям и горячую любовь к народу. Революционные порывы поглотили его вполне. Разум и чувства говорят одно и то же. Вокруг голодный, оборванный, оскорбляемый и обираемый народ, народ своими общественными наклонностями вечно шедший наперекор татарско-немецким тенденциям и за это вечно угнетаемый, народ, в истории своей удивляющий высокими гражданскими чувствами. Он скован цепями политического бесправия и экономического рабства. Разбить цепи, как можно скорее: они глубже и глубже разъедают

---

[1]) То же дело, лл. 135—140 об.; протокол № 59.

тело и убивают дух. Все силы души, все дорогое сердцу приносит бунтарь в жертву своим задачам. Эти натуры гибнут теперь в неравной борьбе, но им суждено искупить народ.

Почти одновременно в начале 1876 года, стали меня разыскивать киевская полиция по сообщению путивльской о выбытии моем без надлежащего разрешения в г. Киев, и киевские пропагандисты по извещению петербургских. И те и другие скоро меня нашли. С полицией кончил на том, что подписал договор о невыезде из города Киева без ее разрешения, а с пропагандистами стал знакомиться ближе.

В первые же дни я встретил среди них Лизогуба. Тогда я не знал его фамилии, но он больше других мне понравился своею простотою и душевностью. Для новых знакомых я был мало известным человеком, и потому невольно существовала некоторая натянутость, меня как бы наблюдали, и этим я стеснялся тем более, что самый мир радикалов-практиков был для меня нов. Но с Лизогубом у меня сразу установились простые отношения. Впрочем в Киеве я с ним редко виделся,—он жил здесь не постоянно, а я не часто бывал у новых своих знакомых, так что, как сказано выше, не пришлось узнать даже его фамилию. В начале апреля новые знакомые предложили мне принять участие в предположенной на второй или третий день пасхи большой сходке рабочих. Местом собрания был назначен безбрежно разлившийся в то время дедушка Днепр. В определенное время с различных мест отчалило около десятка лодок, с тем, чтобы, поднявшись немного вверх по разливу, собраться у одного из островков. Нас, несколько человек, пробрались по грязи затопленного Подола огородами и разнесенными дворами к рыбачьей лодке и на ней поплыли к месту назначения. Через несколько часов все были в сборе. На песчаном островке, только что показавшемся из воды, группировались человек 60. Десятка полтора было интелигенции, остальные рабочие различных ремесл, фабрик и заводов. Было даже несколько хозяев-мастеровых и торговцев. Был, как представитель родственного рабочего движения, социал-демократ, немец рабочий, недавно приехавший в Россию и, хотя не знающий русского языка, заинтересованный предметом сходки. Он по одежде резко выдавался из толпы. На нем была довольно чистая черная пара и цилиндр. Собрание было открыто чтением тогда недавно вышедшей книжки под заглавием: „Вот тебе бабушка и Юрьев день“. В ней доказывалось, что новый после-реформенный экономический быт народа тяжелее до-реформенного. „Прежде били дубьем, а теперь рублем“. Внимание слушателей было поглощено чтением. По окончании, для большего уяснения, читавший развил те же мысли словами, а затем стали говорить желающие. С этого момента направление сходки неожиданно и резко определилось. Несколько человек рабочих стали доказывать, „что им не дают дела, а что книжки, хотя они и хороши и верно описывают положение вещей, но не указывают подробно, что должен делать каждый рабочий, я, ты,

другой, третий. Книжками одними еще много не сделаешь, а как и с кем бороться, нужно выяснить, да и начинать, а там, как узнают за что война загорелась, пристанут и другие. А то вот два года книжки ты нам читаешь, а дела не видно". При этих прочувствованных словах вскочил один мощный рабочий, лет сорока, и возбужденно вскричал: „Да что ж мы, братцы, что ж нам разговаривать этак без конца! Если мы недовольны,— их разносить надо! Пойдем, разобьем жандармское правление, а там посмотрим, что будет". Поднялся говор и шум. Все встали. Читавший, видя невозможность вести беседу в том духе, в каком начал, не стал продолжать, так как здесь вместе с надежными рабочими были и новички. До конца разговоры велись уже по группам. Одну из групп составлял социал-демократ, окруженный рабочими, и посредством переводчика вел разговоры. Он искренно удивлялся, что русские сходки рабочих есть недозволенная вещь, что они должны быть в столь неудобных местах, на мокром песке, при переездах на лодках с опасностью жизни. Рабочим он не понравился. В своей одежде он. им казался барином. Для меня эта сходка, считавшаяся устроителями неудавшейся, казалась многозначительной.

Среди пропагандистов я заметил отсутствие систематической группировки революционных сил. Они даже избегали, не сознавая полезности, строгой широкой революционной организации. Эта характерная черта мне не нравилась, и я постарался познакомиться с третьей революционной группой, якобинцами, о которой слыхал отзывы, как о признающей и проводящей в жизнь строгую дисциплинированную организацию. Главные черты программы якобинцев следующие. Все требуемые социалистами перемены надо произвести не снизу вверх, а наоборот. Сбросив так или иначе существующее ныне правительство, создать силами партии новое, социалистическое, которое и декретирует новый порядок. С поднятием уровня развития народа, социалистическое правительство вручает самодержавие народу. Борьбу с существующим правительством удобнее всего вести путем заговора, для чего необходимо создать сильную централизованную организацию. Все другие средства прилагаются по мере надобности, но не признаются самостоятельно ведущими к цели.

Скоро я увидел, что теория и практика этой группы не представляют ничего солидного, и порвал с ними сношения. Она была очень малочисленна, да и сильная организация на принципах, положенных ими в основание, и при отсутствии серьезной революционной работы не могла создаться.

При знакомстве с этой группой, я встретился с Давиденко. Он тогда вернулся из народа и его интересовала тоже идея революционной организации. Присмотревшись к пропагандистической деятельности,—разбросанной и медленной,—испытавши сам поверхностное действие летучей пропаганды, он пришел к убеждению о необходимости создать самостоятельную революционную силу, органи-

зацию партии, которая, ставя такую или иную программу, могла бы начинать работу по ней правильно, в системе, регулируя деятельность отдельных единиц и направляя ее в ту или другую сторону, согласно программе и требованию момента. В этих исканиях он также столкнулся с якобинцами и также разочаровался. Давиденко был весьма даровитый человек. Ум его был пытливый и глубокий. С особенным удовольствием и усидчивостью занимался он тогда позитивной философией. Вынесенный им из деятельности в народе взгляд, новый и редкий в то время,. сам по себе показывает реальность и деловитость мысли. По природе он был человек решительный и энергичный. К сожалению, мне не суждено было с ним сойтись поближе и надолго; намереваясь действовать вместе в смысле организации сил партии, мы расстались в начале июня 1876 года и, как оказалось, навсегда. В 1879 году он был повешен в Одессе. Деятельность его между 76—79 годами мне не пришлось узнать. Мир праху твоему, дорогой товарищ!..

Здесь же в мае месяце я встретился с Чубаровым и Стефановичем, но знакомство было самое поверхностное и кратковременное. Гораздо короче я познакомился в Киеве с Григорием Гольденбергом. В первых месяцах 76 года он был выслан из С.-Петербурга на родину в Киев, как не имеющий определенных занятий еврей. Кто-то дал ему ко мне рекомендацию, и он, прибывши на место, тотчас разыскал меня. Не имея возможности сойтись с киевскими радикалами, которые его считали человеком недалеким и неразвитым, он симпатизировал мне. Я же, в свою очередь, видя в нем человека честного и доброго, ищущего общества и дела, не считал возможным отталкивать его, хотя тоже не считал его пригодным для работы в то время. Он был исключительно человек чувств, да еще кроме того совершенно не умеющий ими владеть. Когда чувство в нем направлялось партией,—оно двинуло его на подвиг. Но отрезанный от нее и не имея в себе самом руководящей, он, совершив неизмеримо бесчестный поступок, бесславно погиб. Пусть великодушно простят этого несчастного человека его старые товарищи...

Полугодовое пребывание в Киеве сослужило мне службу. За это время я узнал известный до того только по слухам мир. Прошлая деятельность партии, хотя отчасти, ее теории и, важнее всего, люди, типы деятелей развернулись перед моими глазами. И действительно, было что смотреть и наблюдать. Мало таких оживленных, богатых интелигенцией городов. К миру радикалов, охватывавшему все лучшее студенчество, примыкала своей крайней левой партия украинофилов. В общем она, при своих узко-сепаративных национальных тенденциях, проявляемых только в воскрешении малорусского языка и литературы, конечно, не составляла с социалистами чего-нибудь однообразного, но часть ее расширяла свои положения до социально-революционных, избирая впрочем район деятельности исключительно Малороссию. Из революционных групп радикалы-украинофилы

сходились более с пропагандистами. Деятельность и работу мысли в этом широком союзно-революционном мире оживляли примыкавшие к нему люди науки и литературы. Мне достаточно указать, как на одного из таких, на Драгоманова. Оживлением и общественным развитием Киев поражал меня, но, с другой стороны, легко было заметить во всем этом движении партиозное дробление, отсутствие единства в деятельности и ближайших задачах, некоторую нетерпимость, что сильно уменьшило результат деятельности отдельных лиц и всего движения. Сознание этого важного недостатка поставило меня в роль наблюдателя. Чутье говорило, что не здесь центр, источник всего русского движения, а широкие планы и серьезные силы можно найти только в центре, где сосредоточиваются все данные опыта, где собираются лучшие люди со всей русской земли. В Киеве я оставаться не думал. Мои мечты улетали далеко на север, в Петербург. Но уже не храм науки манил меня. Его я не нашел там. Я шел в главный „стан погибающих за великое дело любви".

Еще в начале 1876 года было послано мною прошение в министерство внутренних дел о разрешении возвратиться в С.-Петербург для окончания образования. В виду возможности разрешения, я выхлопотал в Киеве от губернатора свидетельство о безупречном поведении и, в начале июня уехал домой в г. Путивль на летние месяцы. В конце июля пришло министерское разрешение. Шлагбаум петербургский для меня поднялся.

В начале августа я вторично отправился в С.-Петербург. Будучи уже знаком немного с местностью, поселился поближе к Медицинской академии, в которой у меня были знакомые. Для того, чтобы иметь определенное положение, занять свободное время и приобрести знакомых студентов, подал я прошение о поступлении в Горный институт. Назначенный поверочный экзамен прошел успешно, и я уже приготовил тридцать рублей, следуемые за право слушания лекций за полгода. Но оказалось, что из 80 державших поверочное испытание около 60 получило удовлетворительные отметки, а было принято, по числу вакансий, только 30 человек. Я не попал в это число и дал слово не искать счастья в этих просветительных заведениях.

Одно счастливое киевское знакомство, перенесенное в С.-Петербург, столкнуло с обществом радикалов, в котором я встретился с чайковцами. Здесь не могу пропустить случая передать потомству, что знаю об этом замечательном революционном кружке, игравшем от 72 до 77 года роль руководителя и направителя пропагандистического движения, а потом в конце 1876 года, сообразно обстоятельствам, обновленный и усиленный, изменив программу деятельности, положил начало народнической организации „Земли и Воли". К сожалению, сведения мои о его деятельности до 1876 года слишком кратки; кроме этого и по другим причинам время его истории еще не пришло.

Основание кружка чайковцев положил в 1871 году, один из многочисленных в то время, счастливо сгруппировавшийся кружок саморазвития. На первых же порах он пришел к мысли о необходимости, на-ряду с собственными занятиями, помогать однородным стремлениям всей русской молодежи. Недостаток книг по многим отраслям общественной науки при отсутствии в то время заграничной литературы был очень ощутителен. Руководимые этим соображением, чайковцы издали на собранные средства несколько книг научного и беллетристического содержания. Для снабжения других таких же кружков они покупали в большем числе экземпляров лучшие и серьезнейшие книги и рассылали их в разные города, что, не говоря о пользе вообще, давало им связи и возможность влияния. Собственное их развитие, двигаясь очень быстро, привело к радикальным убеждениям и революционной деятельности. Уже в 1872 году (кажется в конце) они с некоторыми другими кружками приняли программу предположенного издания журнала „Вперед“ и деятельно стали помогать ему литературной работой и средствами. Потом в 1873 и 1874 годах, когда широкое движение в народ обусловило необходимость народной литературы, этот кружок, тогда уже расширявшийся и имевший два отделения, в Москве и Одессе, отвечая назревшей потребности, литературными талантами своих членов и кружковыми материальными средствами создал и выпустил в свет большую часть до ныне существующих народных нецензурных книг, более или менее пригодных, но безусловно отличающихся большим чувством и талантом. Дорого обошлась чайковцам пропагандистическая деятельность 1874 и 1875 годов,—большая часть их была арестована в этот период времени. Особенно усиленно и успешно они занимались среди городских рабочих, основывая школы и обучая грамоте, сходясь с артелями, работая сами на заводах и фабриках, образовывая рабочие кружки. Многие из них исходили всю Россию, присматриваясь к жизни народа, раздавая книжки, занимаясь летучей пропагандой. Другие основывали сельские фермы для обучения желающих действовать в народе сельским работам и мастерствам. В то же время у них был постоянный контрабандный путь, доставлявший все выходящее за границей. Более широких связей, как они, не имел ни один кружок. Одним словом, это был самый деятельный кружок по работе и самый талантливый по составу.

В момент моего столкновения с чайковцами среди уцелевших, среди них был заметен усиленный анализ программы деятельности в связи с данными, добытыми работою нескольких лет. Жизнь и деятельность пошатнули в них веру в целесообразность тех приемов, которых они держались до сей поры, и возбудили критику. Ощутительный толчок в этом направлении дала последняя неудачная попытка близко к ним стоявших людей устроить поселение в уральско-горнозаводской местности. Она обнаружила слабые стороны, беспомощность одной пропаганды там, где горе пробивает самостоятельно

дорогу протеста и где пропагандисту со второго слова приходится, чтобы не пятиться назад, брать на себя роль организатора местного движения. Для критики и пересмотра до того руководившей программы было самое благоприятное время. Осень 1876 года для радикалов была очень оживленная. В Петербург съехалось очень много народу со всех концов России. Кроме чайковцев и многих из близких им людей, сюда собрался почти весь юго-восточный кружок, выдававшийся по солидности, опытности и бывалости; многие же отдельные лица, подобно мне ищущие истины и работы, еще более увеличивали общее оживление. Только что упомянутый юго-восточный кружок имел массу интересного материала, собранного долговременным и разносторонним наблюдением народа. Дон, Крым, Кубань, Харьковская и Екатеринославская губернии были ими изучены в подробностях. Быт, обычаи, типы, настроения и ожидания населения этих мест—хорошо известны и приводили их к мысли о необходимости наметить другой, более подходящий к условиям русской жизни образ действий, отчасти уже сложившихся в голове, но требующий коллективного обсуждения, проверки посредством опыта других кружков и лиц. Стали повторяться одна за другой сходки, то очень многочисленные, поднимавшие самые общие вопросы, иногда даже философского характера, ложащиеся в основание различных революционных направлений, то немноголюдные, более интимные, ставившие вопросы частные в связи с прошлым опытом и предположениями для будущей деятельности, служившие для обмена сведений и наблюдений, сделанных в народе. Молодежь, соприкасавшуюся с партией, занимал вопрос о том, что более обусловливает поступки человека, ум,—т. е. сознание, или чувство, хранящее в себе лучшие общественные инстинкты человека? Отчего зависит совершенствование форм общежития, от увеличения образованности людей, или от упражнения и накопления в обществе альтруистических чувств? Какая работа в народе своевременнее и необходимее, — та ли, результат которой усиление одного стимула деятельности человека, сознания, или же та, которая развивает другой — общественные чувства? Увеличение сознания достигается просвещением, одно из средств которого— пропаганда; альтруистические же чувства упражняются только поступками, и потому необходимый путь для этого — путь действия, путь революционной борьбы.

28 декабря [1]). От разрешения вопроса о роли ума и чувства в создании общественного строя зависело избрание таких или иных средств для деятельности. Собрания интимного характера, на которых бывали чайковцы, члены юго-восточного кружка и некоторые отдельные лица, в числе их и я, ставили вопросы конкретней. Из первых разговоров выяснилось, что пропаганда и вообще прежний образ действий в глазах большинства присутствующих потеряли значение

---

[1]) То же дело, лл. 146—147 об., протокол № 60.

и целесообразность; деятельность нескольких лет, стоившая дорогих жертв, путем горького опыта привела к такому заключению. Пришлось подводить итоги. Три года горячей, энергичной работы, что они дали?.. Они расшевелили сонное общество, его интеллигенция и молодежь дали тысячи борцов, они создали партию, могучую нравственною силою, они, несмотря на преграды цензуры и преследования правительства, разгласили и разнесли идею социализма по всем уголкам необъятной России. Они положили начало движению, несущему России новую жизнь и счастье. Эти результаты неоспоримы и окупают принесенные жертвы. Но всегда ли достигали действовавшие в продолжение этих трех лет своих непосредственных ближайших целей? К сожалению, далеко не всегда. Несмотря на хождение в народ многих сотен людей, на многие десятки поселений, ферм, артелей, мастерских, школ, на тысячи распространенных книг и на занятия десятков лиц с рабочими, результаты всех этих усилий не оправдали надежд, — влияние на народ было поверхностно и неглубоко. В деревне успех был весьма слаб, в городах дело шло лучше,— во всех главных центрах возникли рабочие кружки, выдвинувшие даровитых людей, из которых образовалась рабочая интелигенция, но массового влияния и здесь не приобрела партия. А между тем, чем ближе знакомились с народом, чем чаще с ним сталкивались, тем яснее замечали его самостоятельные революционные стремления, проявляемые непрерывно в самых различных формах, постоянно отстаивающие народную самобытность от поползновений на нее государства. Случалось также наблюдать, как местные причины выдвигали и ставили ребром самые серьезные общественные вопросы, и за них ратовали не только отдельные личности, вожаки и ходоки, но целые села, станицы, волости и даже области. В этих случаях обращало на себя внимание значение народных вожаков, их влияние на массу, доверие, которым они пользовались. Они в большинстве случаев действительные и лучшие выразители и представители народа; интересы его для них святы, за них они готовы итти в тюрьму, на каторгу, но не изменят им. И такие мирские люди не редкость. Почти в каждом селе встретишь человека, пользующегося влиянием и любовью населения, выдвигаемого вперед во всех серьезных случаях и стоящего настороже „обческих“ интересов. При сближении зачастую открываешь в них ум и способности, поднимающие их ступенью выше окружающих, и в этом-то скрывается секрет их влияния. Народные интересы они понимают ясней и шире, а потому легко, иногда даже сами, доходят до революционных выводов. По общим наблюдениям во всех сферах народа, среди великорусского и малорусского крестьянства, среди казаков и раскольников, между оборванным людом южного побережья и пристаней больших рек, так называемой „босой командой“,—везде достаточно горючего материала, созданного невыносимо тяжелым положением и неподдающейся народной натурой. Но материал этот не воспламеняется пропагандой научного социа-

лизма, не действуют на него и отвлеченно-нравственные теории. Зажжет его революционным пламенем тот, кто постигнет душу народа, кто заговорит его языком о предметах, волнующих народную жизнь изо дня в день, кто поставит на своем знамени: народное движение во имя народных требований. Пропаганда не могла быть пригодным орудием уже потому, что всякий, действуя им, непременно старался пронести в народ нечто новое, совершенное, не имеющее сродства с внутренним миром крестьянина: один- коллективизм, другой—реализм, третий—и то и другое, а между тем, на народные желания обращалось внимание лишь постольку, поскольку они были социалистичны. Крестьянин же наш привык мыслить и действовать только под непосредственным влиянием суровой и несложной жизни, и потому в его голове с трудом укладываются отвлеченные понятия. Одно из препятствий успешного действия пропаганды есть отсутствие в народе сколько-нибудь сносной школы и поголовная безграмотность массы; книга и просветительное слово, всегда связанное с целым рядом новых мыслей и представлений, теряют при этих условиях почти все свое значение. Нельзя также упустить из виду еще одну причину неудачной деятельности, связанной с хождением в народ. Это ее бо̀льшая или меньшая летучесть, краткосрочность. В громадном большинстве случаев пропагандисты только проходили чрез народ, получали от него такое или иное впечатление, наблюдали его жизнь, а передавать ему свои мысли приходилось только мимоходом. Даже если бы эти мысли и не были бы новы по языку и форме, то и тогда трудно думать, чтобы они произвели такое определенное действие, какое было желательно пропагандисту. В меньшинстве случаев пропаганда велась путем поселений, и тут, смотря по умелости действовавших и долговременности их пребывания, получились положительные результаты, хотя все-таки несоответственные ожиданиям. Отдельные личности усваивали вполне социалистические взгляды и стремления, готовы были на жертвы для достижения цели, но, в свою, очередь они с большим трудом могли проводить далее ими усвоенное в массу столь же последовательно и убедительно. Им легче было взволновать свою местность, пользуясь удобным случаем, но они сомневались, чтобы мир стал отстаивать социалистические требования в их строгой последовательности. Были, однако, пропагандисты, очень небольшое число, которые по собственному чутью, уклоняясь от программмы, действовали иначе.

29 декабря [1]). Эти немногие обыкновенно бывали по происхождению своему близки народу и понимали его. Они не старались создавать сознательных социалистов из своих серых братьев, а, живя с ними душа в душу, помогали в обыденной жизни советом, работой, своей грамотностью. Отнюдь не выступали новаторами, а напротив отдавали уважение обычаю, вере и традициям, если только этим не-

[1]) То же дело, лл. 148—150 об.; № 61.

прикрывалась неправда и корысть. Таких людей народ не считал чужими, и очень скоро они становились лучшими его друзьями, которым он верил, считал опытными и бывалыми; и потому обращался в серьезных случаях к ним за умным словом. Не нужно доказывать, что таким людям легко было расширять и обобщать недовольство народа, указывая, что везде горюет мужик, что повсюду ему недостает одного и того же и т. д.

В эти дни сомнения и критики не один хватался за нормы истории, перечитывая и изучая эпохи народных движений и революций,—в них искал указаний. И освобожденному от идеализации взору уяснились законы, руководившие всеразрушающими массовыми течениями, периодически оживляющими огнем и кровью общественную жизнь народов. Углубляясь в знаменательное прошлое, он замечал, что всем движениям, удивляющим неудержимой стихийной силой, предшествовал целый ряд мелких, частных движений, идущих crescendo по мере приближения к моменту общего революционного пожара. Это общее явление при изучении различных эпох одинаково рельефно бросается в глаза и даже иногда, при поверхностном знакомстве, кажется, что то или другое движение возникло неожиданно, случайно, под влиянием того или другого разбойника, самозванца; что не будь такого или иного промаха власти, и зло было бы предупреждено своевременно. Но такой взгляд есть, конечно, обман неопытного исторического зрения. Все движения как народные, так и общественные, есть неотразимые следствия невидимо действующих причин. Жизнь большинства, в интересах сословия или касты, при посредстве грубой силы или какого-нибудь духовного преобладания, сложилась ненормально. Вот главные причины накопления недовольства, порождающего протест, который, в свою очередь, как всякая борьба, заражая своим влиянием, увеличивает число активно протестующих и т. д. Здесь может быть два выхода. Первый,—это логическое следствие растущего вширь и вглубь протеста—революционное движение; второй,—своевременно сознанная меньшинством и устраненная ненормальность общественных форм. В истории встречаем первый выход реже, но его целительные свойства гораздо глубже. Ко второму прибегают „страха иудейска ради“ чуть не каждый день, но „корысти того же племени ради“ не устраняют болезни в корне, а только залечивают, а иногда вгоняют внутрь; то и другое оттягивает, а не отвращает печальный конец.

Раз всеобщая история убедила в непременности такого хода событий, сам собою является вопрос, находится ли русский народ под действием подобного исторического процесса, т.-е. нормально ли его положение по отношению к другим сословиям государства и правящим классам, соответствует ли оно его потребностям и вековым привычкам, и если нет, то какова сила действия этих отрицательных условий строя: достаточна ли она для того, чтобы пробудить освободительную борьбу народа. Здесь опыт, изучение

жизни и истории нашего крестьянства и рабочего дают утвердительные ответы. Обращаясь к нашему чувству и примеру героев народных движений, мы получаем дальнейшие указания, определяющие путь для тех людей, которые своими личными силами и способностями желают содействовать историческому процессу борьбы за свободу. Но может ли быть чем-нибудь полезна интеллигенция в разрушительных стремлениях масс, не внемлящих слову убеждения. О, да! Роль интеллигенции в этих роковых событиях неоценима, и она всегда более или менее принимала в них участие. Во всяком движении силою необходимости выдвигаются люди, развитием, способностями, решительностью стоящие выше массы, призванные организовать и направлять горящих желанием борьбы; и чем эти люди бескорыстней и просвещенней, тем результаты движения успешней, тем с меньшими излишествами страстей оно совершается.

Если в прошлые эпохи народных движений, благодаря недостаточной организованности самого государства, повторяющиеся мелкие движения, эти предвозвестники бури, прогрессировали без участия сравнительно интеллигентных вожаков, являвшихся уже в разгаре борьбы, то при настоящей окрепшей и централизованной системе государства, требующей для борьбы с собою более сплоченной и совершенной организации, такие деятели необходимы и в период, предшествующий кровавой драме.

Остается разрешить еще один вопрос. Может ли народ победоносным восстанием достигнуть осуществления своих заветных желаний, и если да, то гарантируют ли новые условия жизни гармонию личных и общественных интересов, необходимое условие счастья человека? Будет ли обновленный общественный организм живуч и не возродятся ли в нем старые язвы, так долго его разъедавшие?

Победоносным может быть широкое и хорошо организованное восстание. Первое условие зависит вполне от однородности и распространенности стремлений, могущих быть написанными на знамени движения. Есть ли таковые у народа русского? Те же оракулы, история и опыт, и на это дают ответы. Несколько лет тому назад Русской Революционной Партией праздновался вековой юбилей великого народного движения, оставившего потомству два слова, заключающие в себе всю будущую нашу историю и отразившие прошлую. Их магическая сила на пространстве русской земли необъятна. Периодически наступают моменты, когда они волнуют Русь из края в край. Эти слова — „З е м л я и В о л я“. Каждая губерния и область, даже уезд и волость имеют много своих особых мелких интересов, разжигающих людские страсти; но пред этими словами преклоняется все, так как они всеобъемлющи, каждый видит в них свое личное счастье. Кроме этого обще-русского лозунга, не мало выдвинуто историей и жизнью местных, объединяющих известный район или часть народа. Малороссия, казаки, раскольники, горнозаводские уральские рабочие, чиншевики, рыбаки Каспийского и Бе-

лого моря и другие, имеют свои особые потребности, по своей насущности сплачивающие их в братства, круги, сословия, артели, ватаги, дружины, беспрестанно борящиеся с государством, облагающим непосильными сборами, урезывающим права и вольности, и с отдельными лицами, по имущественному преобладанию их эксплоатирующими. Можно наверно сказать, что нет недостатка в условиях, способствующих разлитию движения вширь.

Второе условие успешности восстания, — организованность его, всецело зависит от руководителей движения. Дело Социально-Революционной Партии обеспечить успех с этой стороны и если это ей удастся, существование ее уже получает громадное историческое значение.

Будет ли в состоянии движение, победившее правительство, создать новый строй соответствующий народным желаниям? Рать, с успехом исполнившая свою задачу, закаленная в борьбе, проникнутая народным духом, конечно, не позволит личному честолюбию и корысти злоупотребить властью, а народ, много раз устраивавшийся прекрасно там, где не было у него опекунов, наконец, избавившись от них, заживет выборным областным и общественным началом по обычаю прадедов. А как он завершит государственное здание и в каких пределах положит ему основание, об этом только можно гадать, но в своих заветных желаниях он будет вполне обеспечен добытой землей и волей.

Даст ли счастье „Земля и Воля“ и какие принципы внесет она в жизнь? Русский народ по преимуществу земледельческий. Три четверти его богатства заключаются в продуктах производительной силы земли, девять десятых числа рабочих рук обращено на возделывание ее, с ней связано счастье семидесяти миллионов. Земля для русского рабочего есть главное средство существования, главное орудие труда.

31 декабря [1]). Одно из главных стремлений социалистов составляет переход орудий труда в руки рабочего. В этом смысле переход земли, как главного орудия труда, в руки крестьянина вполне соответствует желаниям социалистов, но так как земля не только главное орудие, но и почти единственное в России, где заводская и фабричная промышленность еще в зародыше в сравнении с западными государствами и где она еще не создает пролетария, а только привлекает руки, временно свободные от земледелия, не отрывая их навсегда от деревни, то при таких условиях экспроприация земель в пользу народа составляет великую задачу социально-революционной партии, пред которой умолкают теоретические соображения, имеющие значение на Западе, в стране капиталистического машинного производства. Еще более увеличивает значение этой задачи то благоприятное обстоятельство, что в большей части России, благодаря



[1]) То же дело, лл. 152—153 об.; протокол № 62.

общинному землевладению, невозможно будет возвращение к старому порядку и что эта форма владения обеспечивает каждому взрослому члену общины такое количество земли, какое он может обработать. Не решая категорически, можно, однако, думать, что, имеющиеся в разных местах России другие орудия труда, фабрики, заводы и пр., при влиянии городских социалистов рабочих и по врожденному русскому рабочему артельному взгляду перейдут также в пользование соответствующих производительных общин. Эта, по важности второстепенная, задача, однако, не должна замедлять разрешения первой.

Из только что высказанных соображений явствует, что народное требование „Земли" вполне соответствует экономической теории социалистов и может быть выставлено и на их знамени. Второе народное требование „Воли" менее конкретно, и о нем приходится судить постольку, поскольку в истории русского народа отразились его политические и правовые взляды. Несколько выше, говоря о программе бунтарей, я охарактеризовал их мнение о правовых и общественно-политических наклонностях народа, долженствующих проявиться при первом его свободном гражданском шаге и быть санкционированными народной волей. Теперь, излагая развитие оснований новой программы в петербургских революционных сферах, по только что затронутому вопросу мне пришлось бы повторить мнения бунтарей, как сходные. Разница только та, что бунтари, вообще идеализируя народ, надеялись на осуществление с первых же моментов свободной жизни, политических форм, близко подходящих к их собственным общинно-федералистическим взглядам, а большинство деятелей описываемого периода смотрело на осуществление „Воли" гораздо проще, а именно они за необходимое, согласное с воззрениями народа, а потому и достижимое, полагали общинное и областное самоуправление в возможно широкой степени. Партия должна ставить задачей расширение сферы деятельности самоуправления на все внутренние вопросы, но она не может предсказать общегосударственной формы, предоставляя решение этого вопроса компетенции народной воли. Распадение России по главным национальностям должно быть предоставлено доброй воле составляющих ее народов, что, конечно, и произойдет в виду издавна существующего к тому расположения. Против этих соображений, относящихся к политической части программы, обыкновенно ставят такое возражение,—что неопределенность политических требований чрезвычайно опасна, в виду существующей привитой привычки народа к монархизму. Но для наблюдавших наш народ не в одном каком-нибудь уголке, а на пространстве тысяч верст, возражение это теряет всякую силу. Русский крестьянин до такой степени хранит традицию народоправства, что несмотря на полуторавековое императорское самодержавие, проявляющееся для него в столь чувствительных формах, до сей поры сохранил очень распространенный взгляд на царя, как на правителя, ограниченного по закону сенатом,

которого он является безличным председателем. Сенат назначает жалованье ему, делает выговоры и до такой степени вмешивается в царскую жизнь, что указывает надевать тот или другой мундир. Многие думают, что царь, как военный, служит 30 лет, и потом должен выходить в отставку. И поголовно все убеждены, что он находится в такой барской и панской опеке, что ничего не знает о происходящем и потому не может, если бы даже и хотел, сделать добро народу. Если бы даже и случилось, что народ из привычки пожелал свое новое государственное здание венчать царской короной, то ее роль была бы чисто почетная и во всяком случае вполне ограниченная народными представителями, Народной Думой. Когда слышишь характеристики будущего царя, ожидаемого некоторыми согласиями староверов Царства Правды, то его называют обыкновенно выбранным народом и „добрым предобрым, он тебе и землю, он тебе и денег“, и это все он дает первому просящему. Вообще, народ, особенно в тех местностях, где он не сталкивался с царской особой и не мог наблюдать воочию действительное значение ее, не знаком с идеей неограниченной монархии.

Как видите, наблюдение, опыт и исторические соображения привели большинство к взглядам, в общем, схожим с положениями бунтарской программы, но, ближе присматриваясь и знакомясь обстоятельней с людьми нового течения и их направлением, открываешь между теми и другими во всех отношениях значительную разницу. Причина ее заключается в более серьезном и основательном знакомстве с действительной жизнью и ее условиями, а вследствие того в отсутствии идеализации в той степени, в какой она присуща была большинству бунтарей, и в большой житейской опытности и осмотрительности, освободившей от тенденциозной исключительности и нетерпимости, так часто мешавшей успешной деятельности последних. Новое течение не допускало пренебрежительного отношения к науке, хотя и созданную привилегией, но не исключительно ей служащей, оно смотрело на интеллигентную молодежь, как на нравственно-чуткую и умственно-развитую среду, могущую дать силу партии при постоянных, правильных столкновениях с последней. Свои теоретические идеалы и симпатии люди этого направления подчиняли насущным, острым потребностям народа и потому называли себя „Народниками“.

2 января 1881 г.[1]) В ряде положений, выводов и доказательств, я передал умственный процесс в радикальном мире конца 1876 года, закончившийся явлением новой группы народников. Так как с ней связаны дальнейшие попытки деятельности в народе, в которых и я принимал участие, то, чтобы покончить с теоретической частью, я перечислю тезисы народников.

1. По убеждениям своим мы социалисты-федералисты.

---

[1]) То же дело, лл. 157—161 об.; протокол № 64.

2. Но в виду крайне бедственного положения народа, в виду того, что он, по издавна укоренившимся взглядам, сам выдвигает требования, которые, будучи удовлетворены, легли бы прочным основанием дальнейшего совершенствования его, мы не считаем возможным, для совершения социально-экономического переворота ждать этого времени, когда народ будет в состоянии осуществить более совершенные формы общежития, и поэтому ставим на своем знамени народные требования „Земли и Воли“.

3. Под этими требованиями подразумеваем:

а) В экономическом отношении — переход земель, как казенных, так и частных, в руки народа; в Великороссии во владение общин, а в других частях России сообразно существующим местным традициям и желаниям.

б) В политическом отношении — замена нынешнего государства строем определенным Народной Волей, при непременном осуществлении широкого общинного и областного самоуправления.

Партия ставит следующие средства для достижения означенных целей.

А. Часть организационная:

1. Широкая пропаганда среди молодежи и общества и привлечение отсюда сил к революционной организации.

2. Устройство в народе, в возможно большем числе, постоянных поселений, с целью сближения с крестьянством, отыскания вожаков народных и сплочение их во имя достижения „Земли и Воли“ для более единодушного действия. При этом по возможности расширение их мировоззрения.

3. С помощью поселений и другими возможными способами принятие участия в местных движениях, при чем стараться организовать движение, расширить его и выставить требование „Земли и Воли“. Подобные случаи более всего способствуют выдвигаться истинным народным вожакам и распространяться широким народным требованиям.

4. Заведение связей со всеми протестующими элементами народа, с казаками, староверами и т. п. и наклонение их недовольства к общенародным задачам.

5. Агитация и пропаганда среди городских рабочих и воспитание их в борьбе путем стачек. В этой борьбе приближать их к мысли о переходе фабрик и заводов в собственность производительных общин. Фабричные рабочие, в большинстве крестьяне, перенесут, возвращаясь в свои деревни, и туда оживленные в них стремления к „Земле и Воле“.

6. Образование дружин боевого характера из встречающихся в народе революционеров-самородков, для борьбы действием: они должны служить оплотом начинающимся движениям.

Б. Дезорганизация государственных сил.

1. Заведение связей в войсках, особенно между офицерами, обращая их на служение интересам народа и приготовляя переход войск в решительную минуту на его сторону.

2. Связи в административных сферах, с целью парализовать их противодействие революционным начинаниям.

3. В моменты движений исполнение ряда террористических поступков, разрушающих централизацию государственной системы и дающих возможность разливаться движению вширь.

Так сложилось и выразилось это направление.

В сентябре 1876 года в С.-Петербурге я впервые встретился с Александром Константиновичем Соловьевым. Он тогда приезжал из Псковской губернии, где полтора года работал в кузнице и приобрел достаточный навык в этом ремесле. Считая себя практически готовым для того, чтобы занять положение в народе, он хотел пред началом своей деятельности обменяться взглядами и мыслями с людьми уже бывалыми, получить нужные сведения и средства и, если возможно, пристать к какой - либо действующей группе. Соловьев с первого раза производил впечатление молчаливого и сосредоточенного в себе человека. Но при более частых столкновениях открывалась в нем чрезвычайная мягкость и человечность, приобретавшая ему привязанность всех окружающих; те же, которым удавалось сойтись с ним коротко, находили в нем редкого и нежного друга. Он пробыл в этот раз в С.-Петербурге месяца два, но, вследствие переходного состояния партии, не сошелся близко, из вновь встреченных им людей, почти ни с кем, а более жить здесь он не мог; его тянуло в народ, и он в октябре месяце уехал во Владимирскую и Нижегородскую губернии, где развита слесарная и кузнечная кустарная промышленность и где поэтому легко найти работу кузнецу. Его привлекала эта местность еще потому, что эксплоатация кулаков довела здесь крестьянина-ремесленника до чрезвычайно бедственного положения, а неплодородная земля обремененная несоответствующими податями почти ничего не давала. В весеннюю и зимнюю непогодь пришлось ему бродить из села в село, ища работы. На его несчастье в то время натянутые отношения с Европой и мобилизация армии, предвещавшая войну, отразились критически на нашей внутренней промышленности. Хозяева мастерских сократили производство и выгоняли рабочих. Без денег, без крова ходили десятки рабочих по деревням, за кусок хлеба предлагая работу. Скоро у Соловьева вышли последние деньги, и он очутился с горемыками в одном положении. Голод, холод, ночлеги в зимнюю пору в пустых сараях и нетопленных избах на грязной сырой соломе, сблизили его с этим страдающим людом, но и скоро расстроили его здоровье. Прошли два-три месяца как он уехал из Петербурга, и от него получено было письмо. Он яркими

красками описывал положение бедняков, говорил о своих лишениях, передавал, что все это родило в нем страстное желание отдать всю свою душу делу облегчения страданий народных. Стихии суровой нашей зимы сломили его наконец. Однажды в метель еле брел он по занесенному проселку, тело ломал озноб, горячечное состояние туманило голову, сил не хватало, и он упал в снег в полном бесчувствии. Проезжий мужичок подобрал его и свез в ближайшее село, где он пролежал две недели в сильной горячке. С большими трудами он выбился из этого критического положения и добрался до Петербурга в начале 1877 года. В это время я с ним опять несколько раз встречался. Тут он сошелся с одной группой народников и отправился с ней, кажется, в Самарскую губернию. С Соловьевым за эти два раза я довольно хорошо познакомился, но тесных дружеских отношений у меня с ним не было.

Кстати упомяну о другом моем знакомом о Сентянине. Возвращаясь в августе 1876 года в С.-Петербург, я с ним опять встретился. Он продолжал состоять слушателем в Горном институте до весны 1877 года, когда уехал на родину с целью начать практическую работу в народе. Он поступил каким-то простым рабочим на южной шахотной дороге, а потом, кажется, сталкивался с нашими углекопами. Но с отъезда его из Петербурга я с ним встречался редко и случайно, а в 1878 году он был арестован в Харькове, обвинялся как секретарь Исполнительного Комитета и по нескольким другим делам. В 1879 году он содержался в С.-Петербургской крепости и умер от чахотки. Это был человек чрезвычайно живой и впечатлительный. От матери, француженки, он унаследовал быстрый ум, нервность и блестящий юмор, но не дала ему судьба пожить, он умер 22 или 23 лет.

Опыт привел к перемене программы, он принес много пользы движению, получившему теперь более реальный, народный характер; но чего он стоил и сколько разбитых жизней, сколько разлученных навсегда близких людей, мужей, оторванных от жен, детей от любимых родных, разделенных тесных друзей! Во многих городах не доставало одиночных помещений для заключения вновь прибывающих. То и дело доходили отрывочные известия о самоубийствах сидящих в тюрьмах самого ужасного характера, как например, зарезался стаканом, убил себя стулом, о помешательствах вследствие сильных нравственных потрясений и угроз со стороны ведущих дела политического характера. Все это не могло не отразиться на настроении партии. Не могли рассеять тяжелые чувства ни деловое оживление, ни приток новых сил и сочувствие, встречаемое, на каждом шагу. Страдания близких людей не давали покоя. А между тем по поводу всего этого молчит печать и общество. Представители печати знают и многие возмущаются, но печать молчания наложена им на уста. А общество, знает ли оно, что происходит в казематах родной страны, знает ли, кого так усиленно подавляет власть? Конечно, нет. До него доходят отрывочные слухи о ловле каких-то кровожадных

демагогов-революционеров, да иногда оно видит рыдающих отцов и матерей, лишенных детей, замешанных в какой-то политической истории. Вот и все. А истину, жаждущую света, тщательно прячут те, против кого она. Переносить страдания близких людей из года в год молчаливо, в то время, когда других людей, тоже обездоленных, зовешь на борьбу с виновниками всякого зла, нет,—это кроме того, что тяжело, это безнравственно. Человек, любящий свободу, не должен переносить безответно лишения этого священного дара другого человека. Надо открыть святую истину миру, показать, как и за что борются те, которых преследует правительство.

Такие чувства волновали партию осенью 1876 года. Многим приходило в голову воспользоваться каким-нибудь случаем и открыто, всенародно, не взирая на последствия, излить свои чувства и мысли, раскрыть ту правду, за которую явилось столько страдальцев. Являлись желающие произнести в каком-нибудь общественном людном месте речь, открывающую глаза обществу. Но очевидно это не достигло бы цели: агенты власти прервали бы речь в самом начале. Несколько других проектов, также не выдержали критики. Чувства просились в наружу,—недоставало удобного случая их высказать. К этому времени, т.-е. в октябре месяце, когда народническая программа начала определяться, сложилась и первая основная группа исповедующих ее. В группу вошли более выдающиеся из прежних кружков и многие отдельно до той поры стоявшие люди, так что у ней оказалось много практического дела, притекшего к ней вместе с личным ее составом. Особенно широки были связи с петербургскими рабочими и молодежью. Эта группа, собравшая все лучшие силы, отражала чувства партии, потому организовать и направить их было ее делом.

Казанская демонстрация была мыслью группы народников и первым ее практическим шагом. Она смотрела на такой факт, как на естественный и целесообразный поступок всех способных решительно протестовать против подавляющего насилия. Это, по ее мнению, была пропаганда действием, влияние которой чрезвычайно сильно и широко. Для идущих на площадь,—это случай проверить свои чувства и воспитать в себе привычку мирить слово с делом. Как воспитательное средство, оно должно быть применено к возможно большему числу лиц и потому на демонстрацию были приглашены все существующие партии лица из интеллигенции и рабочих. Последствий инициаторы предвидеть не могли, так как все зависело от массы случайных обстоятельств, а от правительства они конечно ласки не ждали.

6 декабря на Казанской площади было поднято знамя „Земли и Воли“ и уже известно, как встретило этот новый лозунг правительство. Несколько сот лет каторги и миллионы слов раболепной печатной брани обрушились на головы жертв, но и официальное судебное слово дало обществу некоторое понятие о людях, погибающих в борьбе за народ.

Другое дело, совпадавшее с казанским процессом, дело пятидесяти имело еще большее влияние на общество. В нем выступили на сцену люди, которых только можно сравнить с первыми христианскими мучениками. Это были пропагандисты чистого социализма, проповедники любви, равенства и братства, главных принципов христианской коммуны. Но правительство и их не пощадило.

С болью в сердце перенесли мы эти процессы. Но время подвигалось к весне, и нужно было думать о начале работы в народе.

Составился следующий план деятельности, на основании исторических соображений и личного опыта. Районом деятельности избиралось Поволжье, как главный водный путь, соединяющий почти всю Россию, а потому наиболее бойкое место. Южная часть Поволжья, начиная от Симбирской губернии особенно останавливала на себе взоры народников. Она—колыбель главных народных движений, кормилица понизовой вольницы, этих исторических русских революционеров. Она пристанище гонимых за веру и ищущих привольной жизни. Она гораздо меньше испытала на себе гнет крепостного права, и народ населяющий ее отличается самобытностью и любовью к свободе. Среди него еще живы традиции движения Пугачева, а в Симбирской губернии крестьяне более чем в других местах протестовали восстаниями против введении воли 1861 года. С двух сторон к этой части Поволжья примыкают казачество Донское и Уральское, оба недовольные и протестующие, оба представляющие военную силу. С юга Астрахань, по мнению некоторых согласий раскола будущая столица Царства Правды, и Ростов, собирающие до сей поры многие тысячи пришлого люда. С северо-востока уральские заводы, где Пугачев лил пушки. Имелось в виду связать организацией все эти местности, везде завести сношения и основать поселения и приступить таким образом к выполнению серьезного и широкого плана.

В марте месяце 1877 года я отправился на Волгу. Меня особенно интересовала жизнь раскола, с которой я теоретически познакомился в литературе. Казалось, она скрывала богатые силы народного духа, много верных мыслей в оценке существующего строя и сильную сплоченность, дающую представление о расколе, как о совершенно самостоятельном организме среди государственной системы. Согласие Странников или Бегунов более всего приближалось по характеру своих адептов и учению, по резкости протеста, к типу народно-религиозных революционеров. Встреча с ними представлялась чрезвычайно заманчивой. Но где их розыщешь? Где встретишь? Тем более они такие конспираторы, так разборчивы при встречах с новыми людьми. Они требуют от испытуемого много лет самой фанатической жизни, которую я, конечно, бы не вынес. Как подступишь к этой незнакомой области, на каком языке заговорить с людьми столь оригинального мировоззрения. Все это представлялось мне большими трудностями, о которых я помышлял с некоторым страхом.

Весенняя грязь сделала непроходимым большой приволжский город, в который я попал из Петербурга и мешала скоро ознакомиться с ним. Я приехал сюда мещанином и потому устроился сообразно с этим, в бедной части города, где тоже исключительно жили мещане, мелкие торговцы и ремесленники. За полтора рубля в месяц я приютился у одного сапожника, который мне уступил свою семейную кровать с пологом, а сам с семьей размещался в той же комнате на полу. Так я жил с месяц. Между тем время близилось к пасхе, весеннее солнце пригревало, и высыхающие постепенно улицы давали мне возможность пробивать себе дорогу к сближению с местным населением. Я не думал долго оставаться в городе, но считал необходимым первоначально познакомиться с ним, его нравами и обычаями, собрать здесь сведения об округе и, ориентировавшись таким образом, сначала в местном центре, двинуться дальше уже более или менее знакомым с общими условиями губернии.

Прошу зачеркнутому и сверхунадписанному верить и прекратить дачу показаний, так как они велись от 11 часов утра до 12 часов ночи.

4 января [1]). Большую часть весенних дней я проводил на улицах, базарах, на Волге, в трактирах за чаепитием. Везде присматривался, прислушивался к говору суетящегося люда, заговаривал с более интересными личностями и расспрашивал о предметах, останавливающих мое внимание. Себя я выдавал за московского приказчика по хлебной или земляной части, приехавшего, вследствие остановки торговли по случаю войны, искать счастья на Волге-матушке. Это было сообразно с обстоятельствами, и мне верили, а для меня это было выгодно еще и потому, что я действительно хотел занять место приказчика в промышленном или торговом деле не требующем особых знаний и опыта, так, например, на степных земельных участках, соляном и рыбном промысле. Такая жизнь в месяц или два дала мне богатый запас местных сведений и сделала из меня неузнаваемого волжского мещанина, которым я и был по паспорту. Язык, манеру, привычки населения усвоил тоже в самое короткое время, постоянно наблюдая и переделывая себя. О местных староверах я также получил некоторое понятие. Город в этом отношении представлял очень много интересного. В нем были братства чуть не всех существующих согласий. Здесь можно было познакомиться с Поморским (Андреевым), Филипповым, Федосеевым, Спасовым, Скопческим, Бело-Криницким (Австрийским) или Поповским, Единоверческим, Молоканским и, наконец, с самым желательным, Страническим или, как его тут называют, Подпольным вероучением. Все братства вышеупомянутых согласий имеют здесь свои „моленныя“, наставников, капиталистов-заступников и большее или меньшее число братии. Случай столкнул меня с одним из согласий. Первая нанятая квартира не пришлась мне по вкусу: в ней было тесно, душно, постоянно

[1]) То же дело, лл. 162—168 об.; протокол № 65.

на глазах у хозяина, человека недоброго и грубого семьянина. А между тем хотелось иногда и почитать что-нибудь и уединиться, отдохнуть от напряженной работы над самим собой. Это побудило искать отдельную комнатку, что мне удалось сделать, и за три рубля в месяц я устроился в отделенной перегородкой каморке. Очень скоро в своей хозяйке я стал замечать многие привычки и обычаи, обнаруживающие в ней староверку, и постарался о сближении с ней. Разговоры с ней делались все более и более задушевными, она видела во мне богобоязливого и трезвой, скромной жизни человека и не прочь была склонять в свою веру, а мне это помогло узнать обычаи и обряды ежедневной жизни, знание которых открывало дверь в их мир. Вследствие этого она нашла во мне очень внимательного слушателя и податливого собеседника. Со многими ее житейскими мыслями я по душе вполне соглашался, а к остальному прислушивался и запоминал. Из ее рассказов узнал, в каких местах губернии распространено то или другое учение, какие обрядовые особенности различных согласий и отношение к „российским“ или „мирским“, т.-е. к православным, какое представление об антихристе, о втором пришествии и о других вопросах, имеющих отношение к общественному положению России. Она, впрочем, сама была не из особенно сведующих, но обрядовыми своими сведениями она оказалась мне очень полезной. Ее молитвенные книги и несколько цветничков также дали мне некоторую эрудицию. Не могу не упомянуть об одном рукописном документе, висевшем у ней на стене у образов, вделанном в рамку. Это был ряд афоризмов, носивший заглавие: „Известия новейших времен“, а далее отдельные мысли, характеризующие очень метко существующий порядок. К сожалению, я не запомнил их всех, но некоторые по остроумию своему буквально засели мне в голову. Вот они: „Благодать на небо взята“... „Любовь убита“... „Правда из света выехала“... „Кротость таскается по лугу“... „Правосудие в бегах“... „Кредит обанкрутился“... „Невинность под судом“... „Ум-разум в каторжной работе“... „Закон лишен прав состояния“... А в конце значится: „Терпение осталось одно, да и то скоро лопнет“. Я не знаю их происхождения, но хозяйка сказала, что это выписано из одной духовной книги, и что это пророчество о последнем времени. Подробно развиваемые ею взгляды вполне совпадали с этими мыслями. Не может быть лучшей характеристики мнений всех беспоповщинских согласий, и в этом смысле вышеупомянутый документ имеет большой интерес. К маю или июню месяцу я имел достаточную подготовку для того, чтобы двинуться в губернию, с целью нахождения удобных пунктов поселений и мест для деятельности себе и нескольким своим товарищам, которые к этому времени приехали в тот же город. Собравши свои небогатые пожитки в мешок, отправился я то пешком, то подъезжая за несколько копеек с попутно едущими, из села к селу, из деревни в деревню. Сообразно местным условиям, мне приходилось разыгры-

вать разные роли,—где нужда была в лавке, я являлся лавочником, расспрашивал об условиях торговли и приговоре общества, осматривал помещения для заведения; где сдавалась в наем водяная мельница, шел смотреть ее, узнавал цену, число лет аренды; где нужен был писарь, - я предлагал свои услуги и вступал в сношения с старшиной и влиятельными стариками; где нуждались в кузнице, узнавал стоимость постройки мастерской и доходность этого ремесла; собирал сведения также и о других ремеслах, о постоялых дворах, об арендах земель и т. п. предприятиях. Таким образом я достигнул двух целей,—во-первых, меня, как человека нужного, встречали во многих местах чуть не с распростертыми объятиями, наперерыв знакомились, зазывали к себе и давали мне самые подробные, а иногда и секретные сведения о сельской жизни, интригах местного начальства, влиянии различных сельских партий, об экономическом положении населения, одним словом о всем, что меня интересовало. И моя любопытность им не казалась странной, так как практичный человек не поселится в неизвестном месте, прежде чем не узнает всей подноготной. Я сталкивался с самыми различными типами, самыми противоположными интересами, наблюдал жизнь со всеми ее страстями и борьбой. Одни набрасывались на меня, как на человека с капиталом, от которого можно будет ожидать помощи в дни нужды, или тянуть безгрешные, но и беззаконные доходы, доступные даже маленькую власть имущему сельскому начальству. Другие, видели во мне орудие, посылаемое провидением, для целей их личных или их партии. Третьи смотрели на меня просто, как на человека, полезного их селу или деревне, и потому считали нужным приласкать и помочь. Наконец, там, где я встречался со староверами, я ел и пил из своей собственной посуды, „знаменовался старым крестом“, а не „щепотью“, не был „табачником и бритоусом“ и был ими принимаем за человека „по вере“, а потому возбуждал некоторое сочувствие и любопытство: „не по братии ли он“. Такое отношение давало мне очень много знакомств и связей и ставило меня в положение человека, для своих начинаний владеющего местностью. С другой стороны, это путешествие дало мне возможность рекомендовать некоторым товарищам подходящие места поселения. Все лето и осень, за исключением двух-трех недель поездки в Москву, для отбытия ополченской повинности и домой, я провел в такого рода путешествиях. Несколько уездов губернии и Волга на пространстве многих сотен верст стали мне хорошо известны. Бродячая жизнь дала много интересных столкновений, она открыла мне мир, о существовании которого не легко составить даже приблизительное понятие, живя в городах жизнью нашего привилегированного класса. Она открыла мне душу народа, ее сокровенные движения и мотивы, не показывающиеся на поверхности официального течения русской жизни иначе, как уже в искаженных государственной системой формах, иногда поражающих взор своей уродливостью и бесчеловечностью, но в источнике своем

эти движения души народной в большинстве случаев удивляли меня глубиной и искренностью.

Выхвачу из своих дорожных воспоминаний несколько случайных встреч, характеризующих направление более глубокого чувства и мысли народной.

В летние сумерки я подходил к одному селу; оно уже было видно на возвышенности, заканчивающей луг, по которому я шел. Я сделал в этот день верст сорок и медленно подвигался вперед. Меня перегоняли крестьяне, возвращавшиеся с работ домой. Под самым селом поравнялся со мной мужичок верхом. Он двигался медленно, и потому я обратился к нему с вопросом, желая узнать, в какой части села расположены постоялые дворы; он ответил, и мы продолжали двигаться вместе. Завязался разговор. Я знал, что в этом селе есть „бегуны", а потому на некоторые двухсмысленные вопросы я дал спутнику понять, что я о верах имею понятие. Это очевидно его заинтересовало, и он пригласил к себе ночевать. Поужинали мы отдельно: его семья за одним столом, я на лавке со своей посудой, а молиться ушел на двор. После ужина при лунном свете, проникавшем в избу, возобновился разговор и скоро предметом его стал вопрос о правой вере. Я назвал себя Поморским Андреевского согласия, к которому принадлежала моя городская хозяйка и с которым я поэтому был более знаком. Он относился критически к этому согласию. Не буду передавать наших споров, в которых принимала участие и его жена, оба они вели себя так страстно, что я, пораженный их речью, слушал безмолвно и долго. Они меня убеждали в том, что нет правой веры на земле, что все какие существуют, и староверческие и православная, все это лицемерие и обряд без любви и веры к богу. Есть вера и любовь у немногих в сердце, но они рассеяны по лицу земли. „Мы прошли,—говорили они,—все веры, мы 20 лет искали правой и не нашли, нет ее, и вот на старости лет пристали опять к „российским", если нет истинной, так из чего же отходить от всех, так по крайности спокойней". „Я выгнал попа и сам крестил своих старших детей. Он приехал в другой раз крестить с начальством, на тройках, с колокольчиками, но я опять не дал, я вырвал у попа из рук сына и сказал, что пусть он умрет, а не допущу крестин. После того долго меня тягали в волость и что было, теперь и вспоминать не приходится. Уже теперь этому сыну, он у меня старший, минуло 24 года, женат уже несколько лет. А в те-то поры мы только что отстали от российских, вот поп и приставал". Затем он рассказал следующую свою биографию. Двадцать пять лет назад старичок из соседнего села стал учить их, что по-христиански не так нужно жить, как теперь люди живут. Что Христос указал жить братством, чтобы не было это моим, а то твоим, а чтобы все было общее: жить, работать, есть, пить, молиться, все нужно делать одной семьей. Проповедь эта, подкрепленная евангельским словом, сильно подействовала на них и на несколько других

семейств их односельчан, и решили они последовать указаниям старика. Переселились в несколько смежных изб, снесли все свое имущество, весь хлеб, согнали скот, лишнее продали и деньги внесли братству. Они вместе пахали поле и работали, продуктами труда пользовались сообща, не деля между собой. Ежедневно они сходились на общую молитву и в ней проводили все свободное время. Дети их проводили большую часть времени в школе, которою правил тот же старик со своими взрослыми дочерью и сыном. Детям очень трудно было переносить школьную систему старика. Он смотрел на них, как на взрослых, и требовал от них такого же поста, молитвы и бдения. Жилось хорошо и дружно, но дети страдали сильно. Матери стали замечать, что они чахнут. Заговорило горячее материнское чувство и разрушило мир,—старик не уступал, матери бунтовали, и, просуществовав более года, братство распалось. Неуместный аскетизм старика разрушил его собственное дело. Но призадумайтесь, служители золотого тельца, обратите внимание на бедный голодный люд, среди которого воспитываются и крепнут столь искренние, цельные натуры. На другой день, вглядевшись в рассказчика, я был очарован его серыми, полными мысли глазами, его открытым, широким лбом. Мне приходилось встречать много интелигентных людей, но не помню я более выразительного лица. Дальнейшая его жизнь представляла переход из одного согласия в другое. Он к ним относился очень строго, идеально и потому рано или поздно разочаровывался, а после 20 лет исканий, утомленный и обремененный семьей, он включил и свою жизнь в общее русло.

В другой раз в полдень зашел я в одну деревню отдохнуть и поесть. Улица была пуста. Все обитатели деревни были в поле. Наткнулся я только на одного грязно-одетого мужичка и спросил у него, куда можно зайти. Он оглядел меня искоса и ответил, что „можно зайти куда хочешь, а то пойдем ко мне". „У меня-то коровенки нет, да жена сбегает к соседу, у него молоко завсегда есть". Мы пошли к нему. По дороге он стал меня расспрашивать, что я за человек, чем занимаюсь и т. д., и узнавши, что я городской и ищу места торговли, предложил открыть лавочку в этой деревне, расхваливал место и тракт и обещал выхлопотать приговор задешево, так как имеющимся в деревне торговцем общество недовольно и с охотой пустит другого еще. Я согласился. Тогда он мне предложил отдохнувши отправиться в кабак, там кой с кем можно будет поговорить, „к тому времени с поля станут возвращаться, сейчас сход соберем и дело живой рукой сладим". „Ты на меня не смотри, что я голытьба, а меня всякий богач боится, потому у меня такой характер, что я никому не стерплю. Если что неправдой или обидой нашего брата кто посмеет тронуть... и за голову свою не отвечу". Не хотелось мне итти в кабак, но пришлось. Там мы попали на разговор о пришедшей в волость бумаге, в которой объявлялось крестьянам, что они должны миром содержать семейства бессрочно отпускных, при-

званных на службу или раненых ополченцев, теперь хорошо не помню. Мой спутник был чрезвычайно возмущен этой новой повинностью. Не стесняясь присутствовавшим народом, он начал ругать правительство. „Мало им еще, окаянным, податей, что с жилами тянут, мало им солдат. Калек да нищих вот вам еще на содержание. Благодарим покорно, батюшка! То-то недаром слух идет, что скоро возмущение будет. Да и надо быть!“ Я внимательно следил за ним и видел, как он в конце заскрежетал зубами. В кабаке было около десятка человек, но ни они, ни сам кабатчик не возразили ни слова. Возвращаясь из этой деревни, я в ней же нанял мужичка свезти меня до города. Дорогой мы разговорились, и я стал расспрашивать нет ли в их местах староверов. Потом перешли к земле, и, охарактеризовав свое бедственное положение, он стал утешать себя совершенно неожиданными пророчествами. „Да, скоро даст бог, лучше станет. В 1881 году придет опять год Пугача“. „Какой год Пугача?“ „А такой, всех бар до корня истреблять будут, как Пугачев вешал, топил. Вот давеча мы речонку переезжали, ты спрашивал, как зовется, в ней-то он в свое время сколько перетопил. Деды помнят. Его-то самого не видали, а начальники его езжали. И настанет большое смущение, истребится много народу, и станет из семи городов один город, из семи сел одно село, и освободится земли много и кто останется на то время, жить тому будет привольно“. „Откуда же ты все это знаешь?“ — „Как откуда, старики говорят, что будет это беспременно, в пророческой книге так и написано; у старика и книга эта есть“. Большой интерес во мне возбудила эта книга, но не пришлось ее встретить.

Война была в самом разгаре, когда я возвратился из одного из своих путешествий в город, чтобы пожить несколько дней, отдохнуть и повидаться с некоторыми из своих товарищей. Один из них рассказал следующий случай, которого он на-днях сам был свидетелем. Он сидел в летний вечер под окном своей комнаты и смотрел на двор, где оканчивалась работа по постройке. Ломовой извозчик, привезший и сложивший кирпич, о чем-то горячо рассуждал с рабочими и несколькими вокруг него стоявшими бабами, полными внимания. До него долетела следующая проповедь извозчика: „И победит белый царь турок и возьмет в плен их войска и крепи их обложет. Но не на доброе будет ему сие. Возмутится против него народ его и прогонит его из своей земли. И убежит он к врагу своему султану турецкому, и тот примет его под свою защиту. И настанет тогда царство правды на земле. Изберет народ себе царя доброго, предоброго, и даст царь народу своему землю и деньги“ и т. д. Слова эти погрузили несколько слушавших человек в мечтательную задумчивость.

В то время часто приходилось слышать в городах и селах, что приходили нищие и говорили, что „скоро настанет время, прольется кровь и будут делить землю“. Кто на пространстве земли русской

сеет в народе такие мысли, родит такие слухи? Ужели влияние партии и ее деятелей так сильно? А что такое настроение народа факт,—это подтвердил и г. бывший министр внутренних дел Маков. Не могу по недостатку времени приводить многие десятки случаев, подобных вышеприведенным. Их не исчерпаешь, а для характеристики довольно и этого.

Осенью 1877 года поселился я учителем в одной приволжской деревеньке у Спасовцев. Роль учителя была следующая: нужно было учить детей по славянской азбуке читать, потом пройти псалтырь так, чтобы мальчик мог по нем молиться и, кроме того, научить писать по-граждански. Роль немудрая, но тяжелая. Для школы и жизни мне была отведена, построенная на задах деревни, землянка, вырытая в откосе и смотревшая окнами в овраг, поросший кустами и занесенный уже снегом. Изо дня в день потянулась утомительная школьная работа часов от 9 или 10 утра и до 4—5 вечера с полуторачасовым промежутком для обеда. Мне удалось приложить звуковую систему, и занятия шли очень успешно. Родители, привыкшие к учению отставных солдат, были удивлены быстроте приобретения азбучных знаний и разнесли хорошую славу обо мне по округу. Наряду с этим, я сближался и с братией согласия Спасовцев. С самого начала они заметили во мне интерес к религиозным вопросам и обычаи, обличающие во мне человека, принадлежащего к какому-нибудь согласию. Сразу и ближе других я сошелся с их наставником, человеком очень симпатичным, духовно развитым гораздо более, чем его окружающие. Я своими мыслями тоже его очень заинтересовал, и мы все свободное время проводили вместе, читая духовные книги и рассуждая о самых разнообразных вопросах, исходя постоянно из общих положений раскола. Он пользовался большим влиянием в местности и отправлял должность попа для разбросанных по ней Спасовых братств. Он был вернейшим выразителем направления и настроения согласия. С его взглядами познакомился я очень близко, но имел беседы и со многими другими. Мировоззрение их таково: мир объят духом антихриста. Воплощение его чувственно есть царь. Служители и средства его—чиновники и государственная система. Этим он побеждает души человеков, полные житейских желаний и потому не могущие бороться. Побежденных он заставляет молиться себе, как главному со времени Петра первого, начальнику церкви, служить ему и приносить жертвы, из них воинская повинность—жертва кровию, самая тяжкая. Но „животолюбия ради“ Спасовцы бороться с ними открыто не могут и передают себя благости Христа Спаса и его невидимому руководству. Так как благодать истреблена, а хиротония пресеклась, то и таинство совершаемо быть не может, кроме крещения, доступного совершению простыми мирянами. Система антихриста делается все более и более строгой и тесной; она все сильнее обхватывает железными жилами душу и тело человека. Но антихрист дает теперь, согласно пророчеству, „малое время тишины“. Для людей

желающих высшего крещения, есть крещение кровию своею, т.-е. мученичество. Много интересного и своеобразного представляет этот мир. Целые уезды и губернии связываются наставниками, странниками и съездами, устраиваемыми для решения разных религиозных вопросов. Попавши в него, чувствуешь себя в другом государстве, сплоченном, имеющим свой закон веры и общежития, свои обычаи и понятия. Для него существуют строгие границы и то что за нею— враждебно ему. Совершенно понятно, почему староверы так охотно приставали к Пугачеву. Они и ранее его вели борьбу с государством и теперь продолжают ее. В духовном отношении мир раскола стоит гораздо выше нашего крестьянства. Среди него легко поднимать вопросы нравственного характера, и почва для них будет самая благодатная. Я чувствовал, что здесь можно много будет сделать, но нужно было для успеха привлечь к этому делу больше действующих. Являлись в голове планы создать народно-революционную религию, основанием которой служили бы главные народные требования и общие старо-народные верования. Такое сочетание, оживленное крупным созидающим талантом, дало бы этому учению силу и увлекательность, не знающую препятствий, и мир опять узрел бы искупление через веру. В расколе я проверил свои знания по религиозным вопросам, и они оказались слабы. Для положительного влияния нужно было еще поучиться и почитать, приобресть более богатую эрудицию, но к расколу я уже имел много ходов. В городах по Волге, в Москве и в других местах России у меня были знакомые или рекомендации. Наступила весна 1878 года, занятия по школе приходили к концу. Сделав первый шаг к сближению с расколом, я считал нужным ко второму приступить более подготовившись и уже не одному, а с охотниками действовать в этом направлении; я же со своей стороны мог им дать возможность, поделившись своими сведениями, избежать ту черную работу, тяжесть которой я на себе испытал. Эти соображения побудили меня к поездке в Петербург. Спасовцы, как родители детей, обучавшихся в школе, так и другие, особенно наставник, упрашивал остаться и давали келью для постоянной жизни с ними. Я ушел от них в середине марта и унес с собою несколько книг-цветников, данных ими и заработанные за зиму 17 рублей.

5 января [1]). Из народа я уносил много приятных заключений. Хотя препятствий для деятельности встречалось много и потому нужно было ожидать трудную работу впереди, но сам народ по своим ожиданиям и натуре подкрепил во мне убеждение в верности програмных положений.

Петербург в это время представлял много интересного.

Еще в то время, когда разнеслась весть об истязании Боголюбова, не в одном зародилось желание мстить за оскорбленное, поруганное человеческое достоинство. Потому выстрел Засулич был

---

[1]) То же дело, лл. 169—172 об.; протокол № 66.

вполне естественным следствием настроения партии. Не она, другой, не другой, третий, а бессмысленная жестокость правительственного агента не прошла бы ему даром. В то время партия под влиянием тюремных драм, безжалостных приговоров, всевозможных преследований, стала чаще обращать гневные взоры на правительство. До той поры, в подготовительной работе, эта сила как-то игнорировалась; ее всякий ненавидел, презирал, но борьба с ней тотчас и непосредственно не считалась насущно необходимой. Всех привлекала созидательная работа, в которой оживотворялись идеалы и получали реальные формы заветные мысли. Правительство обходили для того, чтобы, заручившись союзниками, народом и обществом, ударить общей силой и разбить бездушного великана. Думали, что оно не представит препятствия успешному расширению партии и работе в народе. Но чем более жертв уносила эта темная сила, тем более зрела мысль отпора и защиты от ее цепких лап. В серьезном поступке первая Вера Засулич заявила это вновь определившееся настроение партии. Она была героем дня, и ее дело волновало партию и даже общество сильнее, чем какое-либо другое. Я приехал в Москву, когда газеты принесли оправдательный приговор. Но через несколько дней прибывши в Петербург, услышал о событии, омрачившем это радостное обстоятельство. На проводах оправданной Веры, спасших ее от арестования, был убит или, как говорит официальное следствие, застрелился Сидорацкий, оправданный по процессу 193. Он стрелял по жандармам, предполагая в них желание арестовать Засулич; за этот чистый порыв он отдал свою жизнь. Возбужденность настроения, следствие этих двух событий, выразилась в панихиде по убитом, бывшей во Владимирской церкви 7 марта, где собралось несколько сот человек. У собравшихся было желание заявить сочувствие суду присяжных, привет его независимому приговору и порицание администрации, своим вмешательством вызвавшей печальный факт. В речи, произнесенной на площади, после панихиды были развиты эти две мысли. Присутствовавшая полиция и спрятанные в ближайших домах ее резервы, однако не прибегли к насилию, и демонстранты разошлись спокойно, провожаемые толпой народа, ожидавшей чего-то необычайного. В Петербурге я стал посещать Публичную Библиотеку и занимался изучением древне-печатных книг, так, например, читал семитолковый апокалипсис и некоторые другие.

Известно, каким приговором окончился процесс 193. Долголетнее заключение большинства подсудимых и отсутствие серьезных обвинений привели самый суд Особого Присутствия Сената к ходатайству о смягчении всем подсудимым наказания в очень значительной степени. Усталые, ноющие груди нескольких десятков заключенных жаждали скорее вздохнуть, хотя сибирским, но все-таки более свободным воздухом; на это им давал право надеяться постоянный обычай царской власти всех стран пользоваться случаем ходатайства суда для проявления милости. Но исторический обычай мало значит в стране

собственных соображений власть имущих и, 11 или 12 человекам смягчение было не утверждено, приговор с десятками лет каторги получил силу, а центральные тюрьмы поглотили страдальцев. Все знали, чье это было дело. Как в официальных сферах, так и в обществе за одно утверждали, что протестовал против смягчения приговора Мезенцев. Да он сам и не скрывал своего мнения об этом десятке людей и на ходатайства некоторых лиц высказал его очень определенно и дал отказ, а родных с такими же просьбами, он встречал чрезвычайно грубо, отцам и матерям в лицо ругал их сыновей. Первым проявлением любви и уважения к осужденным была попытка нескольких отважных людей отбить Войнаральского, при проезде его в Ново-Борисоглебскую центральную тюрьму в нескольких верстах за Харьковом. Чувства негодования к шефу жандармов были сильны. На него смотрели, как на человека бессердечного и грубого, неимеющего человеческого достоинства и потому порицающего его в других, и, наконец, как на пользующегося приближенностью к царю для проявления грубого произвола. Неутверждение ходатайства, заключение в централки и ужасные условия содержания там, приведшие летом 1878 г. политических арестантов к попытке заморить себя голодом, все это побуждало партию отвечать на жестокости решительным отпором. Она приходила к убеждению о необходимости, на-ряду с деятельностью в народе и обществе, организовать силу, задачей которой была бы борьба с наиболее грубыми и вредными для партии проявлениями правительственной системы. Революционная среда в то время повсеместно не могла выносить уже суммы горечи, накопившейся за последние четыре-пять лет. И, действительно, страдания и жертвы партии в борьбе с правительством были велики. Они напрягли нервы до крайности, до сильного озлобления. В людях, до той поры чистых, полных любви к ближнему, неудержимо стремящихся к осуществлению идеи, чутких к человеческим страданиям, появилось тяжелое чувство мести, роковое сознание необходимости взяться за револьверы и кинжалы для защиты себя от врага, отвечающего на проповедь и книгу тюрьмою, каторгой, истязанием. Это был перелом, неизбежный для тех людей, которые вздумали действовать в России, мрачной стране произвола, живым словом, свободной мыслью. Но какие бы непреложные исторические законы ни обуславливали его, он все-таки создал много тяжелых моментов, не мало вызвал горьких чувств, и только всепоглощающая и всеосвещающая идея дала решимость и твердость итти по неизбежно намеченной силой обстоятельств дороге. 1878-й год по всем местам России ознаменовался этой новой фазой борьбы. Одни не хотели без бою итти в тюрьмы, унесшие уже столько жизней, другие отвечали кровавою местью на зверство, систематические мучения, оскорбление человеческого достоинства и самодурство, третьи карали измену. Начал действовать мировой закон, верный и в жизни обществ—действие равно и противоположно противодействию или давление вызывает равное

сопротивление. Этот закон, не принятый во внимание правительством, вызвал целый ряд ударов, направленных против него. От одного из этих ударов погиб Мезенцев.

Весной 1878 года программа народников приняла окончательную форму. Прошло более года ее существования, она была в некоторых своих частях проверена опытом; ее принимало все большее число людей. Несколько народнических групп действовало в приволжских губерниях, в земле Войска Донского, в Воронежской и Тамбовской губерниях и в других местах. Для направления и объединения деятелей, для пропаганды среди молодежи и обсуждения возникающих вопросов необходим был орган. Еще первая основанная группа народников в начале 1877 года озаботилась приобрести типографский станок, и это было легко сделать, так как заграничный путь чайковцев перешел ей по наследству. Летом, 1877 года, в Россию было доставлено два станка со всеми принадлежностями. Месяца через два появились издания „Русской Вольной Типографии“; эти издания принадлежали всецело народникам. Их типография приспособлена была к печатанию только брошюр, и из нее они стали появляться одна за другой. Для начала народникам важно было иметь агитационную литературу, чтобы, пользуясь всяким выдающимся фактом жизни, останавливать внимание общества и партии на таком или ином его значении, двигать на те или другие поступки и определившиеся течения мысли и чувства организовать в соответственном целям направлении. И эта литература исполнила свою роль. Она провозгласила мысль активной борьбы, столь соответственную исторической и психической жизни партии, она объяснила и оценила отдельные факты этой борьбы, она установила в партии большое единство действия и утвердила за народниками инициативу и руководительство. С первых дней существования представители этого направления поняли необходимость перенесения литературного органа из-за границы в Россию. Дело было, правда, трудное и новое. Странно было представить существование революционной типографии в Петербурге, центре правительственной силы, а еще более необычна была мысль издания серьезной газеты сколько-нибудь правильно. Начали с начала с более необходимого и легкого, с издания отдельных брошюр. Второй из привезенных станков был куплен народниками по просьбе одного кружка, желавшего издавать газету. Он соответствовал этому назначению. Когда Русская Вольная Типография окрепла и доказала возможность существования, выступила на сцену и другая типография. В ней стала печататься газета „Начало“. Эта газета по литературным своим силам и по положению ее издателей не могла быть органом партии. Кружок, руководивший ею, не претендовал на это и ясно выразил значение этой газеты ее названием. Номера „Начала“ выходили в продолжение первой половины 1878 года и прекратились в то время, когда организация народников на столько окрепла и расширилась, что была в состоянии приняться за

издание серьезного органа партии. „Началисты“, как пионеры, сознавали тоже необходимость соединения литературного дела с работой в народе и других сферах, что могла только сделать организация, имеющая наибольшее значение и влияние в партии, и они охотно передали свою типографию народникам. Перешедши в другие руки, она стала называться С.-Петербургской Вольной Типографией. Первым изданием ее была брошюра „Заживо погребенные“, вышедшая в конце августа 1878 года; в ней обрисовано было положение политических арестантов в центральных тюрьмах.

После этой брошюры в 20 числах октября появился первый номер „Земли и Воли“.

В начале июня 1878 года я уехал из С.-Петербурга в Москву. В петербургской Публичной Библиотеке я не мог получить рукописные раскольничьи книги, наиболее необходимые для моих занятий. В Москве же у меня были знакомства, могущие помочь мне в этом случае; кроме того, небезинтересно было поближе сойтись с местными радикалами и постараться склонить их к принятию народнической программы. Там я пробыл около двух месяцев, а в последних числах июля приехал обратно в С.-Петербург. Было время сильного возбуждения. 2 августа телеграф принес известие о смертной казни Ковальского и происшествии у здания суда во время объявления приговора, а 4 августа, как бы в ответ, был исполнен смертный приговор над Мезенцевым. Хотя эти два события, по всему вероятию, и не имели непосредственной связи, судя по краткости промежутка времени между ними, но совпадение увеличило значение каждого из них, усилило волнение обоих сторон. Последовал со стороны правительства ряд мер к обеспечению порядка. Силы полиции оказались недостаточны для предупреждения нападения со стороны радикалов; были призваны казаки и общество, надлежащими распоряжениями и обращениями в помощь ей, для борьбы с шайкой злоумышленников. Эта шайка объявлена была злейшим врагом, и на нее направлены были военные законы. Нашлись услужливые люди и газеты, подстрекнувшие известием о назначении цены за убийцу Мезенцева неразборчивые инстинкты наживы. Внешняя суровая сторона всего этого создала в обществе тревожное настроение, но до мира радикалов мало коснулась. Осенние погромы были делом случая, а не успешного преследования. Издание же органа „Земли и Воли“ шло своим чередом, несмотря и на эти погромы.

7 января [1]). Если по качеству деятельность III Отделения не выиграла со вступлением нового шефа, то количественные силы этого учреждения увеличились в несколько раз. Новый начальник очевидно решил держаться политики искоренения всего неблагонамеренного, понимая последнее слово в самом широком смысле. Так как шайка злоумышленников живет в мире неблагонамеренных, то при истребле-

---

[1]) То же дело, лл. 177—178 об.; протокол № 68.

нии этого мира погибнет и она. Но неблагонамеренная среда широка: это все студенчество, часть литераторов и адвокатов, молодые люди без определенных занятий и т. д. Чтобы охватить ее, надо гораздо более сил, чем имеется в руках III Отделения. Вследствие этого были увеличены его средства. И более всего прибыло „частных агентов“, их стало в несколько раз больше, пропорционально возросло „число донесений“, а потому и постановлений о производстве обысков. Студенчество, как нарочно, с осени 1878 года стало волноваться почти во всех университетских городах и этим обратило на себя еще большее внимание нового „censor morum“. Каждый шаг недовольного студенчества сопровождался обысками, арестами и административными высылками. Десятки людей очутились в северных и северо-восточных губерниях за найденную книжку, брошюру, за то, что физиономия была замечена где-нибудь на сходке, или за то, что присутствовал на какой-нибудь вечеринке, показавшейся подозрительной и потому арестованной. Под влиянием истребительного настроения правительства совершались избиения студентов, настолько жестокие и бесцельные, что изумляли и приводили в негодование даже притерпевшихся людей.

Осень 1878 г. и зима с 1878 на 1879 год были успешны для народников, действовавших между рабочими. Для этой работы организация имела особую группу людей. Она посвящала себя преимущественно этому делу и потому имела много связей и знакомств среди рабочих различных заводов и фабрик. Как известно уже, народники в этой сфере, кроме пропаганды, считали необходимым двигать рабочих на борьбу с хозяевами за свои насущные интересы. Борьба должна была дать рабочим единство и уяснить их положение, как сословия. Одно из главных средств борьбы признавалась стачка. Рабочая группа, пользуясь связями, наблюдала за настроением фабрик и заводов и не упускала случая протянуть руку помощи тем из них, где слишком нахальная эксплоатация вызывала сильное недовольство и открытый протест. В последнем случае она являлась обыкновенно непосредственно или чрез рабочих организатором сопротивления и бюро для сбора пожертвований в пользу стачечников, которым в России не от кого ожидать поддержки. Эта группа пользовалась услугами С.-Петербургской Вольной Типографии и потому могла публиковать требования рабочих, обобщать и расширять недовольство. В таком виде проявилась ее деятельность во время стачек зимой 1878—79 года на Новой Бумагопрядильне, на фабриках Шау, Максвеля и др. Хотя в стачках ничего опасного и революционного не было, но правительство, чувствуя в этом деле некоторое касательство радикалов, сочло нужным и здесь действовать истребительно. Жандармы, казаки, нагайки, розги для малолетних, высылки для взрослых — вот меры для развития в народе чувства гражданственности и духа законности. Многие десятки рабочих последовали туда же, где очутились и волнующиеся, избитые студенты, т.-е. на родину

и в северные губернии. Холодная окраина поглощала все, что хоть сколько-нибудь считалось неблагонамеренным. Однако, многим не жилось на севере, и вот стали один за другим бежать. Но и над этим правительство не задумалось и опубликовало известное постановление, что шаг ссыльного за черту города будет шагом в Якутскую область. Скачок чересчур велик, но кому до этого дело, кто, не испытавши, может себе представить, что значит молодому человеку, только что выхваченному из студенческой среды, попасть в Якутскую область? Это равносильно десяткам лет каторжной работы. Крутая мера не уменьшила побеги, а создала дело Бобохова, стрелявшего при арестовании во время побега, и много других прискорбных явлений.

Кто же виновен во всем этом? У кого можно спросить ответ за новую массу страданий, за преследование людей, виновных лишь только в том, что попали под сердитую руку, направленную против неуловимой шайки злоумышленников. Партия, перед глазами которой происходила травля, знала, кто должен за это ответить, чье имя санкционировало это истребительное направление: Исполнительный Комитет партии приговорил шефа жандармов Дрентельна к смерти. В марте была попытка привести его в исполнение. Неудачное покушение вызвало уже буквально поход против радикалов. Вспоминая те времена, тот белый террор, объясняешь легко все последующее. В ночь с 13 на 14 марта брали, кого только могли. Были составлены проскрипции из сотен лиц, находящихся почему-либо на замечании у III Отделения, и, руководясь ими, ходили из квартиры в квартиру, искали шайки и Мирского, а по случаю прихватывали всех попадающихся под руки. Тюрьмы быстро переполнились. В Литовском замке, куда обыкновенно не садят политических, их помещали уже в общие камеры по пяти и десяти человек. В одну из знаменательных ночей туда привезли от 12 часов до 6 часов утра 76 человек и большую часть из них рабочих. Бывали курьезные случаи, — арестованных водили из участка в участок, заставляли просиживать долгие часы в кухне у градоначальника и не знали куда девать. Несмотря на эти усилия искомого не находили. Народническая организация, руководившая работой во всех направлениях, имела местожительство вне среды „вифлиемских младенцев“.

8 января [1]): В продолжение осени 1878 года, зимы и весны 1879 года деятельность моя не носила какого-нибудь специального характера. Распространение издания „Земля и Воля“, пропаганда среди молодежи, исполнение многих отдельных дел организационного характера занимали все время. Происходящие на глазах события, преследование, страдания заключенных товарищей клали глубокие следы в моей душе. Несмотря на деятельную жизнь, какую мне приходилось вести, на разнообразие впечатлений, постоянно сжатое от боли

[1]) То же дело, лл. 183—185 об.; протокол № 69.

сердце, на целые дни и недели нагоняло угрюмое, тяжелое настроение. Кто не обладает глубоким чувством, кто не жил в среде гонимых за убеждения, тому непонятны те процессы души, которые объединяют все силы человека, все его существо в идее и дают ей неудержимое течение: человек делается ее воплощением и получает от нее величие и силу. Картины страданий людей, близких по вере, народности, родству или целям, вызывают и вызывали всегда такое душевное состояние, которое побуждало итти на самопожертвование не только единицы, но сотни и тысячи им близких. Когда я встретился в феврале 1879 года с Александром Константиновичем Соловьевым, тогда возвратившимся из Саратовской губернии, он был именно в таком настроении. На распросы о деятельности в народе он передавал много интересных впечатлений, рассказывал о влиянии, которое можно приобресть в том или другом положении, о своих отношениях к крестьянам, и все эти факты и мысли обнаруживали в нем веру в возможность работы в народе. Тон, каким он говорил, клал на предмет бесед отпечаток давнопрошедшего; по выражению глаз, улыбке и вообще всей физиономии его казалось, что то, о чем он говорил, было уже далеко и, что несмотря на светлый взгляд свой на прошлое, он не жалеет о нем. Первое свидание с ним задало вопрос, зачем же он прибыл в Петербург, оставил деревню, когда начал приобретать самое желательное положение? Мне сразу показалось, что он скрывает какую-то поглощающую его мысль. На первые мои вопросы, долго ли думает пробыть в Петербурге, он отвечал неопределенно и, в свою очередь, узнавал, кто есть здесь теперь из его знакомых, как идут дела, хвалил поступок с Мезенцевым, говорил, что это дело произвело на него в глуши, где он жил, отрадное впечатление, так что я заключил о полном его сочувствии активной борьбе с правительством. Я с ним продолжал видаться раза по два в неделю, он вел самые общие разговоры, присматривался к настроению своих знакомых и наблюдал. Так прошло недели две. Однажды, идя со мной по улице, когда я стал прощаться с ним, он обратился ко мне с вопросом, не могу ли я ему достать яду. Я осведомился какого и в каком количестве, но предупредил, что едва ли исполню его просьбу, так как не имею ходов для этого, но обещал спросить у некоторых своих знакомых. Он очевидно думал, что я спрошу у него зачем ему нужна эта вещь, и, ранее решившись сообщить мне о своей idée fixe, считал такой переход более естественным. Я же полагал в этом случае любопытство неуместным. Тогда он сам продолжил разговор, кратко очертил свое душевное настроение, взгляд на жизнь и закончил выражением своей твердой решимости покончить с царем. В дальнейших беседах он свое настроение мотивировал более всего тем благотворным влиянием, какое произведет такой факт на крестьян. Он не видел более могучего средства подвинуть вперед экономический кризис. Желания и ожидания везде самые определенные. Недовольство в народе самое

сильное. Не достает толчка, ощутительного для всей России. Народническую деятельность он считал полезной и полагал, что его поступок расширит и ускорит ее в очень значительной степени. Момента действия он не назначил, но видно было, что для него чем скорее, тем лучше. В то время у меня не созрел еще взгляд по этому важному вопросу; я не мог ни поддержать его намерения, ни отклонить. Близкая возможность такого факта заставляла часто задумываться над ним. Доверие Соловьева ко мне в этом случае я объясняю тем, что из старых его знакомых, более близких, никого не было. Когда приехал в С.-Петербург Квятковский, то и он узнал об этом, но как и через кого не знаю. После первого откровенного разговора прошло довольно много времени. Я продолжал видеться с Соловьевым, но не часто: правительственные преследования заставляли избегать посещения квартир, и мы встречались в общественных местах. Так прошло 13 марта и наступили для радикалов варфоломеевские ночи. До той поры Соловьев был спокоен и даже редко возвращался к заветной мысли; он как бы чего-то поджидал, но тут он стал выказывать нетерпение, ему казалось, что ждать больше нельзя, что нужно прекратить кровожадный пир правительства.

Приблизительно в это время приехал в С.-Петербург Григорий Гольденберг и стал разыскивать своих знакомых. С кем он прежде всего встретился не знаю, но через несколько дней он нашел. кажется, Зунделевича и сообщил о своем намерении стрелять в царя; потом он это же повторил и мне.

Таким образом, благодаря старым знакомствам сочетались эти два стремления. Я с Гольденбергом не встречался с июня 1876 года и не мог бы по старому впечатлению серьезно принять его заявление, но совершение им казни Крапоткина заставляло отнестись к нему иначе, и я счел своим долгом сказать Соловьеву о том, что на его подвиг явился новый претендент. Он, конечно, пожелал с ним видеться, на что согласился и Гольденберг. Вот причина нескольких собраний в трактирах. В решении вопроса Соловьевым и Гольденбергом—кому итти на смерть, были заинтересованы я и Квятковский, как люди более близкие Соловьеву, и Зунделевич и Кобылянский — более знакомые с Гольденбергом. За исключением Кобылянского, высказывали взгляды все; они касались значения цареубийства, как средства революционной борьбы, значения условий и личности совершающего в этом событии. Мысли наши не имели решающего значения для Соловьева и Гольденберга; они могли принять их во внимание, но и могли пропустить мимо ушей. Были затронуты очень важные вопросы в принципиальном, програмном смысле, а потому наши беседы затянулись на несколько собраний. На последнем собрании, перед тем как расходиться, наступило минутное молчание. Каждый обобщал сумму взглядов и мыслей, высказанных на этих собраниях. Мы ждали решающего слова исполнителей. Соловьев прервал, наконец, молчание следующими словами: „Итак, по всем сообра-

жениям я лучший исполнитель. Это дело должно быть исполнено мною, и я никому его не уступлю. Александр II должен быть моим". Решимостью звучал его голос, а на лице играла печальная, но добрая улыбка. Гольденберг почти не возражал. Он предложил итти вместе, но Соловьев отклонил. „Я справлюсь и сам, зачем же погибать двоим". Мы тоже не сказали ни слова. Да и что можно было сказать? Могли ли мы иметь решающий голос вместе с исполнителями? О, конечно, нет. Право голоса в таких случаях покупается только ценою самопожертвования, мы же к нему не были готовы. В это время идея борьбы с монархией слагалась в моей голове, но выступить с ней я еще не мог.

После решения Соловьева мы приняли меры для безопасности партии и организации. Под предлогом предполагающихся повальных обысков мы старались выпроводить нелегальных людей из Петербурга и подготовить остающихся. Таким образом тайна была сохранена до дня 2 апреля. Яд Соловьеву я достать не успел; он сам его добыл, но откуда, не знаю. Недели за две до 2 апреля, он с любопытством осмотрел мой револьвер, маленький бульдог, и возвратил его мне обратно. Где и когда достал он револьвер, которым стрелял в царя, не распрашивал у него и потому не знаю. Весь апрель я жил в Петербурге.

9 января[1]). 2 апреля, как факт, по месту, времени и исполнению было неожиданно для партии, но по настроению это событие принято было ею, как нечто, долженствовавшее случиться; все были заинтересованы, возбуждены, опечалены неудачей, но никто не был поражен самой попыткой. То, что партия вынесла за последнее время, атмосфера, созданная систематическими преследованиями, подсказывали ей неизбежность подобной катастрофы, являющейся волной страдания, хлынувшего через край. Настроение Соловьева, кроме логических мотивов, несомненно имело прямую связь с предшествующими событиями и с положением партии. Совершавшееся вокруг него, чувства и страсти момента отразились в нем как в более светлом зеркале и дали огненный луч. Но не суждено было ему пролить новый свет на жизнь.

5 апреля новые меры усмирения обрушились, но уже не на одних радикалов, а и на все русское общество и народ. Генерал-губернаторы, на правах сатрапов, обратили Россию в какую-то азиатскую страну. То, что за тем последовало, слишком ужасно; не хватило бы времени и чувства передавать все. Да и нет в том нужды. Борьба правительства с партией и с самым призраком ее стала открытой. Не стеснялись уже более публичности крайних мер. Петербург, Киев, Харьков, Одесса, Москва, десятки виселиц, многие сотни высланных, без числа обыски и аресты, тысячи провозимых домой по этапу за отсутствие письменных видов, десятки тысяч дворников и т. д. определили новое направление правительства.

---

[1]) То же дело, лл. 186—187 об.; протокол № 70.

Но оно же определило и новое направление партии. Те, которые уцелели, а их было довольно много, прозрели. Никогда так рельефно не выдвигалась событиями цель, как теперь. Еще ранее при усилении правительственных преследований партия, волей-неволей, должна была, в виду самозащиты, усиливать ряды отражающих нападение со стороны государства. Это происходило само собой, в виду жизненной необходимости. Правительство и борьба с ним, как с главным врагом, не выдвигались однако, как принцип. История движений, как и в этом случае, доказывает, что сила вещей ранее дает направление им, чем оно сознается руководителями и элементами движения. Последние меры сильно способствовали истинному уяснению соотношения между борящимися силами. В начале 70 годов выступили социалисты со своей теорией и понесли горячее слово проповеди в народ. Как бы ни крайни были их воззрения, но деятельность их была мирна и культурна. Красота идеала увлекала их всецело и не замечали они в жизни отрицательную силу, начало, противоположное им и их идее. С первого же шага оно стало отравлять их. Насколько животворно и полезно было им столкновение с действительностью, настолько смертоносно прикосновение этой силы. В увлечении они долго не замечали или игнорировали это. Прошло несколько лет. Результаты постепенного, усиляющегося отравления предстали наконец перед их глазами в закулисной стороне дела о пропаганде в 37 губерниях и вызвали ропот и негодование, но не изменили отношения к правительству. Социалисты только поняли реальное значение последнего и стали ловче уклоняться от него. Расширяющаяся деятельность давала новые жертвы и новые страдания, а преследования становились систематичнее. С этой поры стали сходиться противники. Социально-революционную партию влекла еще однако несознанная сила вещей. Созидающая работа в народе по прежнему манила всякого серьезного деятеля, и, отдавая себя временно тому или иному делу, направленному против правительства, он вместе с тем мечтал о деревне, и если ему удавалось выйти из неравной борьбы, он стремился туда. Так было в 1878 году. Истребительное направление, принятое Дрентельном с начала 1879 года, выдвигает уже силу, поставившую серьезной своей задачей борьбу с правительством. Именем Исполнительного Комитета совершается ряд деяний, которые однако не изменяют программы партии. Она развивается в „Земле и Воле“ последовательно до прекращения этого органа. Отдельные статьи в „Листках Земли и Воли“ указывают на важность момента для партии, на виселицы, призывают к мести и выставляют борьбу с правительством, как одно из главных средств. Эти статьи являются предвестниками нового направления. А в июне 1879 года определяется это направление на Липецком съезде. В нем главная задача — освобождение народа от правительства. Борьба с правительством обусловливает все остальное. Победа и народная воля должны венчать эту борьбу.

Прошло 8 лет, и мирные пропагандисты условиями деятельности были приведены к необходимости вступить в кровавый бой с правительством. Правительство препятствовало движению в народ, что привело его к неизбежной встрече лицом к лицу с партией, которая долголетней, тяжелой борьбой подготовлена к этому. Правительство грудью загородило путь в народ и сделало ее целью, которую менее всего желала иметь партия. Пусть не винят последнюю за кровавые средства. Великая идея освящает их, а гнет правительства вызывает их.

10 января[1]). В начале 1877 года Дмитрий Андреевич Лизогуб пристал к петербургской группе народников, в которой в то время находился уже и Валерьян Осинский. Здесь они встретились, познакомились и кажется потом подружились. Лизогуб не постоянно жил в Петербурге, а потому он встречался со своими новыми товарищами редко. Его отношения к ним до весны 1878 г. были более деловые, чем близкие.

В группе народников, как и в большинстве социально-революционных кружков, не было частной собственности. Новый член, входя в группу, делался всеми своими духовными и материальными силами и средствами собственностью компании и ее целей. Он приносил в жертву делу все свое личное, собственность, симпатии, дружбу, любовь и самую жизнь. Права группы по отношению к члену были неограниченны. Но чем шире была власть товарищей,— тем осторожнее и деликатнее они ею пользовались. Не допускались никакие личные счеты, соображения и мотивы; доверие одного к честности другого и присущее всем сознание собственного долга делало отношения прямыми и серьезными. Никогда группа, без крайней необходимости, не насиловала воли своего члена; он же со своей стороны не допускал повода к применению принудительной власти товарищей. Рассудком и убеждением определялось общественное мнение, которому все подчинялись добровольно и охотно. Со вступлением Лизогуба в компанию вопрос об его состоянии не поднимался. Раз ему стали известны принципы группы, ее дела и намерения, никто не считал нужным и деликатным вспоминать о деньгах, но несколько человек, лично близких к нему, знали и ранее положение, в котором находилось его имущество. Путем различных сделок и продажи, он хотел в четыре года перевести его на деньги. В то время ему бесспорно принадлежащего имущества было приблизительно на сумму около 120 тысяч, но получение денег за недвижимое следовало по срокам, увеличиваясь по сумме к 1881 году. В 1877 году получение было самое незначительное, в 1878 году тоже не больше, а потом увеличивалось в несколько раз. Весной 1878 года он сам заговорил о своем состоянии и передал положение дела контролю товарищей, но вести его продолжал сам.

Валерьян Андреевич Осинский, приставши к народникам, не долго действовал на севере. Летом 1877 года он уехал в Киев, и с этих

---

[1]) То же дело, лл. 188—189 об.; протокол № 71.

пор юг стал его постоянным местопребыванием; с Петербургом же он поддерживал сношения и служил таким образом для него связью с южными кружками. Лизогуб, часто бывая в Киеве и в своем имении в Черниговской губернии, имел возможность более сблизиться с Осинским. Особенно близки эти отношения стали в 1878 году летом, когда он свои денежные дела вел по преимуществу с Валерьяном. Осенью 1878 года Лизогуб был арестован в Одессе; поверенным его явился Дриго и продолжал, по желанию доверителя, сноситься с Осинским до ареста последнего. Зунделевич восстановил прерванные сношения с Дриго и передал их в середине мая мне. Для замены Зунделевича, я уехал в начале мая в Киев из С.-Петербурга и прибыл туда во время политических процессов. Я Киева не узнал. Не потому, чтобы он изменился по наружному виду зданий и улиц. Я никогда не видал города занятого неприятелем, но другого представления, чем то, которое я получил при въезде, я не могу себе составить о таком случае. Вокруг Военно-Окружного суда по крайней мере на полверсты местность совершенно пустынна. В местах, расположенных ближе к суду, через улицы протянуты веревки, оберегаемые часовыми и казаками. Вдоль по Бибиковскому бульвару казачьи пикеты, а в некоторых местах стоянки. По всему городу расхаживают патрули и разъезжает конница. Движения по улицам, вследствие неприятного настроения населения и летней жары, почти не заметно. Не верилось своим глазам, но действительность была на-лицо. Тяжелое, острое чувство возбуждали эти картины. В них была видна жажда устрашения и разнесения острием меча. И эта терроризация города из-за того, что может собраться кучка и могут произойти беспорядки. Боязнь и недоверие ко всему окружающему вызвало такие меры. 14 мая казнили Осинского и других. В этот день я выехал в Чернигов к Дриго в первый раз. Не буду говорить о том, как отразились казни на мне. Дальнейшая деятельность моя свидетельствует о том.

По первому впечатлению Дриго не понравился мне. Зунделевич его хвалил, называл честным и хорошим человеком; казалось, он должен был бы произвести и на меня хорошее впечатление, но этого не случилось. Тупое и несколько животное выражение лица не говорило в его пользу, а отношение к деньгам Лизогуба и ко мне в конец удивило. Он не сдерживал неудовольствия к нашему вмешательству в его дела. Он старался уверить, что напрасно мы хлопочем, что уже все сделано для обеспечения имущества но того, что сделал не говорил, желая, чтобы ему верили на слово. Эта манера так не к лицу честному человеку, что у меня невольно зародилось сомнение в его искренности. Я ему привез записки и распоряжения от Лизогуба, письмо Зунделевича и не доверять он мне не мог. В действиях мы его не стесняли, мы только являлись передатчиками распоряжений доверителя и как заинтересованная сторона, указывали на необходимость спешить окончанием ликвидации.

12 января[1]). Трудно было не видеть опасность положения, в котором находилось имущество Лизогуба. Для ликвидации и обеспечения всего имущества два-три месяца были слишком коротким сроком, и им следовало пользоваться, чтобы выручить как можно более. Надо было прибегнуть к различным мерам, ускоряющим и обеспечивающим ход дела. Ничего этого не делал Дриго. На него, как на человека чуждого партии, рассчитывать нельзя было, но тут, видя его равнодушие к интересам и заветным желаниям самого Лизогуба, приходилось сомневаться в нем, как в поверенном. Можно было предположить одно из двух: или он ничего не понимает в своем деле и потому легкомысленно манкирует, или его медлительность обусловливается темными личными расчетами. Многие собранные мною на стороне сведения, особенно рассказы крестьян, что он покупает лично себе имение довольно ценное, остановили меня на последнем предположении, и я стал говорить с ним серьезно и настойчиво. Пришлось заявить ему, что на основании записок Лизогуба и ему известных отношений последнего к партии, его имущество есть общественная собственность и что партия своих прав, согласно письменно выраженным желаниям Дмитрия Андреевича, не теряет, а потому никому не уступит. Это его несколько озадачило и рассердило, и он высказал свое мнение о том, что, как ведущий все своими усилиями, имеет некоторое право на имущество. При таком его отношении к воле Лизогуба трудно было рассчитывать на честное выполнение обязанностей поверенного. В последний мой приезд я имел в своих руках категорическое и последнее приказание Лизогуба, в котором было сказано, что если он, Дриго, не передаст состояния его, Лизогуба, таким-то лицам, то Лизогуб будет считать Дриго за человека воспользовавшегося доверием для похищения чужой собственности. Поведение Дриго пошатнуло доверие к нему Лизогуба, иначе он, мягкий и добрый, не решился бы на такое сильное средство. В этот раз встреча моя с Дриго несколько курьезна, а потому скажу о ней несколько слов. Я приехал в Чернигов 12 или 13 июля, остановился на почтовой станции и отправился на квартиру Дриго. Некоторые предшествовавшие обстоятельста заставляли меня быть осторожным, являясь к нему. Его я не застал дома; он был в Довжике, а так как мне нужно было видеться с ним непременно, то я расспрашивал подробно, как проехать к нему в имение. Мне рассказали дорогу, но предупредили, что он сам будет на днях здесь. Не желая ждать, я сказал, что поеду завтра к нему сам, но потом раздумал и не поехал. Это было вечером 13 числа, а 14 днем Дриго привезли арестованным в Чернигов. Совпадение было странно, но еще страннее то обстоятельство, что в тот же день его выпустили. Перед вечером, проходя мимо его квартиры, я встретил его, выходящим вместе с несколькими своими знакомыми. Он меня не заметил

[1]) То же дело, лл. 190—191 об.; протокол № 72.

и направился с компанией к валу на реке Десне. Я следовал за ним сзади и нагнал уже у реки. Поздоровавшись, он сказал, что имеет кой о чем поговорить, но что вследствие ареста к нему не удобно заходить, а что мы встретимся у одного его знакомого через час. Через час я был в назначенном месте и прождал его довольно долго, наконец он явился запыхавшись и сообщил, что приезжал к нему полициймейстер, спросил,—не было ли у него какого-нибудь приезжего господина и ускакал. Было ясно, что это относилось ко мне. Он объявил, что ему оставаться долго нельзя, что может приехать вновь полициймейстер и спросить, где он, а что через час можно будет встретиться где-нибудь на улице и окончить разговор. Мы назначили местом встречи площадь против почтовой станции. Довольно темный летний вечер спустился на землю, когда я находился на площади в конце города, похожей по своей бесконечности более на выгон. На противоположной мне стороне находилась еле заметная в темноте почтовая станция. Я ждал Дриго около получаса, когда заметил, что к ней быстро подъехало несколько извозчичьих дрожек и быстро сошедшие люди загремели саблями по чугунным плитам крыльца. Это меня заинтересовало еще более тем, что чрез минуту дрожек не стало, а между тем они не отъезжали. Осмотрев вокруг станцию, я открыл, что они были спрятаны на заднем ее фасаде в тени построек. Еще более уяснилось мое положение,—это приехали за нижепоименованным, который тогда именовался Безменовым. Надо было повидаться во что бы то ни стало с Дриго и уехать как-нибудь секретно, но то и другое не легко было сделать. У меня в Чернигове не было никого знакомых, а между тем ночь застала меня на улице, а в квартире ждала западня. Я решился сходить в то место, где виделся с Дриго в последний раз, а ранее стал разыскивать лошадей для отъезда. На одном еврейском постоялом дворе согласились меня везти сейчас же ночью на ближайшую станцию железной дороги, находящейся на расстоянии 70 верст. В последнем месте встречи с Дриго, куда я отправился искать с ним свидания, я наткнулся на полицию, и только благодаря уловке удалось от нее отделаться. Я разыграл роль пьяного ночного гуляки, попавшего не туда, куда следовало, и меня отпустили с миром... Это последнее приключение объяснило всю драму, разразившуюся в этот день, и побудило меня немедленно уехать. Многие соображения и данные выяснили роль Дриго в этой истории.

13 января [1]). Социально-революционная партия в первые годы своей деятельности не имела сколько-нибудь общей организованности. Великая идея, проникая всюду, выдвигала везде ряды деятелей, но орудие ее, слово и книга, пропагандисты и распространители изданий не имели возможности и уменья сплачивать новые силы. Сознание необходимости организации не истекает из отвлеченной идеи; оно

---

[1]) То же дело, лл. 192—193; протокол № 73.

есть продукт житейской мудрости, понимание условий деятельности и приспособления к ним. Это, так сказать, техника идейных общественных процессов, которая определяется и развивается жизнью и деятельностью, борьбою за существование и законами естественного подбора. Чистая и наивная, как дитя, самоуверенная, как юноша, выступила партия для борьбы с людской злобой и себялюбием, не предполагая, как крепко держатся эти силы на земле, какие они глубокие корни пустили. С первых же шагов ее деятельности горький опыт стал вразумлять молодую партию. Муки одиночного тюремного заключения, постоянные неудачи и другие житейские невзгоды заставляли сознавать ошибки и промахи, несовершенство способов борьбы. Так постепенно партия отделалась от многих губительных при теперешних условиях борьбы привычек и обычаев и была приведена к мысли о необходимости организации сначала на принципах менее строгих, а потом по типу более централизованному.

Когда я выступил на поприще революционной деятельности, сознание это еще было слабо, хотя отдельные люди, очень незначительное число, уже понимали все значение организации. К таковым принадлежал и я. Бóльшая ли житейская опытность, или врожденные свойства сделали для меня мысль об организации заветной. Она меня не оставляла ни на одну минуту в продолжение четырех лет деятельности и теперь, сошедши со сцены, я совершенно искренно могу сказать, что сделал все, что мог для ее осуществления.

Время весны 1879 года было моментом наиболее благоприятным для попытки широкой организации. Сами обстоятельства навязывали всем эту мысль. Правительственные репрессии ослабили партию количественно и помогли сделаться ей сильнее в пять раз качественно, — они создали замечательное единомыслие и единодушие. У большинства повсеместно было одно желание — кровавая борьба с государственною властью. Но были люди, на которых теория влияет более, чем логика фактов и они не разделяли такого настроения. В народнической организации они имели тоже своих представителей, и потому она, несмотря на горячие стремления другой части, не могла, без общего решения этого вопроса, переменить направления. Это было причиной Воронежского съезда. Почти одновременно, несколькими днями ранее, составился съезд в Липецке. На нем присутствовали люди, решившие для себя борьбу с правительством, как главное средство освобождения народа. Здесь были как некоторые члены организации народников, так и отдельные лица, более определенные по своим воззрениям и выработанные, как деятели. Не зная, как будет решен вопрос на Воронежском съезде, народники Липецкого съезда предполагали два исхода; или организация народников признает необходимым такую борьбу, тогда Липецкая группа возьмет на себя ее, или, при отрицательном решении, необходимо будет разделение на две организации.

Липецкий съезд продолжался три или четыре дня; от 17 до 20 июня. Вопросы были поставлены программные и организационные. Результатом совещаний были: программа партии Народной Воли, опубликованная впоследствии от имени Исполнительного Комитета и план организации этой партии. Но ни одно практическое предприятие здесь обсуждаемо не было. Хотя Воронежский съезд решил вопрос о борьбе с правительством удовлетворительно, но постепенно несогласное меньшинство выдвинуло параллельно с „Народной Волей“ и свою программу „Черного Передела“.

14 января [1]). После Липецкого съезда половину июля я провел в Одессе; около 14 числа был в Чернигове; в конце июля или в начале августа—в Москве проездом и затем прибыл в Петербург. Здесь я узнал, что имеется уже приготовленный динамит и что есть предположение о возможности осуществить план подведения мины под полотно железных дорог, проходящих в пределах города Москвы и служащих путем возвращения царя из Ливадии. Через неделю или две по приезде, я, как знающий Москву, получил предложение от Исполнительного Комитета Социально-Революционной партии отправиться туда и осмотреть места вблизи полотна Николаевской и Московско-Курской ж. д. с целью приискания удобного места для вышеупомянутого плана. Согласно этому предположению я тогда же предпринял эту поездку и, осмотрев указанные места, нашел несколько домов пригодных, по моему мнению, для этой цели. Сведения о них были переданы мною Исполнительному Комитету. Лица, назначенные для исполнения первых по времени функций предприятия, осмотрели вторично эти места и намеченные дома, остановились на одном из них, именно на том, откуда и сделан был подкоп, результатом которого был взрыв 19 ноября 1879 года. Настроение в это время среди вновь определившейся фракции было чрезвычайно возбужденное и решительное. Большинство дышало страстью отважного и последнего боя. Многие наперерыв предлагали свои услуги на самые опасные роли. То был момент самых глубоких и высоких чувств, дающих десяткам людей силу бороться с обладателями десятков миллионов подданных, миллионов штыков и верных слуг. Но тут уже сталкивались не человек с человеком, не слабый с сильным, а воплощенная идея с материальной силой. В таких случаях совокупность физических сил и их громадность теряют всякое значение; идея их разделяет, парализует своей неуловимостью, приводит к индивидуальному их содержанию. Люди „Народной Воли“, как самая их идея, не знают страха и преград. Весна и лето воздвигли десятки виселиц и нагнали ужас на общество. Но у тех, для устрашения которых они ставились, исчезло и малейшее подобие этого чувства: они освободились от всего личного и материального, примеры геройски-спокойной смерти товарищей переродили их.

---

[1]) То же дело, лл. 194—195 об.; протокол № 74.

В сентябре месяце отправился я в Москву, чтобы принять участие в тамошнем предприятии, которое нуждалось в работниках и в людях, которым бы жизнь вне места действия позволяла вести сношения с организацией и другими полезными для этого дела людьми. Некоторые из этих сношений и работу по подкопу я взял на себя. По приезде в Москву я поселился под именем Полошкина на Лубянке, в номерах Кузовлева, где и жил до отъезда в С.-Петербург, т.-е. до 28 ноября. За главный принцип ведения этого дела была признана всеми участвовавшими полная секретность его. О нем не знал, кроме центрального учреждения, никто в С.-Петербурге и ни один человек в Москве. Пребывание некоторых участников, сталкивавшихся с московским радикальным миром, было объяснено самыми удовлетворительными и правдоподобными предлогами; остальные же сохраняли строгое инкогнито. При таких условиях было приступлено к главным работам,—к проведению минной галлереи.

Работы эти начались с определения направления подземной галлереи, установленного посредством отвесов, компаса и ватерпаса. Намечено было две постоянные точки, — одна в нижнем этаже дома, как начало галлереи, другая на полотне—конечная. Веха на полотне и отвесы внутри дома обозначили вертикальною плоскостью направление галлереи. Компас, определив угол отклонения этой плоскости от магнитной стрелки, сделал ее положение известным и постоянным по отношению к странам света. Ватерпас дал горизонтальное направление галлерее. Справки в саперных и минных руководствах ничего особенно полезного не дали, разве только способствовали известному направлению мысли приступавших к работе. Призматическая форма галлереи, по условиям работы в ней сидя, удобству крепления песчаного грунта и по наименьшей выемке земли, представлялась наиболее удобной и применимой. Способ крепи был выбран двухсторонний дощатый, пол же галлереи оставался грунтовым. Доски вверху скреплялись посредством двух соответственных вырезок, а в основании своем для упора имели подставки из маленьких досок. При такой технике начата была галлерея, на глубине 1 аршина с четвертью от поверхности земли. Опустить ее глубже не было никакой возможности при наших средствах, так как на полчетверти ниже начиналась подпочвенная вода, быстро выступавшая на поверхность. И при такой глубине, на которой рыли, пол галлереи постоянно был сыр, что чрезвычайно отягчало работу. Начало галлереи шло из стены ранее сделанного подполья, могущего поместить вплотную 9 человек, а потому удобного для вытаскивания земли и хранения постоянно необходимых при работах вещей. Доски пилились в помещении нижнего этажа, а земля ссыпалась в чулане и в люк пристройки. По расчету должно было получиться на 20½ саженей галлереи около 9 кубических саженей выемки, а такое количество земли было чрезвычайно трудно спрятать совершенно незаметно; в этом мы видели главный риск предприятия.

15 января [1]). Размеры галлереи приняты были приблизительно такие: высота призмы 18 верш., стороны 28 верш., основание 22 верш. Галлерея выводилась двумя орудиями: маленькой английской лопаткой делалась выемка вчерне, а садовым черпачком, употребляющимся для делания ямок и представляющим рассеченный по высоте цилиндр, названный нами „совком", давалась большая правильность сторонам. Обыкновенно не вырывалось вглубь более, чем на ширину одной пары досок, и сейчас же вырытое пространство заставлялось ими. Работа производилась со свечей. Влезавший внутрь рыл на одну пару досок, отправлял землю наружу на железном листе, который вытаскивали толстой веревкой, находящиеся в подполье, потом обратно возвращал в глубь галлереи порожний лист посредством тонкой веревки, конец которой имел постоянно у себя; когда было нужно, получал на том же листе пару досок и подставки и, обравняв стороны, пригнав и вставив доски, вылезал обратно, а его заменял другой. Двигаться по галлерее можно было только лежа на животе или приподнявшись немного на четвереньки. Приходилось просиживать за своей очередной работой внутри галлереи от полутора до трех часов, смотря по ширине досок и встречавшемуся грунту, а в день приходилось иным ставить по две, по три пары, так как не все лазили внутрь, а только те, которые быстрее и ловче там работали. В день, при работе от 7 часов утра до 9 час. вечера, успевали вырывать от 2 до 3 аршин. Работа внутри была утомительна и тяжела, по неудобному положению тела, недостатку воздуха и сырости почвы, при чем приходилось, для большей свободы движений, находиться там только в двух рубахах, в то время, как работы начались только 1 октября, и холодная осенняя сырость давала себя чувствовать. Но еще более утомительную работу представляло вытаскивание земли извнутри в подполье. Тут приходилось двумтрем человекам напрягать все силы сразу, чтобы подвинуть лист, нагруженный почти мокрым песком, на поларшина. Этот процесс похож на вбивание свай бабой, но с тою только разницей, что отдыху и сил в нашей работе менее, а потому работа еще труднее. В конце, когда галлерея приближалась к 15 саженям, мы, чтобы сколько-нибудь облегчить и ускорить вытаскивание земли, устроили ворот, помещенный в нижнем этаже, но и он по своему несовершенству мало помог. Из подполья земля относилась ведрами или носилками из рогожи в указанные выше места, а потом часть ее в темные осенние ночи, во время дождя или вьюги, когда ни одна человеческая душа не рисковала выглянуть на двор, разбрасывали по большому двору, и к утру ее размывало или заносило снегом. Строгий порядок, заведенный сообразно с обстоятельствами, и колокольчик из спальни верхнего этажа в подполье нижнего этажа давали возможность скрыть от нескольких посторонних лиц, посеща-

[1]) То же дело, лл. 196—198; протокол № 75.

вших хозяев дома, присутствие других жильцов и деятельную, неустанную работу. Входили и выходили таинственные землекопы так, что никогда и никто не видал их лица. А между тем, несмотря на необходимую и строго соблюдаемую осторожность вне дома и при появлении посторонних, несмотря на усталость и исхудалые лица работников, жила эта семья-невидимка весело и дружно. В короткие часы послеобеденного отдыха звучала иногда тихая, мелодичная песня о заветных думах народа и отвечала она нашему настроению и нашим думам.

Общая духовная бодрость воскрешала энергию в усталом теле и самые тяжелые препятствия преодолевались с возможным для людей хладнокровием. А препятствий воздвигалось природой и обстоятельствами много. Одно из наиболее серьезных было выдвигнуто природой в начале ноября месяца, когда галлерея почти была кончена. К ноябрю месяцу выпал значительный снег и лежал несколько дней. Для нас это было приятно, так как он покрыл разбросанную по двору землю и положил конец невылазной грязи московских предместий. Но настала оттепель, пошел дождь, и вода, образовавшаяся из снега, покрыла землю. Однажды утром приходим мы к подполью и не ведим своим глазам, на дне его почти на поларшина воды и далее по всей галлереи такое же море. Перед тем всю ночь лил дождь, и причина патопления стала нам ясна. Нас залила снеговая и дождевая вода. Стали мы выкачивать воду ведрами, днем выливали на пол в противоположном углу нижнего этажа, а ночью выносили на двор. Ведер триста или четыреста вылили мы, а все-таки пол галлереи представлял лужу, вершка на два покрытую водой и грязью. В то же время путешествия по воде внутри галлереи, что, по трудности движения вперед со свечей, продолжалось по несколько часов, и осмотр снаружи перед домом открыли, что поверхность земли по направлению галлереи в нескольких более низких местах размыта, и вода, скопившаяся в них, просочилась внутрь, где от этого образовались наносы. Мы ждали очень печальных последствий. Галлерея пересекала дорогу, по которой ездили в наш и несколько соседних домов с сорокаведерной бочкой воды, с возами дров и досок, и не сегодня, так завтра нога лошади или колесо телеги провалится к нам в галлерею, обнаружит план и завалит работающего внутри. Трудно было предпринять что-нибудь избавляющее от возможности подобной катастрофы, но мы сделали все, что могли. Снаружи насыпали ночью на промытые места земли, а сверху прикрыли навозом, отвели, насколько представлялось возможным, воду, притекающую к нам, внутри укрепили доски, заложили щели, вычистили наносы и попробовали рыть недостающие две с половиной сажени. С этого рокового потопа работа сделалась уже по-истине невообразимой. Итти галлереей дальше не было никакой возможности.



16 января [1]). Причины невозможности продолжать углубление

[1]) То же дело, лл. 199—201; протокол № 76.

галлереи были следующие. Почва пола сделалась мокрой, неровной и мягкой, неудобной для таскания листа. В конце галлереи, несколько более низком, чем начало, невозможно было выкачать, скопившейся жидкой, как вода, грязи, делавшей земляную работу чрезвычайно трудной. Грунт конца галлереи, подошедший уже под насыпь полотна, стал чрезвычайно рыхл, так что нельзя было рыть даже на полчетверти вперед без обвалов сверху и с боков, чему еще более способствовало сильное сотрясение почвы при проходе поездов. Даже крепленные уже досками своды дрожали, как при землетрясении. Сидя в этом месте галлереи, издали по отчетливому гулу слышишь приближение поезда. По мере того, как расстояние становится меньше, гул переходит в приближающиеся раскаты грома и с оглушительным шумом проносится чудовище почти над головой. Явственно слышно, как порывистыми толчками колеса перескакивают с рельса на рельс, как налетают один за другим вагоны. Все трепещет вокруг тебя, сидящего прислонясь к доскам, из щелей сыплется земля на голову, в уши, в глаза, даже пламя свечи колеблется, а между тем приятно бывало встречать эту пролетающую грозную силу.

Но не всегда приятны бывали последствия. Промчится иногда поезд и отвалит впереди тебя глыбу земли на час лишней работы и увеличит опасность обвала с поверхности в пустоту, образовавшуюся за дощатыми стенками. Препятствовала движению вперед также и вода. Сидеть по несколько часов в ней, холодной и грязной, принимать всевозможные положения, даже лежачие, окунаясь по шею, было мучительно и опасно. Чтобы как-нибудь избавиться от воды и осушить хотя конец галлереи, мы устроили на сажень от конца плотину и переливали воду за нее. Сверху плотины было оставлено отверстие, чрез которое можно было только просунуться. Это сделало конец галлереи подобным могиле. Несмотря на вентиляцию, свеча стала с трудом и недолго гореть здесь, воздух стал удушливо тяжелым, движения почти невозможными, а хуже всего то, что и от воды мы не избавились, — она просачивалась чрез плотину и стояла на четверть глубиною. Для приведения дела к концу мы придумали углублять минную галлерею далее земляным буравом вершка в три в диаметре и чрез образовавшееся отверстие продвинуть цилиндрическую мину под рельсы. Заказан был бурав в 7½ аршин длиною, с составными коленами и пущен был в дело. Для работы им мы влезали в образовавшийся в конце склеп и, лежа по грудь в воде, сверлили, упираясь спиной и шеей в плотину, а ногами в грязь. Работа была медленная, неудобная и... но для полной характеристики я не могу приискать слов. Положение работающего там походило на заживо зарытого, употребляющего последние нечеловеческие усилия в борьбе со смертью. Здесь я в первый раз в жизни заглянул ей в холодные очи и к удивлению и удовольствию моему остался спокоен.

Работа буравом продолжалась с неделю и, несмотря на условия ее, мы просверлили 7 аршин. Было около 10 ноября. Поспешили проложить проводники, приготовить цилиндр и рассыпать по двору в находившийся в сарае погреб всю землю, скопившуюся в чулане. А ее было очень много. Несколько дней сряду мы работали над ней и, наконец, главные следы нашего дела были скрыты, что представляло большое значение, в виду ожидаемого нами осмотра полицией прилегающих к полотну зданий.

Наконец, были получены определенные сведения о дне проезда царя, и мина была заложена, проводники и спираль испробованы. Но по воле прихотливой судьбы и непреодолимых препятствий,— заряд, заключающий два пуда динамита, не дошел до конца буровой скважины. При движении по ней, он загребал впереди себя землю и, наконец, остановился, и никакие усилия не могли продвинуть его дальше. Несколько раз заряд вытаскивался обратно, и опять пускался в ход бурав. Побуждаемые страстным желанием наиболее обеспечить успех, работавшие над закладкой продвигались сами на сажень в расширенную вначале обвалами скважину и, задыхаясь, несколько минут разгребали руками землю; однако и эти, весьма опасные, попытки устранить преграды не вполне помогли, цилиндр все-таки не вошел до конца. Распространение силы действия динамита хотя и вычисляется формулой теоретически, но предметно, сколько-нибудь точно, трудно определить его разрушительную силу. Принимая во внимание расстояние и вес, можно было надеяться на успех, а потому решили действовать. Расстояние между миной и второй парой рельс, по которым должен был пройти поезд, было не более трех или четырех аршин; динамит же, находясь на полотне на глубине $2^1/_2$ аршин и действуя во все стороны с одинаковой силой, должен был разрушить и вторую пару.

При описании земляных работ я забыл упомянуть о вентиляции. Работать без нее можно было только 10 или 11 саженей, а далее воздуху не хватало, и свеча тухла. Для того, чтобы увеличить приток и движение воздуха, были привешен к верхнему углу галлереи ряд железных труб в 2 вершка в диаметре, соединенных концами между собой. Получившаяся, таким образом, длинная составная труба выходила одним концом из галлереи в подполье и, изгибаясь в нем, поднималась в нижний этаж, где соединялась с дымовой трубой печки. Образовалась круговая тяга, и свеча стала гореть до конца галлереи.

По окончании работ я мог бы и ехать, так как роль окончилась, но у меня были другие дела в Москве, а за себя я не боялся; по образу жизни я не мог навлечь никакого подозрения и потому тревожные моменты должны были пройти для меня безопасно. Неизвестно было, чем это дело окончится, и соображение, что может быть какая-нибудь случайность сделает полезным мое присутствие, давало лишний повод остаться.

Наступил критический день 19 ноября. Время прибытия двух царских поездов в Москву было назначено 10 и 11 часов вечера. Не было тайной для многих москвичей, что царь прибудет в 10 ч. Это подтверждали и другие, более веские данные, заставлявшие обратить взоры на первый поезд. Но царский поезд промчался в начале десятого и был принят за пробный, иногда следующий впереди царского. Второй поезд, шедший в 10 часов с небольшим, совпал со временем, назначенным для царского, и пострадал. Способствовало, как побочное обстоятельство, этой ошибке еще то, что удивительно быстро мчавшийся царский поезд, как говорят очевидцы, наполовину был окутан выпускаемыми локомотивом парами и казался состоящим из двух-трех вагонов. Находясь у Ильинских ворот, я узнал, что царь проехал по Покровке к Иверским воротам и предположил, что план разрушен обыском, происшедшим за несколько часов до проезда. Но на другой день узнал о случившемся.

17 января [1]). На заданные мне вопросы отвечаю: 28 ноября прямо 1879 года, как я уже объяснил, уехал из Москвы и прибыл оттуда в С.-Петербург, где и оставался безвыездно до начала июня 1880 г. Где жил, чем занимался и под какими фамилиями проживал, кроме обстоятельств жизни под именем Поливанова, объяснить не желаю. В общем моя деятельность этого времени до дня ареста, т.-е. до 28 ноября 1880 года принадлежала всецело организации Общества „Народной Воли". Под именем Поливанова я жил, как удостоверено взятым у меня документом на это имя, с февраля 1880 года последовательно в гостинице „Москва", на углу Невского и Владимирского проспекта, в Троицком переулке, дом № 11/3 и Орловском переулке в доме Фредерикса, квартира Туркиной. В гостинице „Москва" у меня никто не бывал, в Троицком бывал один или два человека и в доме Фредерикса столько же, но кто они—отвечать не желаю. По поводу найденного у меня динамита, к прежде данным по этому предмету объяснениям, прибавляю, что он получен был мною на хранение и, насколько мне известно, определенного назначения не имел. Лица, передавшего мне его, назвать не могу. Цель приготовления и хранения динамита у организации такая же, как у государства боевых снарядов. Программа партии и условия борьбы ставят борящихся в самое разнообразное положение наступательно-оборонительной войны, требующей осуществления разнообразных планов, объектами которых служат различные силы противника. Динамит в этих случаях может быть направлен, как для самозащиты, так и против врага. По слухам и некоторым соображениям, я думаю, что взятый у меня динамит составляет часть имеющегося у организации, но какую, об этом не могу ничего сказать.

Александр Дмитриев Михайлов.

---

[1]) То же дело, лл. 202—202 об.; протокол № 77.

15 апреля [1]). Зовут меня Александр Дмитриев Михайлов. По поводу предъявленного мне обвинения в участии в покушении, совершенном 1 марта сего года, жертвою которого пал государь император Александр Николаевич и которое выразилось в том, что во время проезда его величества лицами революционной партии были брошены метательные снаряды, причинившие поранения его величеству,— поясняю: Я был арестован 28 ноября 1880 года, т.-е. за четыре месяца до вышеупомянутого события. Следовательно я могу отвечать только на вопрос о том, знал ли я, что это событие подготовлялось при условиях, при которых оно впоследствии совершилось. Из показаний, ранее данных мною, явствует, что партия имеет динамит для борьбы с правительством. Далее из показаний моих о событии 19 ноября видно, что я принимал участие в этом деле, направленном против царя, как член партии. Следовательно, я и в момент ареста должен был предвидеть общий ход борьбы в будущем. Но обстоятельства и орудия, которые избраны действующими лицами в событии 1 марта для меня составляют новость. В частности о подкопе на одной из улиц С.-Петербурга для заложения мины, о заложении снаряда летом прошлого года под одним из мостов С.-Петербурга же и наконец об употреблении и подготовлении метательных снарядов, с целью действовать всеми этими средствами против особы царя, сведений я не имел, а посему не знаю, кем подготовлялись эти предприятия и кем брошены снаряды в покойного императора. В последнее время пребывания моего на свободе высказывались мысли о необходимости продолжать борьбу с главою абсолютизма, если не будет дана какая-нибудь возможность действовать мирным путем, путем свободного слова и убеждения. Из всех предъявленных мне карточек я знаю: Кибальчича еще по гимназии, Михаила, взятого под именем Капустина, Григория Исаева, Софью Перовскую, Александра Баранникова, Веру Филиппову, которую встречал вначале 1877 года и Николая Саблина, которого я очень мало знал и с трудом признаю на карточке убитого.

Александр Дмитриев Михайлов.
Отдельного корпуса жандармов подполковник Никольский.
Товарищ прокурора Палаты Добрянский.

---

[1]) То же дело, т. II, лл. 233—233 об.; протокол № 353.

Заявление.

Дополнение к показаниям, данным в январе и феврале месяце 1881 года [1]).

Писано в Петропавловской крепости 1881 г., 7 июля.

В своих показаниях, приступая к ним, я хотел держаться формы автобиографии и, в связи с хронологическим порядком и своим участием в освободительном социально-революционном движении, по мере сил, указать на причины этого движения, разъяснить его значение и цели. Придерживаясь вышеуказанного метода, я довел их до весны 1877 года и пребывания моего на Волге, с целями деятельности среди народа по программе „Земли и Воли“. Далее, по неизвестным для меня причинам, я вынужден был следователями торопиться окончанием показаний и, вследствие этого, коснулся только слегка своей деятельности в народе, изменения программы „Земли и Воли“ в смысле принципов, указанных и развитых в газете „Народная Воля“ и затем перешел к описанию своего участия в деятельности организации „Народная Воля“. Таким образом, первоначальный план был нарушен, и в моих показаниях появилась очень значительная несоразмерность частей. Первое знакомство с освободительными идеями средины 70-х годов, развито обстоятельнее, чем деятельность во имя этих идей. С целью хотя сколько-нибудь исправить эту неполноту я и берусь теперь за перо. Прошло почти полгода с того времени, когда я говорил в показаниях о периоде жизни на Волге, и мне не легко теперь, не имея старых протоколов под руками и не видев их с тех пор, дополнять их. Как тогда, так и теперь я не буду удовлетворять любознательность криминалиста, — он не найдет полезных для себя указаний на имена, числа, адреса и т. п. мелочи. Цель моя, попрежнему, дать в свою очередь некоторую дань истории своими сведениями, как современника и деятеля.

Перед обществом прошло уже несколько групп людей, действовавших в 1877 и 1878 году по программе „народников“ (процессы Адриана Михайлова и 16-ти), а между тем, мне, кажется, невполне

---

[1]) То же дело, т. VI, лл. 135—146.

выяснилась эта программа. По крайней мере, товарищ прокурора, прочитав показания о приемах моей деятельности в народе в 1877 году, высказал удивление тому, что я не роздал крестьянам ни одной запрещенной книжки. Это показывает смутное представление о целях и стремлениях общества „Земли и Воли". Так как деятельность „землевольцев" тесно связана с работою „народовольцев", как предыдущее с последующим, то считаю нелишним поговорить о первых и о том, как события привели их к необходимости действовать в духе „Народной Воли".

Лозунгом вообще всех русских социалистов-революционеров обыкновенно служили слова „произведение социально-экономического переворота для народа и посредством народа". Народники к этим словам прибавили еще „и сообразно с его вековыми и заветными желаниями". Уже из этого видно, что они задавались не просветительными целями. В ближайшей своей деятельности они поставили задачу—подготовление народа к борьбе за то, что веками постепенно отнимало у него государство, в лице своих верховных правителей, т.-е. за самоуправление, за политическую свободу, за землю. Для возвращения исконных народных прав, как показала история, народу недоставало организации, сплоченности, уменья вести борьбу; ему недоставало умелой и сильной оппозиции, которая бы постоянно поддерживала знамя этих прав, из поколения в поколение, до того момента, когда обстоятельства позволят вступить в открытую решительную борьбу с поработителями. Образование такой оппозиции и было главной целью народников. Где они появлялись, они старались не выделяться из массы оригинальностью и образованием: это бы их поставило в менее искренние отношения; народ им, как вышедшим не из своей среды, стал бы менее доверять. Усвоив себе народную манеру, будучи хорошо знакомы с интересами и понятиями массы, они старались обратить на себя внимание солидностью, преданностью мирским выгодам, сойтись с лучшими из крестьян и передать им откровенно свои взгляды и цели. Они преследовали обыкновенно две задачи. Во-первых, способствовали противодействию местного населения эксплоатации, гнету, насилию кулаков, помещиков и чиновников. Во-вторых, заботились о выработке и группировке представителей местной оппозиции, народных вожаков, и в этом видели главное средство организации и расширения народной оппозиции и обобщения ее социально-экономических взглядов и стремлений. В виду таких целей, народнику интересно было оставаться в известном районе возможно более продолжительное время. Он старался ничем себя не выдать перед людьми опасными, перед сельскими властями, перед обездоленными и обезличенными орудиями сельской аристократии. Более всего он мог рассчитывать на крестьян средней зажиточности, как на людей, сохранивших свою экономическую самостоятельность и не имеющих пороков мироедов. При такой обстановке, распространение книг, кроме своей малополезности,

было бы еще крайне неблагоразумно, делая пребывание в известной местности шатким, постоянно грозила бы необходимость бросить начатое дело. Особая, отвечающая плану работы, народная литература предполагалась и была бы создана, если бы обстоятельства не заставили изменить самую программу деятельности. Эта новая литература по всему вероятию имела бы вид манифестов от организаций (братств, союзов, кругов) народной борьбы, но способы распространения ее были бы совсем особые, не подрывающие оседлости народников, действующих в деревнях. Большая часть работающих в народе, а таких в конце 1877 и в 1878 году было много десятков в одной Великороссии, находили более удобным создавать оппозицию на легальных основаниях и избегать открытого столкновения отдельных крестьянских обществ с властью, т.-е. не доводить так называемых „недоразумений“ и „бунтов“ до их логических последствий, советуя во-время отступать пред подавляющей и всеразрушающей силой штыка. Для мира такая борьба должна была служить воспитательным и освещающим истинный облик власти средством. Результат успешной подготовительной деятельности—в о с с т а н и е должно было произойти только тогда, когда оппозиционная сила народа и исторические обстоятельства указали бы к тому время. В подготовительный же период революционная интеллигенция считала своей обязанностью, во-первых, выставить как можно более деятелей в народе, образуя поселения в различных районах группами и в одиночку, во-вторых, создать в городах, при помощи просветительной и еще более агитационной деятельности, возможно большее число социалистов рабочих, которые бы явились руководителями эксплоатируемой массы городских заводских и фабричных рабочих (о способе деятельности между рабочими в городах я говорил в прежних показаниях). Деятельность в этих двух направлениях связывалась и направлялась обще-русскою революционною организацией, центром которой был петербургский кружок народников. Имея ареной своей деятельности столицы, он заботился о привлечении интеллигентных сил из молодежи, общества и войска к движению; он руководил органом партии, пользуясь литературными силами и сотрудничеством действовавших в народе; он добывал материальные средства для предприятий организаций; он имел бюро для группировки необходимых сведений, для снабжения нуждающихся паспортами; одним словом, он отправлял все общие функции организации. В 1877 и 1878 году центральный кружок связывал собою шесть или семь провинциальных групп общею численностью человек в 60 или 70, действовавших на востоке и юго-востоке в волжском районе. К провинциальным группам примыкали местные революционные деятели и своими сведениями, знакомствами и связями служили упрочению и расширению работы. Центральный кружок сносился и обменивался услугами с южными кружками Киева и Одессы.

В ранее данных показаниях я говорил кое-что о своей деревенской деятельности. Я провел в народе год. Часть его прошла в бродячей жизни по нескольким уездам одной приволжской губернии; в них я исходил все села, завел много знакомых и совершенно освоился с этой местностью. Затем остальную часть года прожил у раскольников-спасовцев в деревне и занимался обучением их детей славянской грамоте. Кроме того, я знаком с народом Курской, Черниговской, Подольской и немного Московской губерний. О некоторых впечатлениях, полученных в Поволжьи, о нескольких типах, встреченных мною, я уже упоминал в прежних показаниях. Поэтому я здесь сделаю несколько обобщений и коснусь своих планов работы в народе.

При всякой революционно-агитационной работе обыкновенно важнее всего решить, какой принцип может служить при данных условиях, как местных так и обще-народных, для нее рычагом. Верное решение этого вопроса дает необыкновенную силу и увлекательность движению и даже если бы это движение и было подавлено, то искра его не потухнет и, разгораясь незаметно, чрез некоторое время вспыхнет еще более ярким пламенем. Зато агитатор, неверно выбравший лозунг, обречен на бессилие. В этом смысле пропагандисты представляют пример. Желая пронести в народ светлые социально-экономические взгляды и подвинуть на борьбу во имя их и не сообразуясь с народным мировоззрением, они в громадном большинстве случаев действовали безуспешно, а иногда даже попадали, по отношению к народу, в очень неловкое положение. Опыт обнаружил их ошибки, и народники, поставив на своем знамени исторический лозунг „Земля и Воля“, чутко прислушивались к говору масс, присматривались к ее обыденной жизни, отыскивая для каждого момента деятельности наиболее могучий рычаг. И их деятельность, сравнительно очень непродолжительная, не пропала без следа. Кто знаком с деятельностью Стефановича в Чигирине, тот может судить, при каких неблагоприятных условиях он все-таки успел создать целый народный заговор, и если он так легко распался, то только вследствие недостатка помощников и материальных средств. Но даже и при неудаче эта попытка дала благоприятные результаты, ускользнувшие от прокурорского глаза. Большинство народников не стало бы употреблять приема Стефановича, пускать в ход имя царя. Но никто из них не отрицал того, что он чрезвычайно умело выбрал рычаг действия и что для успеха надо опираться на настроение народа, как это делал Стефанович. Деятельность народников в деревнях не запечатлена судебными процессами, но из этого нельзя заключать о ее безрезультатности. Осторожность и постепенное сближение с крестьянством избавляли их от подозрений и погромов. Везде, где они жили, под самыми разнообразными видами, от доктора и фельдшера до лавочника и сапожника, у них устанавливались к народу самые искренние и дружественные отношения. Везде они скоро приобре-

тали друзей, передавали им свои планы и находили в них горячих и деятельных помощников. Мне известно много случаев самых трогательных проводов, когда некоторые из поселенцев оставляли деревню и стремились в города, призываемые новым фазисом борьбы. Целым миром их упрашивали остаться, предлагая разные льготы и преимущества в области их занятий. Как бескорыстные советники, как помощники во всяком деле и нужде, многие из них в какой-нибудь год становились положительно необходимы населению. Понятно, как таких людей не любить и не уважать народу, когда он со всех сторон окружен мироедами и паразитами, тянущими из него все соки; как не понять и не принять к сердцу его мысли и объяснения причины всех зол, когда эти мысли открывают народу глаза на то, что он так болезненно ощущал, когда они только обобщение его собственных мыслей. Уходя из деревень, чтобы принять участие в борьбе с правительством, народники почти везде оставляли после себя преемников из крестьян, более или менее подготовленных, могущих продолжать дело создания народно-оппозиционных сил. Голос этих крестьян-агитаторов слышен только тому, чья душа раскрыта для народного горя, кто с ними делит труд и коротает невеселую и тяжелую жизнь, но результаты пробуждения народного сознания в свое время станут очевидны как для друзей, так и для врагов народа.

На Руси считается около шести миллионов староверов беспоповских согласий. Изучение их истории и особенностей вероучения показало, что эта часть народа наиболее сохранила общинно-федеративные традиции народоправства и дух независимости. Конечно, века рабства и немецкой чиновничьей муштровки отразились и на них и в значительной степени заглушили представления о народной свободе, но постоянная борьба с государством выработала в них такие черты характера, которые привлекали серьезное внимание и симпатии народников и заставляли искать сближения с этими согласиями. В числе желавших посвятить себя деятельности среди них был и я. Все время пребывания на Волге главною задачею моею было проникнуть к староверам и сойтись с ними. Это мне в значительной степени удалось,—с несколькими согласиями завязалось знакомство и личные приятельские отношения. В этом своеобразном мире агитация возможна в гораздо более широкой степени, чем среди крестьян православных, так как нравственное и политическое развитие беспоповцев значительно выше. Служение известной идее и подчинение ей своих житейских интересов, привычка останавливаться над вопросами высшего порядка, критическое отношение к злобе века и человеческому авторитету, наконец враждебное отношение к власти, как к слугам антихриста, делает их очень чуткими ко всякой проповеди, затрагивающей нравственные и общественно-политические вопросы. Несмотря на это, желающий иметь здесь успех, кроме значительной книжной подготовки, необходимой для аргументации в области духовной литературы, должен позаботиться построить свою

общественно-политическую систему соответственно с их религиозно-нравственным критериумом. Он может внести совершенно новое освещение многих вопросов, разрушить некоторые авторитеты, поставить свое учение на почву рационализма, но все это он должен сделать, пользуясь обычным способом мышления и знакомой староверам, единственно авторитетной для них, аргументацией духовной литературы. Вследствие всего этого действующему среди староверов, более чем кому-либо другому, необходимо предварительное ознакомление с ними и потом уже построение своего оригинального учения, или внесение в учение какого-либо согласия определенных, отвечающих социально-революционным целям, общественно-политических тенденций. Второго, очевидно, легче достигнуть. Не говоря о том, что почти всем беспоповским согласиям присущ некоторый политический радикализм, мы знаем даже из нашей подцензурной литературы, что в некоторых местах верхнего Поволжья бегуны самостоятельно приближались к западно-европейским социалистическим учениям, а в недавнее время появились такие радикальные согласия, как неплательщики и некоторые другие еще мало исследованные (например, молчальники). При столкновениях со спасовцами, я сам убедился в возможности расширения политической области их вероучения, несмотря на то, что, не считая себя достаточно подготовленным к такой деятельности, редко выходил из роли наблюдающего их жизнь и изучающего их духовную литературу. В обыденной жизни им поневоле приходится отступать иногда от точного смысла учения перед подавляющей силой власти, но это они делают с горечью, как говорят „животолюбия ради", т.-е. из чувства самосохранения, и считают такие отступления грехом, который надо смывать покаянием и добродетельною жизнью. Таким недостойным христианина делом они считают служение антихристу (воинскую повинность) и дани ему (подати). По поводу этого невольного подчинения, они часто сами приходят к мыслям самого радикального характера, для которых у них даже есть некоторые исторические сведения и известные темные факты Романовской фамилии. Кроме этих соображений, можно привести еще более веские доказательства возможности внесения в учения некоторых согласий радикальных политических взглядов и тенденций. Так, например, может быть даже прокуратуре известно то влияние, которое покойный Ковальский имел в нескольких рационалистических сектах на юге России. Очень многие из сектантов легко усвоили его проповедь, как логический вывод из роившихся ранее у них мыслей и как удачное дополнение своего учения. Мне известно не мало и других примеров, доказывающих то же, из которых укажу на громадное влияние одной женщины-социалистки, которой сектанты (бегуны) предлагали быть у них наставницей. Это было в 1875 году, т.-е. до появления народников, а потому она не придала надлежащего значения открывавшемуся ей случаю стать в тесные и близкие отношения к нашим религиозным протестантам.

Весною 1878 года минул год моего пребывания на Волге. Я достиг первой поставленной мною цели—познакомился и освоился с староверами и был уже в состоянии составить дальнейший план деятельности. Прежде всего необходимо было приобрести знакомство с старопечатной духовной литературой и некоторыми рукописными сочинениями известных раскольничьих писателей. Без подготовки по этому предмету невозможно было начинать серьезной деятельности. Необходимые в обыденной жизни обряды и обычаи, строго исполняемые староверами, главнейшие молитвы и соблюдаемую по преданию внешность, отличающую всякого живущего „по древлему благочестию", эту своего рода науку я постиг до тонкостей и мог по виду быть неузнаваемым старовером. По внешности они сейчас отличают своего от „великороссийского", т.-е. православного и сообразно с этим оказывают прием и доверие. Приобрести ее очень важно. Внешний облик и знание обрядов открывают доступ в этот мир, своеобразный и замкнутый, богатый проявлением мощного народного духа, заманчивый и таинственный. Это своего рода лесное царство для человека, вышедшего из интеллигенции. Подвижники, странники, исколесившие необъятную Русь; скиты, тайники, подполья; своя святыня, свои соборы, свой суд, своя администрация и для нее свои области,—вот что представляет это царство, чем оно привлекает сердце русского человека, болящее о народной самобытности о потерянной свободе древней Руси.

Подготовку, о которой я упомянул выше, возможно было приобрести без большой потери времени только в Москве и С.-Петербурге, где можно было в библиотеках найти всю необходимую литературу. Кроме того, я считал необходимым передать собранный запас наблюдений своим столичным товарищам и знакомым, из которых многие занимались изучением истории раскола, в намерении действовать среди него. Для них чрезвычайно важно было получить эти данные опыта, так как этим они избавлялись от необходимости предварительного ознакомления, часто затруднительного, вследствие сдержанности староверов, и всегда тяжелого, вследствие того, что приходится итти ощупью, рискуя показаться подозрительным по любопытству. Их подозрительность к пришлым людям, ищущим сближения, имеет реальные основания. Не раз к ним являлись, под личиной кротких агнцев, правительственные сыщики, разыскивающие делателей фальшивых бумажек, не редких в тех местах, а заодно выведывавшие и другие тайны раскола. Являлись к ним и агенты Павла Прусского, известного московского миссионера, обращающего отпавших к православию, бывшего ранее известным расколо-учителем. Эти апостолы проделывали с местными староверами довольно хитрые штуки. Выдавая себя за раскольничьих начетчиков и действительно обладая нужными сведениями и начитанностью, они старались прослыть ревнителями „древлего благочестия" и быть выбранными в наставники. Для этого устраивались диспуты с миссионерами того же

Павла Прусского (кажется, он теперь носит имя Пафнутия), а иногда и с ним самим, во время его поездок на Волгу, и, по заранее начертанному плану, православные ораторы косвенно признавали себя побежденными, отказываясь от продолжения спора или не находя возражений. Этим маневром устанавливалась прочная репутация начетчика. Сделавшись наставником, агенту только оставалось проделать комедию вдохновения свыше о действительном будто бы заблуждении его и его духовного стада, устроить еще раз диспут и на нем, так или иначе, признать ошибки староверов и в сердечном умилении постараться увлечь своих духовных детей к возвращению в лоно церкви. Подобная история была проделана с известным мне братством, впрочем вполне неудачно,—никто не последовал примеру вновь обращенного на путь истины начетчика.

В конце марта месяца, расставшись с своими деревенскими приятелями, я уехал в С.-Петербург, с надеждой возвратиться к ним чрез полгода и никак не более, как через год. А между тем обстоятельства сложились так, что мне не удалось побывать вновь на Волге-матушке, пришлось отказаться от излюбленного плана проникнуть глубоко в сердце народа русского, в мир, хранящий многие вековечные, драгоценные его черты. Насколько возможно теперь раскрыть новое течение, увлекшее подобно многим другим и меня на решительную борьбу с правительством, постараюсь это сделать.

Я упоминал выше, что народники, начавши свою деятельность, скоро убедились, что путь, избранный ими, как с исторической точки зрения, так и по приемам работы, выбран верно. Им удавалось сближение с народом, а затем они находили сочувствующих их надеждам и планам людей решительных и способных, часто пользующихся местным авторитетом. Оставалось только желать, чтобы число действующих в деревнях увеличивалось, и положение их упрочивалось. Вместе с расширением деятельности в народе, местные провинциальные группы должны были получать более строгую и прочную организацию, районы их деятельности определяться точнее, в отношениях их к центральному кружку устанавливаться обязательность и некоторое подчинение. Но в то время, когда требовался усиленный приток сил в деревни, в столице, по воле судеб, завязывалась борьба, последствий которой еще тогда не предвидело ни правительство, ни радикалы. Я говорю о 1878 годе. 1877 г. был богат процессами. Прошли перед глазами общества 50 пропагандистов и „смолкнули честные, доблестно павшие“, прошли „декабристы“ 1876 года [1]) и их поглотили центральные тюрьмы, а в конце года процесс-монстр или 193, который тянулся несколько месяцев и закончился в 1878 г. сравнительно примирительным ходатайством суда о смягчении участи всех подсудимых. И это было очень кстати, так как ранее бывшие

---

[1]) Участники Казанской демонстрации 6 декабря 1876 года.—*А. П.-К.*

жестокие приговоры и ужасные последствия многолетнего предварительного заключения, унесшего около 70 человек, убившего физически или духовно до 70 организмов, полных жизни и силы, переполнили желчью и „ненавистью правою“ сердца не только радикалов, но и вообще интеллигентного русского общества. Передовая литература и поэзия того времени, несмотря на давление цензуры, засвидетельствовали свое тогдашнее настроение. Очевидно, что такое широкое ходатайство было внушено свыше руководителями внутренней политики, иначе, конечно, Особое присутствие не рискнуло бы на такой шаг. Но вот нашелся человек, еще выше стоящий, который побуждает верховную власть отвергнуть ходатайство по отношению к 12 осужденным, дольше других томившимся в предварительном заключении. (Около этого времени этот же человек совершает несколько других жестокостей, указанных мною в ранее данных показаниях.) Таким образом он обрек этих 12 человек на новые муки, а многих из них, уже разбитых и больных, на явную смерть и сумашествие. Ничего нет удивительного, что чаша терпения переполнилась и что, за обречение на медленную смерть он расплатился своею жизнью. Едва ли нужно добавлять, что я говорю о Мезенцеве. Как немного ранее женщина подняла руку в защиту попранного человеческого достоинства, так явилось теперь несколько человек, чтобы покарать вопиющую жестокость. Выстрел Веры Засулич и событие 4 августа вызваны необдуманностью и надменною самоуверенностью административных вельмож, в своей беспредельной власти презиравших и общественное мнение, и права личности. Как же взглянуло правительство на эти события? Сохранило ли оно сдержанность и умеренность, необходимые при борьбе с движением, руководимым бескорыстною и высокой идеей? Нет, оно сделало все, что было в его распоряжении, чтобы обратить на себя духовные силы, работавшие для народа. Вместо того, чтобы преследовать виновников событий, приведших власть в раздражение, она объявляет официально, чрез „Правительственный Вестник“, весь мир социалистов и сколько-нибудь к нему прикосновенных лиц вне закона, даже вне нашего закона, дающего такой широкий простор административной инициативе. Этим открылся период истребления радикалов, период шпионства, доносов, облав, обысков, арестов; настало время, когда безобидных студентов, недовольных профессором или желающих отстоять существовавшую долгое время библиотеку, считали бунтовщиками и разгоняли прикладами, избивали в кровь до полусмерти нагайками; когда цензурным давлением придавили прессу до последней возможности; когда стачки рабочих стали преследовать, как политическое преступление; когда чувствовалась всеми давящая и разрушающая сила. Из чувства самосохранения и очень понятного озлобления, социально-революционная партия при виде всего происходившего на ее глазах и тех преследований, которым подвергались ее члены, молодежь и всё передовое в России, должны были дать некоторый отпор правительству. И вот новый шеф жан-

дармов, как главный виновник, подвергся нападению, как известно, неудачному. Эта попытка самообороны открыла период еще сильнейшего преследования со стороны правительства. Тогда стала выясняться необходимость более организованной борьбы с правительством силами целой партии. Особенно подвинул этот вопрос поступок Александра Константиновича Соловьева и последовавшие за ним меры правительства, далее которых уже некуда итти. И действительно, впоследствии, после новых покушений, оно только увеличивало интенсивность репрессий, но не создавало для этого новых учреждений; и самая Верховная Комиссия была только несколько поздним исправлением ошибки, сделанной впопыхах, после Соловьевского покушения, при учреждении генерал-губернаторств. Действительно, по меньшей мере нецелесообразно создавать полунезависимые княжества, с правом даже расширять собственные пределы, и не подчинить их, хотя бы только для объединения деятельности, одному центральному учреждению.

Избиение младенцев, происходившее в столицах, скоро отразилось и на действовавших в деревнях народниках. Заметно уменьшился приток новых деятелей на помощь к уже поселившимся. Одни погибли во время Варфоломеевских ночей, повторенных Дрентельном, другие были увлечены неизбежной борьбой с правительством, которое, как видно, было намерено зараз покончить не только с радикалами, но и с передовой интеллигенцией и молодежью, из которой они выходили. Ощущали деревенские поселенцы недостаток и в материальных средствах, уходивших на ту же городскую борьбу. Даже сношения города с деревней вследствие тех же причин сделались реже и приняли случайный характер. Все это было бы не так чувствительно, если бы, во-первых, в деревнях уже было столько людей, что от них могла бы отделиться часть для деятельности среди провинциального общества, а, во-вторых, поселения и местные группы просуществовали бы достаточно долго и успели аклиматизироваться настолько, чтобы добывать на месте средства, необходимые для продолжения и расширения работы. Но провинциальные группы так недавно организовались, что не упрочили достаточно своего положения и требовали поддержки от центра. Центр же по своему положению, деятельности и связям, лучше других видел необходимость сопротивляться усилиям правительства и не мог оказывать прежней помощи провинциальным группам. Мало-по-малу положение их делалось таким, при котором многие необходимые предприятия не могли быть осуществлены; ожидавшие в провинциальных городах деревенских мест стали нуждаться в средствах для жизни и принуждены были брать места в тех же городах; одним словом, появилось много тормозящих препятствий. К этому еще присоединилось несколько провинциальных погромов и то обстоятельство, что некоторые, из предназначивших себя к деятельности среди народа, должны были отказаться от нее, по недостатку здоровья или умения

приспособиться к предстоящей роли. В общем здесь представлялась следующая картина. Наиболее способные и сильные люди имели положительный и быстрый успех. Приобретенное ими выгодное положение среди народа побуждало группы делать усилия к поддержанию и расширению поселений. Другие, несмотря на свое желание, сразу оказались предназначенными судьбою не для деревни, и затраты на их непродолжительное поселение были непроизводительны. Группы, увлеченные успехом первых, с самыми радужными надеждами смотрели на свою дальнейшую деятельность и требовали поддержки. Для них, удаленных от городских событий, вся деятельность партии обусловливалась успехом в народе; увлечение городскою борьбою им казалось ошибкою, последствия которой тормозят их начинания. Действительность же давала себя чувствовать. Недостаток в средствах и людях был на-лицо, а от времени до времени и до них долетал гром столичной борьбы, достигали потрясающие известия, заставлявшие сильнее стучать сердца, а некоторых уноситься помыслами и желаниями туда, где братья и товарищи неустрашимо боролись. По таким побуждениям оставил деревню Квятковский, где он успешно занимался развозным торгом. А Соловьев после 4 августа стал останавливаться на мысли о самопожертвовании, как можно было заключить из его рассказов. Вообще все эти обстоятельства к весне 1879 года привели многих в Петербург. Сознавалась всеми потребность обсуждения положения партии, силою вещей приведенной к борьбе, которая ранее ставилась на второй план. Результаты правительственных репрессий побуждали многих призадуматься,—возможно ли при таком истреблении интеллигенции надеяться на необходимое количественное увеличение борющихся сил, возможно ли игнорировать усилия остановить прогресс свободной общественной мысли и политической зрелости? Казалось невозможным не противодействовать насильственному возвращению России к мертвому николаевскому периоду. Более всего эта политика регресса пугала тем, что она не ограничивала своего действия миром свободомыслящих людей, а распространяла его и на всю Россию, на общество и народ. Если принять во внимание продолжавшееся уже несколько лет постепенное урезывание реформ и усиление административного произвола, прибавить к этому экстренные меры 1878 и 1879 года, ограничение суда присяжных, давление на прессу, военное положение со своими дворниками, переписями, ревизиями паспортов и административными высылками, а в заключение всего ряд виселиц, то неудивительно, что на борьбу с виновником всего этого многие стали смотреть не только как на необходимый ответ на самые жестокие гонения, но и как на избавление родины от тирании, остановившей на непределенное время ее общественное развитие. Сообразно с этими мыслями, видоизменился и взгляд на программу деятельности. В 1877 году народники установили принципы и наметили приемы и средства, которыми надеялись помочь народу приобресть

самодержавие, принадлежащее ему по историческому прошлому и по праву свободы человеческой личности и общественного договора. Для этой цели они селились в народе и создавали в нем оппозицию, которая бы постепенным давлением на правительство или революцией добилась народоправления и социальной реформы. В 1879 году, остановленные в своей деревенской работе и видя невозможность расширения ее, народники остались верны главной цели — освобождению народа, но, сообразно с усилиями противника, изменили план борьбы. Они решились главные свои силы употребить на прямую борьбу с абсолютным монархическим принципом и с олицетворявшим его центральным правительством. Победа их и даже сама успешная борьба всколыхнула бы народ и доставила бы ему верховную власть. Средством борьбы должен был служить не один террор, — как средства намечались многообразные действия. Они указаны в программе Исполнительного Комитета. Но террор считался как одно из главных средств. Известно, что эта программа получила определенность на двух съездах лета 1879 года. С бесповоротной решимостью вступили на новый путь народники, получившие теперь название народовольцев, по выбранному ими новому лозунгу. Действительное положение вещей было так очевидно, что не могло породить ни малейшего колебания. Последующие события подтверждают это. А между тем не один с грустью вспоминал о деревенской жизни и деятельности, к которой почти все питали глубокие симпатии. В ней лежал путь к свободе, в ней же находили и личное удовлетворение в братстве с народом. И действительно, у одной части народников, хотя и небольшой, эти старые симпатии пересилили, и они, несмотря ни на что, продолжали лелеять надежды на возможность продолжения работы в прежнем направлении. Но, по малочисленности, они принуждены были остаться в столице, и их постигла печальная участь: одни погибли без борьбы, другие, избегая этого конца, разбрелись в разные стороны, подальше от этого нового „погибельного Кавказа“.

Западно-европейские социалисты, пользуясь свободными политическими учреждениями, забыли времена абсолютных империй и монархий; в то же время видя, что свобода не исцеляет социальных недугов, они в большинстве придают слишком малое значение политическим реформам. Русские социалисты долго смотрели теми же глазами на политические вопросы. Но если наши западные братья имеют основание игнорировать политические формы, то мы в нашей обиженной историей родине не одной тысячей жертв поплатились за подобное отношение к существующему правлению. Но действительность неумолимо разрушает и видоизменяет теории, построенные не на народной почве. При приложении к жизни неосуществимость их обнаруживается. Так русские социалисты от коллективизма, стройной научной теории, путем горьких разочарований, жертв и тяжелых страданий пришли к народничеству. И это не означает

неверности первой теории. Нет, строй коллективного пользования орудиями труда есть прямой наследник буржуазно-капиталистического строя. Но у нас в России он пока только отдаленный идеал и в этом смысле должен входить в программу. Жизнь же выдвигает на первый план вопрос о земле, без которой русскому народу будущее сулит голод, нищету и рабство. Фабричный вопрос для нас вопрос будущего. К такому выводу пришли не одни народники, это теперь доказано литературою с статистической определенностью и несомненностью. Таким же путем жизненной логики пришли народники и к иному взгляду на демократические учреждения. До последней возможности они устремляли свое внимание и усилия на разрешение аграрного вопроса. Вместе с социальной революцией необходимо должен был пасть и порядок, поддерживающий существующий экономический строй. Однако, как ни уклонялись русские социалисты в продолжение почти восьми лет от столкновения с централизованным политическим строем, как ни пугала их возможность быстрого роста буржуазии, а с нею и всех зол капиталистического строя, при конституционном правлении, в конце концов оказалось необходимым выдвинуть на первый план политическую свободу и народоправление. В таком постепенном видоизменении направления русских социалистов нельзя не видеть национализирования их идей. Выступив с светлой теорией против нищеты и порабощения народа, они борьбою и обстоятельствами были приведены к определению, существеннейшей в данный момент истории, потребности своей родины: политические права народу, с помощью их он себя устроит. Это лозунг уже не социалиста только, а всякого развитого и честного русского гражданина, а потому, нет сомнения, им определяется для России ближайший шаг прогресса. Десять лет реформ ныне уже прошедшего царствования ясно доказали, что правительство не может или не хочет создать народу сколько-нибудь сносное положение. Мало того, подавая вынужденную милостыню, в виде каких-либо улучшений, оно вслед за тем, как бы пугаясь своей щедрости, старается ограничить права пользования ею. Такого смысла реформ нельзя скрыть, и русская интеллигенция оценила их сообразно с их последствиями. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть литературу по этому предмету. Несмотря на некоторые улучшения в области суда, земства, печати и финансов и на личную свободу крестьян, положение этих последних, 80 миллионов населения, самое критическое; во многих местах оно хуже, чем при крепостном праве, в большинстве случаев не лучше [1]). Такой результат реформ и их 20-летнего действия констатирован статистическими данными правительственных комиссий!! Не в праве ли мы после этого надеяться только на самоустроение народа и добиваться верховных

---

[1]) Комиссии податная и для исследования сельского хозяйства. Результаты их исследования.—*Примечание А. Д. Михайлова.*

прав для него?! Или ожидать полного разорения народного хозяйства и государственного банкротства?!

Какими же средствами могла располагать партия, хотя и не признанная правительством, но фактически существующая, для достижения того, в чем она видела свое призвание? Были ли у ней другие пути, кроме того, которым она пошла? Представляла ли родная жизнь возможность иного направления ее высоких стремлений? Нет!... Прежде чем начать кровавую борьбу, социалисты испробовали все средства, какими пользуются на Западе политические партии. Но за проповедь их карали каторгой, за книги—тюрьмой и ссылкой. Всякого сближающегося с народом преследовали, как неблагонамеренного; закрыли народную школу для образованных учителей и т. д. Преградили все пути, забывая, что, когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки. Истребили революцию, вооруженную словом, и вызвали этим против себя другую, противопоставившую усилиям врага динамит. Даже врагу было бы непростительно думать, что социалисты по кровожадности и бесчеловечности пустили в ход это последнее средство. Да не посмеет никто обвинить тех в грубости сердца, кто жертвует собою ради облегчения людских страданий. Только одна печальная и неизбежная необходимость вложила в руки их эту разрушительную силу. Только все заграждающее препятствие вызвало эту необходимость. Только беспощадное истребление всего свободного и идейно-честного создало эту необходимость. Покуда оно существует, борьба партии с правительством будет иметь характер войны, а война выдвигает на сцену и эту ужасную силу на-ряду с виселицей... Всею душою и всем сердцем моим желаю, чтобы поскорее путь мирной гражданской работы был обеспечен нашей родине. С этого желанного момента партия „Народной Воли“ навсегда оставит путь кровавой борьбы. Пусть сильные мира поймут, что на родине нашей проснулись—

Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти—дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!..

(Некрасов).

1881 г. 7 июля.

На этом кончаю. Когда мне станут известны результаты следствия по всему нашему делу, то, может быть, дополню фактическую сторону показаний. Дворянин *Александр Дмитриев Михайлов.*

Заметка о суде.

А. Д. Михайлов, после ареста, содержался 14 месяцев в Петропавловской крепости в ожидании суда. Наконец этот суд был назначен на 9 февраля 1882 г. и продолжался в течение шести дней (до 15-го).

То был третий процесс народовольцев [1]) и известен под названием процесса 20-ти. Кроме Михайлова, судились 10 членов Исполнительного Комитета „Народной Воли“, можно сказать, весь цвет его: Фроленко, Тригони, Баранников, Суханов, Колоткевич, Исаев, Лебедева, Якимова, Ланганс, Морозов и агент комитета—Клеточников, оберегавший партию от зловредной работы III Отделения и Департамента полиции. Остальными подсудимыми были: Терентьева, Емельянов, Тетерка, Арончик, Л. Златопольский, член московской группы—Фриденсон, Люстиг и продавшийся правительству Меркулов—все жертвы предателя Окладского, который был осужден по делу 16-ти, но после суда, а, может быть, еще и до него, изменил партии.

Дело рассматривалось Особым присутствием сената в том же зале Окружного суда, в котором с 1877 г., обыкновенно, происходили политические процессы того времени. Первоприсутствующим был сенатор Дейер, а обвинителем—будущий министр юстиции—Н. В. Муравьев, обвинявший Желябова и Перовскую на процессе 1 марта.

Заседания, по постановлению Особого присутствия, должны были происходить при закрытых дверях. Присутствовали лишь немногие высокопоставленные лица, как министр внутренних дел—Игнатьев, министр юстиции—Набоков, полицеймейстер Баранов, адъютант Александра III Чингис-Хан и некоторые другие; из частных лиц была допущена жена Муравьева, а из родственников подсудимых, имевших право быть на суде, воспользовались этим правом человека 2—3. Родные Михайлова отсутствовали.

Разбору подлежали самые громкие революционные выступления целого пятилетия (1878—1882 гг.): дело об убийстве шефа жандармов Мезенцова; покушение Соловьева 2 апреля на жизнь Александра II; подкоп под Херсонское казначейство; три покушения на

---

[1]) Первым был процесс 16-ти в 1880 г. (Квятковский, Ширяев и др.). Вторым—процесс первомартовцев 1881 года (Желябов, Перовская и др.).

жизнь Александра II в 1879 г.: в Одессе, под Александровском и под Москвой; покушение 5 февраля 1880 г. (взрыв в Зимнем дворце); покушение весной 1880 г. в Одессе и летом того же года под Каменным мостом в Петербуге; подкоп под Кишиневское казначейство; дело 1 марта 1881 г. Последним обвинительным пунктом была „помощь" партии „Народной Воли" (обвинялся Люстиг).

Одного этого перечня достаточно, чтобы показать громадное значение и интерес этого политического дела. Рассматривались факты, волновавшие не только Россию, но возбуждавшие живейшее внимание Европы и Америки. Но двери суда были закрыты: ни русские, ни иностранные корреспонденты не были допущены. Дело доходило до того, что, по свидетельству „Былого" (№ 4), издававшегося В. Бурцевым за границей, иностранные корреспонденты „Times'a" и „Herald'a" во избежание задержания телеграмм, посылали их с курьерами в Тильзит или Берлин, и уже оттуда депеши передавались по назначению. Русская пресса молчала—она была лишена всякой возможности сообщать что-либо о деле. В легальных органах было перепечатано лишь официальное сообщение о процессе из „Правительственного Вестника" № 40 от 21 февраля (5 марта) 1882 г. Единственным источником сведений являлось нелегальное издание партийной типографии: „Прибавление к № 8—9 „Народной Воли", которым пользовались, как заграничное „Былое" Бурцева в статье „Процесс 20-ти", так и русское „Былое" в статье „Процесс 20-ти народовольцев в 1882 году" (январь 1906 г.), в которой есть прямая ссылка на это „Прибавление" [1]). В сохранившемся в ленинградском Историко-революционном архиве официальном протоколе о судебном заседании по делу 20-ти, кроме обвинительного акта и № 40 „Правит. Вестника" с официальным сообщением о процессе, содержится лишь сжатое описание хода заседаний суда без изложения речей, объяснений и реплик, как подсудимых, так и защитников [2]).

В виду изложенного, все объяснения Михайлова на суде взяты для этой книги из „Прибавления к № 8—9 „Народной Воли", которое и до сих пор остается первоисточником [3]).

Прежде чем перейти к этим „объяснениям" нелишнее остановить внимание читателя на некоторых чертах процесса, глубоко возмущавших как подсудимых, так и защитников [4]).

---

[1]) В той же книжке „Былого" впервые был напечатан обвинительный акт по процессу—„Былое" 1906, № 1, с. 228—284.

[2]) Дело Особого присутствия сената 1881 г., № 45.

[3]) Текст „Прибавления" напечатан в книге: „Литература социально-революционной партии „Народной Воли". Изд. партии социалистов-революционеров. 1905 г.; см. тоже—„Литература партии „Народной Воли", под ред. В. Я. Богучарского. Париж, 1905, с. 570—591.

[4]) Подробности о процессе взяты частью из „Прибавления", частью из № 4 „Былого", издававшегося за границей В. Л. Бурцевым; см. русское переиздание.—Рост.-на-Дону, 1906, выпуск 1-й (1900—1902 гг.), с. 66—118.

Уже в самом начале первого заседания, когда обвиняемые вошли в сопровождении жандармов с саблями наголо, некоторые из них пробовали сделать заявление суду, но Дейер прервал их возгласом: „После, после! теперь не время!“ „Мы хотим заявить относительно самого суда“—послышались голоса подсудимых, которые хотели заявить протест против суда Особого присутствия и требовать суда присяжных.

— Никаких заявлений и относительно суда!—отрезал первоприсутствующий.

Тогда встал Михайлов, чтобы говорить от лица всех.

— Вы не уполномочены! не имеете права заявлять от имени всех,—остановил его Дейер.

— Я буду говорить от себя,—заявляет Михайлов, но получает в ответ: „И от себя нельзя! Еще раз повторяю: никаких заявлений!!“

Во время продолжительного чтения обвинительного акта подсудимые шопотом начинают говорить между собой. „Молчать!“—слышится окрик председательствующего, и следует целый ряд грубых замечаний то одному, то другому: „Не умеете себя держать...!“ „Вы не дома!“ и т. п. И, обращаясь к Баранникову, который знаком просил передать ему обвинительный акт: „Подсудимый! Никаких знаков делать я не позволяю! Если это повторится—вы будете удалены из зала“... и т. д.

В один из перерывов защитнику Арончика, в виду распоряжения Дейера, отказывают в свидании наедине с клиентом.

— Я руководился желанием поддержать честь адвокатуры,—говорит Дейер в объяснение по этому поводу,—так как до меня дошло, что некоторые гг. защитники позволили себе во время свиданий с подсудимыми сообщать им то, что происходит в их отсутствие [1]).

Отповедь на это нарушение элементарных прав защиты дал защитник Люстига—Герард.

— Что касается чести адвокатуры,—сказал он,—то мы просили бы позволения нам самим заботиться об этом. Что же до того, что мы сообщаем подсудимым то, что происходит в их отсутствие, то, прежде всего, я позволю себе выразить удивление, каким образом г. первоприсутствующему стало известно содержание наших разговоров, происходивших с глазу на глаз.

— Это все равно, откуда я узнал,—говорит Дейер.—Этого могло и не быть. Я только говорю, что это нежелательно.

— Затем,—продолжает Герард,—я позволю себе обратить внимание первоприсутствующего на то, что закон обязывает самого председателя суда сообщать подсудимому все, что происходило во время его отсутствия. Тем более эта обязанность лежит на защитнике, и, если это мы делали, то только исполняли закон.

---

[1]) Надо заметить, что отсутствие было вынужденное, так как подсудимые были разделены на группы и вызывались на допрос по этим группам или поодиночке, смотря по предмету обвинения.





После невразумительного бормотания Дейер заявляет: „Во всяком случае распоряжение, основанное на 569 ст. Уг. Суд., остается в силе“.

Тогда Спасович, защищавший Тригони, просит позволения видеться со своим клиентом по поводу вещественных доказательств, без чего будет лишен возможности поставить как следует свою защиту. „Я вам разрешаю“—говорит Дейер, принужденный сдаться. Потом и другие защитники выставляют мотивированные требования свидания с подсудимыми, и на другой день председателю приходится формально снять запрещение.

Но все превзойдено грубой дерзостью Дейера по отношению к рабочему—Тетерке, который признал себя „террористом“. На вопрос: „Какой же работой ты занимался?“ Тетерка сказал: „Всякой, какая придется“. После чего наглый Дейер спрашивает: „А убивать можешь?“

„Я еще никого не убивал“,—скромно отпарировал Тетерка [1]).

В процессе 20-ти первенствующее значение, несомненно, имел А. Михайлов. Он был центром внимания как со стороны судей, так и со стороны всех присутствовавших. Его объяснения, спокойствие, с которым он говорил и держал себя от начала до конца, необыкновенная выдержка в каждом слове, жесте, в каждом обращении к суду—все действовало импонирующим образом. В своих выступлениях он являлся выразителем идей „Народной Воли“ и воплощением мужественной последовательности, прямоты и решимости нести все последствия своей деятельности, и его поведение давало тон поведению всех остальных товарищей. Защитники были под полным обаянием его личности, и, по рассказам, Спасович, перед которым на протяжении 13 лет проходили все крупные деятели больших процессов, говорил, что никто не производил на него такого сильного впечатления, как Михайлов. Письмо защитника Михайлова—Е. И. Кедрина к отцу Александра Дмитриевича, помещенное в этой книге, свидетельствует о столь же высокой оценке его.

Суд приговорил десять человек, в том числе и Михайлова, к смертной казни. Виктор Гюго во французской газете с ужасом говорил о 10 новых виселицах...

25 февраля приговор был объявлен в окончательной форме, и подсудимым предоставлен 2-недельный срок для подачи кассационных жалоб. Но ни один не воспользовался этим правом, потому что защитникам было отказано видеться по поводу этих жалоб наедине с осужденными. Только защитник Клеточникова, присяжный пове-

[1]) Эти подробности взяты из № 4 заграничного „Былого“.

ренный Михайлов, подал ее, но никто из осужденных не присоединился к ней. Да защитникам, в самом начале, было дано понять, что никакого пересмотра дела не будет.

Из десяти приговоренных к смерти царь помиловал девять человек. Он не построил, как боялся Гюго, 10 виселиц вдобавок к пяти, воздвигнутым в апреле 1881 г. в память отца. Девяти осужденным, между ними и Михайлову, смертная казнь была заменена каторгой без срока, а Суханов, которому виселицу царь заменил расстрелом, был, как флотский офицер, казнен в Кронштадте на поучение Балтийскому флоту, в котором он служил. Остальных царь отправил умирать медленной смертью в тайниках Петропавловской крепости.

Вера Фигнер.

Объяснения Александра Михайлова на суде [1].

Пред объяснениями по делу 2 апреля [2]), Михайлов заявил, что защищаться не намерен, так как суд лишен гласности и общества, а примет участие в судебном следствии лишь для того, чтобы по мере сил способствовать восстановлению исторической истины. Прежде объяснений потребовал прочтения уличающих оговоров Гольденберга и других уже осужденных в процессе 16 лиц. Ему сначала отказали, предложив изложить как было дело, довольствуясь выдержками из показаний, приведенных в обвинительном акте. Но Михайлов дать объяснения отказался, прибавив, что извлечение каждый делает с своей точки зрения и сообразно с своими интересами. Так как перед этим Терентьева совсем отказалась давать показания в отсутствии товарищей и Михайлов склонен был к тому же, то судьи, поговорив между собой, уступили и прочли для него одного все показания, относящиеся к делу 2 апреля. Михайлов не отказался участвовать по группам в судебном следствии по следующим причинам: во-1) Баранников раньше, по делу 4 августа [3]), тоже один давал объяснения, во-2) судебное следствие по группам начато было совершенно неожиданно, и не было никакой возможности регулировать общего поведения. По прочтении Михайлову показаний, он спросил суд, не было ли сделано относительно ведения судебного следствия каких-либо постановлений, и, получив отрицательный ответ: „Не было никаких“ (суд имеет право по закону делить на группы), начал свой рассказ о Соловьевском деле. Сущность состояла в следующем: В феврале месяце 1879 г. он встретился с Соловьевым, возвратившимся из народа [4]) с самыми радужными воспоминаниями о нем и с жаждой принести для него великую жертву. Он задумал цареубийство. До 1879 г. социально-революционная партия стремилась про-

---

[1]) Все объяснения А. Михайлова на суде перепечатаны из Прибавления к № 8—9 „Народной Воли“.

[2]) Покушение А. К. Соловьева на Александра II.

[3]) Убийство шефа жандармов Мезенцева. Участие А. Михайлова в этом деле обнаружено не было и при судебном разбирательстве его имя не упоминалось. Но он был в то время центральным лицом „Земли и Воли“ и главным организатором этого акта, а во время совершения его находился на Михайловской площади для наблюдения за исполнением.—*В. Ф.*

[4]) Из Саратовской губ., Бузулукского уезда.—*В. Ф.*

водить свои идеи в народе и уклонялась от всякой борьбы с правительством даже и тогда, когда встречала его на своем пути, как врага. Но постепенно репрессалии правительства обостряли враждебность отношений к нему партии и довели, наконец, до решительных столкновений. Особенно в этом отношении повлияла погибель 70 человек в тюрьмах, во время дознания по делу 193-х, по которому было арестовано более 700 человек, а потом отменено ходатайство суда по этому же делу для 12 человек. Главным виновником считался Мезенцев, за что он и погиб. После него деятельность шефа жандармов Дрентельна, выразившаяся в самых широких погромах, высылках, преследованиях молодежи и т. д., обрушившихся на те сферы, откуда партия черпает новые силы, побудила последнюю померяться с новым шефом.

Так завязалась борьба с правительством, которая, в силу централизованности правительственной машины и единого санкционирующего начала—неограниченной власти царя,—неминуемо привела к столкновению с этим началом. Так, в 1879 г. революционная мысль единиц уже работала в этом направлении, и одним из таких был Соловьев—натура чрезвычайно глубокая, ищущая великого дела, дела, которое зараз подвинуло бы значительно вперед к счастью судьбу народа. Он видел возможность такого шага вперед в цареубийстве. По приезде, не найдя в СПБ. никого из своих близких знакомых, кроме меня, в зная, что я близко стою к органу партии „Земля и Воля", он иткрыл мне свою душу. Я в то время не составил еще себе полооительного мнения по этому вопросу, но и моя мысль уже работала ж этом направлении. Поэтому я не стал его разубеждать, имея в виду, кроме того, что раз составившееся его решение поколебать невозможно. Мало того, я считал себя обязанным помочь ему, если это будет нужно. Через несколько дней после откровенной беседы, Александр Константинович попросил достать ему яду; я обещал это сделать, но многочисленные занятия помешали мне исполнить его просьбу. Своего намерения совершить покушение Соловьев в то время еще не приурочивал к определенному моменту, а потому, будучи свободен, помогал мне в некоторых делах. Так прошло более месяца: совершилось удачное крапоткинское дело [1]) и неудачное покушение на Дрентельна, и страсти враждебных лагерей достигли наибольшего напряжения. В средине марта приехал в СПБ. Гольденберг, нашел меня и Зунделевича и сообщил нам о своем намерении также итти на единоборство с Александром II. Я видел, что Гольденберг сильно ажитирован своим успехом в Харькове, но что, несмотря на это, он нуждается в некотором давлении, одобрении со стороны товарищей. Узнав от него о цели приезда, я не стал распространяться с ним

[1]) Убийство Гольденбергом губернатора в Харькове — Крапоткина за избиение харьковских студентов и жестокое обращение с заключенными в харьковских централах.—*В. Ф.*

о подробностях и при первом же случае сообщил о нем Соловьеву. Соловьев пожелал с ним видеться и говорить. Беседа должна была быть, сообразно с важностью дела, в высшей степени интимна, а они один другого не знали. Поэтому я, Зунделевич и Квятковский сочли своим долгом быть посредниками между ними, своею близостью к обоим придать встрече характер задушевности и вместе с тем высказать наши мнения, которые были далеко небезынтересны тому и другому. И действительно вскоре состоялось несколько сходок в трактирах. Разговоры на них были оживленные, теоретически вопрос обсуждался всеми нами; но мы—посредники—старались избегать давления на тех, для кого это было вопросом жизни и смерти. Мы трое в то время еще не были приготовлены к самопожертвованию и чувствовали это. Сознание такого нашего положения между двумя обрекавшими себя отнимало у нас всякую нравственную возможность принять участие в выборе того или другого. Мы предоставили вполне избрание их свободному соглашению. Я не могу не сознаться однако, что несколько не доверял решимости Гольденберга и глубине его мотивов. Александру Константиновичу же я безотчетно верил и считал, что только такой человек может возложить на свои плечи подобный подвиг. Выяснены были совместно свойства и условия, необходимые для исполнителя. Поставлено было на вид, что необходимо избегать возможности дать повод правительству обрушиться своими репрессалиями на какое-либо сословие или национальность. Обыкновенно правительство после таких событий ищет солидарности между виновником и средой, из которой он вышел. С еврея и поляка [1]) перенесли бы обвинение на национальную вражду, и на голову целых миллионов упали бы новые тяжести.

Соловьев особенно принял к сердцу это соображение. Оно побудило его покончить дело бесповоротным решением, навсегда памятными словами: „Нет, только я удовлетворяю всем условиям. Мне необходимо итти. Это мое дело Александр II мой, и я его никому не уступлю". И Гольденберг, и мы не сказали ни слова. Гольденберг, очевидно, почувствовал силу нравственного превосходства и уступил без спора; он только просил, чтобы Соловьев взял его, как помощника. Но условия единоборства, при которых возможно было действовать только моментально, и всякое лишнее лицо могло возбудить подозрение, побудили Александра Константиновича отвергнуть это предложение. Время, место и способ совершения покушения помогли Соловьеву обойтись без всякой серьезной нашей помощи.

По делу 19 ноября [2]) Михайлов, признав свое участие, дал мало разнящиеся объяснения от показаний Гольденберга и других, но указал признаки субъективности и забывчивости первого.

---

[1]) Намек на Кобылянского, который одновременно с Соловьевым и Гольденбергом предлагал себя исполнителем покушения на жизнь Александра II.—*В. Ф.*

[2]) Взрыв царского поезда под Москвою.

Так Гольденберг говорит, что он привез полтора пуда динамита из Харькова в Москву, между тем как на самом деле этого не было: в Москву был доставлен динамит из СПБ. Далее, Гольденберг утверждает, что предполагали провести, кроме перпендикулярной галлереи, еще параллельную рельсам под полотном дороги. Это, очевидно, его собственное предположение, так как проведение такой галлереи, было немыслимо: при 20 саженях длины первой галлереи, во вторую, расположенную под прямым углом к первой, не мог бы свободно проникать воздух, даже при существовании вентиляции. Такое обстоятельство легко предвидеть заранее всякому, сколько-нибудь знакомому с техникой работы. Михайлов заявил, что он принял участие в этом деле по распоряжению Исполнительного Комитета, как о том сказано в акте.

17 февраля. — О мостовом предприятии [1]) Михайлов сделал объяснение в таком смысле, что непосредственного участия в закладке мины и технических работах не принимал. Далее опровергал показания Меркулова допросом Тетерки и других товарищей и сопоставлением противоречивых объяснений самого Меркулова. В конце следствия по этому делу, когда первоприсутствующий хотел уже удалить подсудимых, Михайлов заявил, что он опровергал Меркулова, не желая приписывать себе чужого риска и чужих усилий, но считает долгом объявить, что о приготовлении покушения он знал. Несмотря на такое заявление, суд по этому делу его оправдал.

Судебное следствие о сообществе началось с Михайлова, так что его объяснения невольно дали тон остальным подсудимым. Михайлов полагает, что очертил верно с программой цели, задачи и средства партии и организацию „Народной Воли". Вообще он говорил, руководясь предварительно намеченным планом. О сообществе он сказал приблизительно следующее:

Я член партии и организации „Народной Воли". Формулу, в которую заключил г. обвинитель нашу партию, считаю неверной, что и постараюсь доказать своими объяснениями.

К лету 1879 г. многие отдельные члены русской социально-революционной партии, под влиянием условий русской жизни и репрессивного давления правительства, приведены были к мысли о необходимости некоторых изменений в программах, до того времени руководивших практической деятельностью партии. Влияние действительности было так характерно и одноименно, что скорое стала чувствоваться потребность объединения, выдвигаемого жизнью нового направления. Единомыслие отдельных членов различных кружков, разбросанных по всей России, вследствие их постоянного общения между собою, тотчас же и обнаружилось и привело в июне 1879 г. многих из них в Липецк, где и состоялся таким образом съезд известного числа членов социально-революционной партии. Его нельзя считать

[1]) Покушение на взрыв Каменного моста на Гороховой улице.

общим съездом всей партии, как то делает обвинительный акт. Результаты его были также не те, которые приводит обвинитель, основываясь на показаниях Гольденберга. На заседаниях Липецкого съезда, продолжавшихся от 17 до 21 июня, была выработана, во-первых, программа нового направления; во-вторых, были установлены принципы и средства деятельности; в-третьих, самый факт съезда санкционировал первый момент существования партии „Народной Воли" и выделение ее из социально-революционной партии. Программа, начерченная здесь, определяла следующее: общая цель была поставлена—народоправление, переход верховной власти в руки народа. Задача партии — способствовать переходу и упрочению верховной власти в руках народа. Что касается средств, то все собравшиеся единодушно высказались за предпочтительность мирной идейной борьбы; но тщетно напрягали они свои умственные силы, чтобы найти при существующем строе какую-либо возможность легальной деятельности, направленной к вышеозначенной цели. Таких путей не оказалось. Тогда, в силу неизбежной необходимости, избран был революционный путь, намечены революционные средства. Решено было начать борьбу с правительством, отрицающим идею народоправления безусловно и всецело. Борьба должна была вестись силами партии „Народной Воли" и ее организации, при желательном содействии народа и общества. В главные средства включено было и цареубийство, но не как личная месть тому или другому императору, а непременно в связи с другими главными средствами. Другие главные средства определены следующие (перечислены по пунктам все средства программы Исполн. Комитета) [1]). Революционный путь постановлено было оставить, как только откроется возможность приблизиться к цели посредством свободной проповеди, свободных собраний, свободной печати.

Практически вопрос о цареубийстве, как то утверждает Гольденберг, на Липецком съезде не обсуждался, а также не было общих разговоров о ближайших предприятиях против Александра II. Гольденберг придал совершенно неверную окраску всему съезду. Он выдвигает на первый план цареубийство. На обсуждении практических средств, ведущих к нему, по его показаниям, сосредоточивалось все внимание собравшихся. Причина такой характеристики опять же постоянный субъективизм этого умершего свидетеля, усиленный в данном случае еще тем впечатлением, какое произвела на него неудача 2 апреля и смерть Соловьева. Он был поглощен мыслью о необходимости последовательного повторения покушений; для него не было других целей, других средств. Вообще надо иметь в виду, что мы все смотрели на Гольденберга, как на преданного делу че-

[1]) 1) деятельность пропагаторская и агитационная: 2) деятельность разрушительная и террористическая; 3) организация тайных обществ и сплочение их вокруг центра; 4) приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе; 5) организация и совершение переворота; 6) избирательная агитация при созвании Учредительного Собрания.

ловека и хорошего исполнителя, но считали его недостаточно образованным и подготовленным для обсуждения общих программных вопросов. Попал он на съезд случайно, по ошибке, столь возможной при первых шагах выделяющейся партии. Как доказательство, могу привести следующий факт. После Липецкого съезда, как вам известно, через несколько дней в Воронеже было общее собрание членов общества „Земли и Воли“. Организационные правила этого общества дали возможность землевольцам, присутствовавшим в Липецке, провести многих из бывших с ними там в члены общества и на Воронежский съезд, где также должен был обсуждаться дальнейший путь деятельности общества. Были проведены Желябов, Ширяев и др., но по отношению к Гольденбергу не считали нужным этого сделать и таким образом спасли десятки людей от его оговоров. Переданный Гольденбергом так подробно организационный проект есть отчасти его собственные соображения, а с другой стороны—соображения кого-либо из бывших на съезде, высказанные ему в частных, личных с ним объяснениях. На самом же деле организация „Народной Воли“ была результатом деятельности конца 1879 и начала 1880 г.г. Об Исполнительном же Комитете, руководителе и центре организации „Народной Воли“, я не могу ничего сказать, кроме того, что это учреждение неуловимое, недосягаемое.

Первоприсутствующий. Значит, вы отрицаете то, что вы были избраны в распорядительную комиссию?

Михайлов. Безусловно отрицаю и утверждаю, что я только агент Исполнительного Комитета. Таким образом последствием Липецкого съезда было выделение из социально-революционной партии — как совокупности всех социалистических групп—„Народной Воли“, с определенной практической программой.

Понятие о социально-революционной партии невозможно смешивать, как то делает г. прокурор в своей формуле сообщества, с партией, а тем более с организацией „Народной Воли“. На социально-революционную партию ни в каком случае не могут падать правительственные обвинения в стремлении ее к цареубийству, так как оно допускается, как средство, партией „Народной Воли“, в которую, должен впрочем заметить, вошла большая часть социально-революционной партии. Поэтому ко всей социально-революционной партии в широком смысле нет никаких оснований применять 241 и 249 ст. ул. о нак. Кроме того, необходимо различать понятие о партии от понятия об организации. Партия — это неопределенная группа людей единомыслящих, не связанных между собой никакими взаимными обязательствами. Организация же, кроме непременного условия единомыслия, предполагает уже известную замкнутость, тесную сплоченность и полную обязательность отношений. Партия заключает в себе организацию, но последняя определенно ограничена и в ней самой.

Партия — это солидарность мысли, организация — солидарность действия. Я утверждаю, что формулу со-

общества, приведенную в обвинительном акте, и соответствующие ей статьи о смертной казни можно применить только к тем, по отношению к которым будет доказана или ими самими признана принадлежность к организации „Народной Воли.“ Вот все, что я могу сказать вам, гг. судьи, о партии и организации, к которой принадлежу.

18 февраля. — Я считаю нужным восстановить истину относительно последствий задержания меня 28 ноября 1880 г. и дознания по этому поводу. Обвинительный акт говорит, что уже это дознание обнаружило приготовление к новому покушению, выразившемуся потом в деле 1 марта. Это совершенно неверно. Ни обыск, ни мои показания не дали таких указаний. Правда, у меня был найден динамит, но динамит организация имеет постоянно, как одно из орудий оборонительной и наступательной борьбы, точно так же, как револьверы и другое оружие. При том же динамит найден у меня в свободной форме, в банках, а не в каких-либо нужных технических приспособлениях. Что же касается моих показаний, то как теперь перед вами, так и при дознании,—я давал объяснения о себе лично и о партии вообще, личность же товарищей и организационные тайны я обходил глубоким молчанием. Между прочим замечу, что товарищ прокурора Добржинский в личных беседах со мною очень интересовался вопросом, приготовляет ли партия что-либо против Александра II и в каких формах. Но я мог удовлетворить его любопытству уж слишком в общем смысле. Я ему ответил, что погибель отдельных лиц не может изменить направления партии. Только новые условия государственной и общественной жизни создадут и новое направление ее. А приемы и способы борьбы неисчерпаемы в той же мере, как и безгранична изобретательность человеческого ума.

Далее на вопрос первоприсутствующего о сношениях с Дриго, Михайлов рассказал следующее:

Дмитрий Андреевич Лизогуб был членом общества „Земли и Воли“, в котором с конца 1876 года до лета 1879 года действовал и я. Лизогуб имел большое состояние, простиравшееся до 150 тысяч. Оно состояло из различных ценностей: земли, лесов, крепостных актов на братьев, векселей и других бумаг. Свободных же денег у Лизогуба почти не было. Будучи принят в члены действующего революционного общества и желая лично участвовать в различных предприятиях, он, чтобы освободиться от связывающего ему руки состояния, совершил ряд операций, долженствующих все перевести на наличные деньги. Но такое большое и разнообразное состояние сразу ликвидировать было невозможно. Самый короткий срок, необходимый для этого, растягивался на 4 года, от 1878 до 1881 включительно. Первый год поступления чистых сумм имели быть небольшие, приблизительно тысяч 20, но с каждым годом они увеличивались, и в последний 1881 г. должно было получиться 50 тыс. Но судьба погубила Лизогуба. В сентябре 1878 г. он был арестован

в Одессе. На него пал оговор Веледницкого, состоящий в том, что Лизогуб дает деньги на революционные предприятия и, кроме того, взял от Веледницкого вексель в 3 тысячи, которые последний обещался пожертвовать на дело социально-революционной партии. Находясь в заключении, Лизогуб дал полную доверенность преданному ему человеку, знающему вместе с тем положение хозяйственных дел Лизогуба, с тем, чтобы поверенный поспешил ликвидировать его состояние. Этот поверенный был Дриго. Весной 1879 г., когда надо было спешить приведением к концу, или по крайней мере обеспечением денежных операций, я встретился с Дриго, как рекомендованный самим Лизогубом и Зунделевичем представителем общества „Земли и Воли“. Я видел, что он совершенно игнорирует наши интересы, и его самого мало беспокоит положение Лизогуба, тогда уже грозившее серьезными последствиями. Он на словах старался меня успокоить, говоря, что все, сообразно завету Лизогуба, будет сделано через несколько месяцев. Дел же и мероприятий его я не видел, и он их старался скрыть. Я его посетил в продолжение мая и июня несколько раз, но никакого движения операций не замечал и денег от него не мог добиться, кроме ничтожных сотен. А между тем, сведения, собранные мною в Черниговской губ. от посторонних лиц, разоблачали то что он тщательно скрывал. Я узнал, что Дриго вошел в стачку со старшим братом Лизогуба, враждебно к последнему настроенным, и обращает вместе с ним состояние Дмитрия Андреевича в личную их собственность. Так Дриго купил на свое имя у старшего брата имение Довжик, стоимостью в 40 тыс., не заплатив ни копейки, но уничтожив многие акты Д. Лизогуба на брата. Я немедленно отправился в Одессу, снесся с заключенным Лизогубом и получил от него письмо к Дриго, уполномачивающее меня получить все состояние. В письме Лизогуб настойчиво требовал от Дриго передачи мне всех денежных сумм и кроме того обязывал его неуклонно действовать по моиму казаниям. „В противном случае,—писал он,—я сочту вас вероломно злоупотребившим моей дружбой и присвоившим чужую собственность, на которую вы не имели никакого права“. С этим письмом я отправился в последний раз к Дриго, но на этот раз он понял, что для его собственного обеспечения — ему нужно отделаться от меня. С последним моим к нему приездом совпала (20 июня 1879 г.) какая-то не вполне разъясненная история. На следующий день моего приезда в Чернигов, после того, как я побывал в городской квартире Дриго и не застал его там, он был арестован в своем новом имени Довжике, привезен в город и сейчас же выпущен. С некоторыми предосторожностями, я успел с ним увидаться, передал ему на словах содержание письма Лизогуба, а он мне рассказал, что поводом к его аресту послужила телеграмма Тотлебена о выяснении отношений Лизогуба к поверенному Дриго. При этой встрече на улице мы не могли долго беседовать, а потому он назначил мне вечером прийти к его одному знакомому, что я и исполнил. Мне пришлось ждать его

там долго. Наконец явился Дриго, взволнованный, и объявил, что к нему приезжал полициймейстер и, войдя в комнату, прямо обратился к нему с вопросом: „Кто у вас был сейчас?“ На что он ответил: „Никого“. Передав мне этот случай, Дриго прибавил, что вопрос относился, очевидно, ко мне и что я должен уехать. Я согласился, но попросил Дриго предварительно прийти вечером на площадь против почтовой станции, где я остановился, для окончательных объяснений. Назначение этого свидания спасло меня от предательства: в то время, как я под покровом прекрасной летней ночи, незаметно для посторонних, гулял на пустынной загородной площади, мое внимание было привлечено неожиданным приездом на станцию многочисленной полицейской своры. Через несколько минут все скрылось в здании, и экипажи были спрятаны в отдалении, в сумраке ночи. Это быстро пронесшееся видение открыло мне глаза: я видел, что предан и обнаружен. Оставшись среди ночи без квартиры и знакомых, в мало известном мне городе, я успел разыскать одного еврея-извозчика и выехал к ближайшей станции железной дороги. Предательство Дриго на этот раз не удалось. Он пошел дальше. Он заключил, как я узнал впоследствии, с III Отделением условие, по которому он обязался способствовать разысканию известных ему социалистов, а III Отделение обещало оставить ему состояние Лизогуба. Дриго старательно выполнял свое обязательство, как агент III Отделения, но III Отделение изменило ему так же вероломно, как он изменил Лизогубу, и отдало его, по миновании в нем надобности, в руки военного суда, продержав предварительно более полугода под арестом.

От защитительной речи Михайлов воздержался и ограничился заявлением Особому присутствию, где объясняет мотивы, делающие, по его мнению, бесполезною всякую защиту. Вот это заявление:

Мы, члены партии и организации „Народной Воли“. Деятельность нашу—вы, гг. судьи, призваны рассмотреть. Борьба сделала нас личными врагами государя императора. Воля государя, воля оскорбленного сына, вручила своим доверенным слугам—вам гг., сенаторы,—меч Немезиды. Где же залог беспристрастного правосудия? Где посредник, к которому мы могли бы апеллировать? Где общество, где гласность, которые помогли бы выяснить отношения враждующих? Их нет, и двери закрыты!! И мы с вами, гг. судьи, наедине!! Как бы почтительно я ни относился к вам, гг. сенаторы, но перед судом Особого присутствия я чувствую себя пленником, связанным по рукам и ногам.

Отдел IV

ПЕРЕПИСКА и ДОКУМЕНТЫ

К письмам А. Д. Михайлова.

Из всего, что сохранилось и дошло до нас из написанного А. Д. Михайловым, его письма имеют совершенно исключительную ценность как с чисто человеческой, так и с революционной точки зрения. К сожалению, это достояние нашего революционного движения очень невелико: как уже отмечено во вступительной статье А. П. Корба, их всего шестнадцать.

Большинство из них появляется в литературе не в первый раз: они печатались в разное время в „Былом": в 1907, 1917, 1918 и 1924 гг. И все читавшие единогласно признавали, что письма производят сильнейшее впечатление. Теперь они собраны и, собранные, приобретают еще бо̀льшее значение.

Из 16-ти только четыре относятся к 1881 году — одно из них представляет набросок автобиографии, несколько отличающейся в своих подробностях от автобиографии, помещенной выше (стр. 39—53). Два письма обращены к отцу и матери; от родных они и получены. Зная отношения между ними и Михайловым, кажется невероятным, чтобы только эти два и были посланы им в 1881 году. Быть может, все другие остались в их руках и, как семейная драгоценность, хранятся и теперь в провинции, вместо того, чтоб сделаться общим достоянием.

Гораздо бо̀льшую, можно сказать, несравнимую важность, чем эти письма, имеет ряд остальных, написанных в самые торжественные для каждого революционера дни суда и приговора.

Из двенадцати таких писем четыре обращены к товарищам и написаны в феврале 1882 г., когда во время суда Михайлов находился в Доме предварительного заключения. Членам Исполнительного Комитета „Народной Воли" они были переданы конспиративным путем [1]). Там же в Д. П. З., написано и „Завещание" — это последнее обращение к нам, и получено оно тем же путем. Затем, когда смертный приговор был объявлен в окончательной форме, Михайлов и другие осу-

[1]) До 1924 года они хранились у меня и получила я их после выхода из Шлиссельбурга, когда была за границей. Их передала мне Г. К. Чернявская-Бохановская в Женеве, взяв из хранившихся у нее документов Исполнительного Комитета „Народной Воли". Я отослала их А. П. Корба, которая и опубликовала их в № 24 „Былого" (1924 г.). Оригиналы хранятся в Ленинградском Революционном Музее.

жденные переведены в Петропавловскую крепость, чтоб из нее выйти только для того, чтоб подняться на ступени эшафота, он лихорадочно спешит воспользоваться остающимися днями жизни, чтоб послать „последние“ слова своим горячо любимым близким. Он пишет 3 марта, пишет 10 [1]), 11 [2]), 14, 15, пишет 17, 18 и 20... И в этих письмах, в ожидании конца, в напряжении всех духовных сил, возбужденно звучит его голос, и отчеканивается картина последних ночей и ожидания последнего дня.

Удивительная участь постигла эти мартовские письма. Они уцелели, можно сказать, чудом: ни одно из них не было передано по назначению; Департамент полиции похоронил их у себя в архиве. В архиве их нашел Б. И. Николаевский и, на-ряду с письмами других судившихся по процессу 20-ти и испытавших ту же участь, как и Михайлов, напечатал в „Былом“ № 4—5, 1918 г. под выразительным заглавием: „Кладбище писем“.

Эти письма от 10, 14, 15, 17, 18 и 20 марта и теперь хранятся Ленинградском Ист.-Рев. Архиве в особом пакете, в папке, на которой стоят многозначительные слова: *хранить всегда* [3]).

Не сказалось ли в этом бессознательное уважение к „последним“ словам тех, кто был осужден и должен был погибнуть. Не было ли это предвидением, что когда-нибудь, в отдаленом будущем, наступит время, и вдохновенная речь революционера, сбросив узы, которыми их опутали полицейскиие опасения, выйдет из тайников царских застенков, выйдет свежая, сильная, чистая, чтоб громко зазвучать для всех?

Скрытые от всех глаз, письма лежали в своем бумажном гробу целые 43 года. Но эти 43 года прошли — письма воскресли, вышли на свет и вдохновенно говорят во всеуслышание.

В. Фигнер.

---

[1]) Письмо от 11-го, очевидно, было передано родным, так как доставили его они.

[2]) Было и письмо от 5-го, о котором упоминает Михайлов, но никаких следов его нет.

[3]) Письмо от 3 марта хранится отдельно, в конверте, в деле Департамента полиции, 3 делопроизводство — о предании суду членов террористической фракции социально-революционной партии,—Колоткевиче, Михайлове, Тригони, Баранникове и других 1882 г., № 20. Л. 73.

нія слезы и боль сердца и все, все, въ
чемъ выражаются душевныя страда-
нія и я былъ бы раздавленъ личнымъ
горемъ, если бы не то, къ чему Вы
предлагаете отнестись съ раскаяніемъ
и сожалѣніемъ. Нѣтъ, мои милые,
я отдалъ искренно, убѣжденно, вполнѣ
все что имѣлъ моему Богу и не
раскаиваюсь, не сожалѣю. Такова
ужъ моя натура — я не могу отдавать
вполовину. Соотвѣтственно этому я
нынѣ чувствую полное нравственное
удовлетвореніе, дѣлающее меня
сильнымъ переносить все. Не личныя
страданія людей опредѣляютъ вѣрность
или ошибочность избраннаго человѣкомъ
пути, а свободное общественное мнѣ-
ніе и еще совершеннѣе судъ исторіи.
Мои поступки осуждены — я понесу
наказаніе, но дѣло перейдетъ въ выс-
шую инстанцію и мое убѣжденіе
дѣлаетъ меня спокойнымъ. Если я
ошибался, то во всякомъ случаѣ ~~заплатилъ~~ тѣмъ, что
только можно взять у человѣка.

Буду на дняхъ писать еще. Если не пропустятъ послѣднихъ писемъ, на душу ляжетъ тяжелый грѣхъ.

ПИСЬМА К РОДНЫМ.

К родным [1]).

СПБ. 1881 г., 29 января.

Дорогие мои! Не знаю получили ли вы мое письмо от 14-го января. Я, кажется, никогда не научусь писать казенные письма, а потому не знаю, будут ли проходить чрез цензуру благополучно послания, в которых невольно отражается часть моего внутреннего мира. Ваше маленькое письмецо (открытое) я получил. Оно было адресовано неправильно. Письмо должно пройти чрез несколько рук, пока, наконец, попадет к коменданту, а потому вы адресуйте прокурору Судебной палаты для передачи мне или в III Отделение, т.-е, я ошибся . . . . в Департамент государственной полиции на мое имя.

Вы, мои милые, хлопочете о свидании со мною; вы, дорогие, остались для этого здесь. Тысячу раз благодарю за любовь, которую я, может быть, у вас не заслужил. Но как мне не любить вас сильно, горячо, когда я вам так много обязан от начала и до конца. Вы дали мне жизнь и вместе с тем положили основание тех чувств, которые освящают человека на служение великой идее. С самого раннего детства я научился от вас любить ближнего и помогать ему. Истинно-христианское, нелицемерное, не фарисейское воспитание согрело в моем сердце любовь великого учителя. Помню и никогда не забуду, как в спальне, при свете лампады, после детской молитвы, я слушал ваши рассказы о Страдальце за грехи мира и глубоко западали они в детскую чуткую душу. Не заботясь о себе, своем здоровье и покое, вы отдавали себя нам всецело и видя ваши заботы, я стал понимать цель жизни, посвященной для других. Ваше гуманное, редкое в окружающей среде, отношение к людям ниже стоящим, как к равным, с детства приучило меня признавать за всеми права человека.

Вы не желали коверкать моей натуры, моих способностей и призвания и дали значительную свободу, когда я вступил в юношеский возраст. Это давало мне неоцененное свойство самостоятельности и самобытности. Из семьи я вынес только одно искреннее, чистое, хорошее. Как мало в русском обществе людей, которые могли бы

[1]) Перепечатывается из журнала „Былое“ 1907, кн. 2, стр. 121 — 122.

с такой благодарностью вспоминать о семье. За все это я могу только горячо любить вас и глубоко уважать. Если за последние несколько лет я был оторванным от семьи, то не думайте, дорогие, что я забыл ее. О, нет! В этот период времени я не принадлежал себе. Время, силы и способности, т.-е. весь я поглощен был служением тому, что выше личных страстей и семейных привязанностей. Но и в это время, когда все, кроме возвышенной цели и стремления к ней, исчезает и теряется, я часто вспоминал о своей дорогой родной семье; будучи вполне счастлив в своей жизни и деятельности, я желал столь полного же счастья и вам, мои дорогие. . . . .

. . . .

Родным [1]).

22-го февраля 1881 года
С. П. Б.

. . . .

Всесильный гений увлек меня от вас, и разошлись наши дороги в этом мире горя и страданий, но чувства мои, — любовь к семье и семейной жизни навсегда остались во мне и сохранили в душе моей живое и сильное сродство с милым родственным кругом. Высокие общественные идеалы, руководящие деятельностью человека, не могут потушить те глубоко сокрытые огоньки, которые с самого детства загораются, сосредоточивая в себе чистые, сильные и естественные привязанности. Когда жизнь горячо и страстно возбуждает в нем общественные чувства, эти внутренние огоньки теряются в пламенных стремлениях. Но когда он оторван от жизни, все нити, связывающие его с миром ему подобных, перерезаны, он уходит в самого себя. Его тяготят и давят мрачные и тесные своды, заменившие ему жизнь между людьми, и уходит он от тяжелых, гнетущих впечатлений в свой внутренний мир и замыкается в нем. Тут еще живы отражения жизни, здесь сосредоточены привязанности и идеалы. Этот мир — сокровищница всей жизни. В ней для него отрада, источник силы и утешения. Семейные привязанности выделяются из других его чувств, так как с ними связаны живые и дорогие образы, более близкие, чем другие . . . .
. . . . я же доволен своей прошлой деятельностью и не раскаиваюсь в ней, потому что действовал по глубокому внутреннему убеждению, побуждаемый самой искренней любовью к своей родине. Прав ли я был, действуя так, или ошибался, — это покажет будущее . . . .

. . . .

---

[1]) Перепечатывается из той же книги „Былого“, стр. 122.

Матери и отцу [1]).

1882 год, 3 марта.
С.-Петербургская Крепость.

Дорогие мои, много и много любимые! Горячая любовь и столь же горячее желание утешить вас, мои любые, утешить не словами, а духовным своим состоянием, не изображением невозможного благополучия, а действительным своим отношением к будущему, уже столь близкому, рождает во мне желание писать вам много и долго. Письмо ваше, милый и добрый Папа, от 21 февраля получил сегодня и рад был ему особенно, так как давно уж не имел от вас вестей, а они мне теперь особенно интересны и дороги потому, что меня наиболее мучит ваше положение, горе столь любимых людей. Своей судьбе, если позволит скромность, я могу улыбаться даже. Она приносит мне великое нравственное удовлетворение, я читаю в ее приговоре много отрадного, успокаивающего, искупающего часы душевных страданий. Я доволен своим положением, хотя оно ни с какой точки зрения не может быть названо легким. Доволен потому, что им удовлетворяются самые глубокие стремления души, в нем находят исход сокровенные силы ее. И это не слова, — в такие минуты я не стану говорить то, что не соответствует самым точным образом душевному моему настроению, в чем не отражаются вполне стимулы его. Зато другое меня мучит. Мучит то, что вы, любимые мною и может быть еще более любящие меня, не можете понять того, что меня облегчает, что дает мне силу и бодрость, что облегчило бы хотя сколько-нибудь, и ваше горе. Из вашего письма я вижу даже, что поддерживающее меня, вас еще более огорчает. Я не могу желать, чтобы вы оправдали мои поступки, для этого мы слишком различные люди, слишком далеко отстоят наши мировоззрения одно от другого, но мне бы хотелось, чтобы вы поняли побудительные мотивы, и уже это одно значительно облегчило бы ваше горе. Вы хорошо сделали, что не приехали, когда вас вызывала Кленя, и избавились от лишних беспокойств и трат, но с другой стороны, очень может быть, что и на вас свидания со мною подействовали бы так же успокоительно, как и на Кленю, Фаню и тетю. Правда, мне не легки были бы мимолетные свидания с вами, драгоценные Папа и Мама, —

[1]) Архив Департамента полиции, 3 делопр., 1882 года, № 20. О предании суду членов террористической фракции русской социально-революционной партии Колоткевича, Михайлова, Тригони, Баранникова и др., л. 73.

я чувствую и с острой болью сознаю непрестанно, какие раны нанес я вам, и как много вы имеете права на меня. Я надеюсь, что даже рассказы сестры и брата о мне и о суде много успокоят вас. Вы убедитесь, что вам не пришлось бы краснеть за меня, будучи на суде, ибо человеческого достоинства, убеждения и совести моей ни малейшим пятном не могли очернить никакие обвинения, как доказанные, так [и] взводимые. Приговор мог поразить вас, но одного взгляда на меня достаточно было бы для вашего утешения. Для меня, как и для большинства подсудимых, он заранее и давно жданный. С ним я жил все время заключения, да к нему привык и на воле еще. Мы не дети, каждый из нас идет с открытыми глазами. Вот истинная причина того поражающего зрителей спокойствия при самых потрясающих обстоятельствах, которое имело место по отношению к подсудимым, в том числе и ко мне, в нашем процессе. Это же действительная причина бодрости и силы, с которой надеюсь, встретим и более тяжелые часы. Черпайте же, мои милые, мои родные, сколько возможно, утешения в моем спокойствии, в готовности ко всему. Не знаю как вам, мне же это служило бы большим успокоением, примиряло бы с неизбежной действительностью, если бы такая судьба выпала на долю моего сына. Не думайте, что я не понимаю родительских чувств. О, нет! Было действительно время, время молодости, когда я не умел ценить их, не мог измерять их во всей глубине и силе. Но это время прошло давно. Теперь я не тот человек. Душу и сердце, как свое, так и других, я привык анализировать во всей сложности их деятельности, в самой высшей напряженности и страстности их процессов. Я понимаю ваше горе, вашу потерю. Мало того, оно отражается во мне болью, сжимающею сердце. Я сам люблю много и сильно. Разлуку я чувствую всем существом своим, она, угрожая быть вечной, заставляет безразлично относиться к будущему. И вот, сознавая ваше горе неутешное, страдая от этого сознания, мучительно чувствуя, что наступил час страшной разлуки со всем, что привязывает меня к жизни, что наполняло ее и что дороже самой жизни, – подавляемый такими тяжестями, я обращаю взоры на прошлую жизнь и нахожу в ней столь светлые утешения, много столь полного значения, что те ощущения, которых с избытком довольно, чтобы разбить всю душу человека, становятся выносимыми и даже в общем не лишают душевного покоя. Вы видите, мои милые, мои дорогие, что ваши слезы, слезы других любимых людей вызывают у меня такие же горючие слезы и боль сердца и все, все, в чем выражаются душевные страдания, и я был бы раздавлен личным горем, если бы не то, к чему вы предлагаете отнестись с раскаянием и сожалением. Нет, мои любые, я отдал искренно, убежденно, веруя, все, что имел, моему богу и не раскаиваюсь, не сожалею. Такова уж моя натура, — я не могу отдаваться в половину. Соответственно этому я ныне чувствую и полное нравственное удовлетворение, делающее меня сильным переносить все. Не личные стра-

дания людей определяют верность или ошибочность избранного человеком пути, а свободное общественное мнение и еще совершеннее суд истории. Мои поступки осуждены, — я понесу наказание, но дело перейдет в высшую инстанцию, и мое убеждение делает меня спокойным. Если я ошибался, то во всяком случае плачу тем, что только можно взять у человека. Вы сожалеете, мои родные, что я сбился с большой дороги. Позвольте, милые, напомнить вам слова великого законодателя нравственности и любви, в которого вы глубоко верите, слова о широком и тесном путях. Не все идут большими торными дорогами, идут некоторые и тесными тернистыми дорогами. — Милые, много любимые, что скажу вам еще?! Столько раз во всех своих письмах я говорил о своей любви, о своей благодарности, о сознании того, как бесконечно обязан я вам и своей природой, и воспитанием, и образованием. Как и чем могу благодарить вас за это? Чем могу выразить горячую любовь свою? Этими бледными письмами, этими сотнями слов? Горько, горько — ничем! Даже утешить не имею возможности!! Даже не могу высказать все: могут не пропустить и этих, льющихся из души, слов сына к отцу, может быть, последних слов. О, дорогие! О, родные! Как крепко и жарко поцеловал бы вас, обнял бы вас. Простите же меня за все. *А. Михайлов.*

Свидания с тетей, Кленей и Фаней принесли мне неоценимые радости. Теперь нас перевели в крепость и вот уже неделя, не имею с ними свиданья.

Буду на-днях писать еще. Если не пропустят последних писем, — на душу их ляжет тяжелый грех.

Сестрам и брату [1]).

10 марта 1882 года. С.-Петербургская Крепость

Дорогие и милые сестры мои и брат! Обнимаю вас, родные мои, и крепко, горячо целую. Если это последний привет мой вам, то пусть он оставит навсегда воспоминание о любви искренней и глубокой. Жизнь вдали от вас, интересы, чуждые интересам семьи, не охладили привязанностей детства и юности. Да и могло ли быть иначе! Воспоминания о семье, о детстве всегда говорят мне о счастливом, давно прошедшем времени. В них столько мира, любви, дружбы, тихих радостей, что уже по одному этому люди, с кото-

[1]) Архив Департамента полиции, часть секретаря, 1882 г., № 77. Об исполнении приговора Особ. Прис. Правит. Сената по делу о 20 лицах, обвинявшихся в государственных преступлениях, и по письмам их, л. 61.

рыми связано столь светлое прошлое, навсегда дороги сердцу. Помимо этого, кровные чувства всегда сильны были во мне. Знайте же, милые, что много и сильно люблю вас. На свое горе ясно сознаю, как мало я принес своей семье, вам, мои родные, радостей, как мало служил ей своими силами, своими способностями. Особенно я считаю себя виноватым пред вами, любые мои, Клава и Анюта, и не могу себе простить того, что я не оказал вам, по легкомыслию молодости, помощи своими знаниями в те периоды, когда мог это сделать. Я виню себя в этом без милости. Только ваша любовь может извинить меня, но и она не снимет с меня горького упрека. Существует только одно незначительное, смягчающее мою вину, обстоятельство. Гимназическая жизнь чрезвычайно тяготила меня своими тесными рамками. И вот бывало, когда на время вырвешься из нее, то не знаешь, что и делать от радости. Всего поглощает свободная жизнь, неотразимо влечет на лоно любимой природы, упиваешься поэзией охоты и путешествий. Не хватало силы воли принудить себя взяться за учебники. К тому же я испытывал себя в роли школьного учителя в среде староверов и не могу не признать себя плохим педагогом. Нет никакой любви к этому делу. Но все это мало оправдывает меня. По долгу и по чувствам любви, я обязан был при всякой возможности делиться с вами, мои милые, всеми своими знаниями. К сожалению, прошлого не воротишь. По свойствам своего характера я не был расположен к внешнему проявлению слишком большой нежности к близким людям, но вы всегда встречали ровное сердечно-теплое расположение с моей стороны, ясно знаменующее такие же чувства. С ними не могли быть связаны страстные или порывистые излияния сердца, любящего вас глубоко и спокойно. Когда случалось необдуманно обижать или огорчать вас, всегда вслед за тем являлось самое мучительное раскаяние, терзавшее меня самого, вызывавшее еще более нежные чувства к вам. Когда же, во время моей общественной деятельности, силою убеждений и обстоятельств, приходилось причинять страдания своей семье, то они отражались такою же болью в моей душе и положили там не один неизгладимый след. Особенно памятны мне минуты прощанья в 1877 году, в августе месяце, когда я, прогостивши дома один день, после годичной и почти безвестной разлуки, опять уезжал в Москву для отбывания ополченской повинности. Папа и Мама знали, что я ни в каком случае на войну солдатом итти не желаю, знали они также и мой характер и понимали, что, если я уклоняюсь от войны, то, значит, меня поглотило какое-либо другое дело, вполне отвечающее моим общественным стремлениям. Их родительское сердце подсказывало им, что с того дня они не могут рассчитывать на меня, что теряют меня. Любовь не позволяла им предвидеть будущее, да у них и не было никаких данных для этого, но чуткое сердце пророчило горе. О, не могу вспомнить без душевного трепета и слез этого прощания. Я не рыдал тогда потому, что рыдали они... Это рождало мужество и желание

своим спокойствием утешить. Но когда кровные узы с отчаянной болью порвались, и я очутился в дороге, покинул родное гнездо навсегда, и оно скрылось из виду, чтобы никогда более не показываться, я чувствовал себя окаменевшим. Ни сознания, ни ощущений! Какой-то туман перед глазами. Все нервы в эти минуты отказались служить. Но моменты невольного и страшного покоя прошли. Здоровый и свежий воздух осеннего утра воскресил деятельность духа, как живая восстала сцена разлуки, и те же болезненные звуки и любимые образы... Настали горчайшие мучения... Прошло четыре с половиной года и какие года . . но и волны кипучей жизни не смыли ни на иоту тех ужасных впечатлений. И теперь воспоминание о них до глубины взволновало мою душу. Как большинство других глубочайших душевных движений, так и перечувствованное в то роковое утро я никому из людей не открывал. Но теперь, хотя в бледных и немногих чертах, передаю вам, мои дорогие, чтобы вы могли приблизиться к пониманию, чего мне стоило оторвать себя от семьи, от вас, мои любые.

Знаю, сестры и брат, что и вы меня любите. Это вы доказали мне тысячи раз и в важных случаях жизни, и в мелочах. Потому я и обращаюсь с последними моими желаниями и чувствами к вам, милые, откровенно и с надеждой, что вы примите во внимание их. Главное и сильнейшее мое желание — облегчить Папе и Маме обрушившееся на них горе — только вы и можете исполнить. Берегите их, развлекайте, утешайте, не оставляйте их одних в деревне, пока они не освоятся, не привыкнут к тому, что нельзя изменить и в чем можно даже находить и проблески непосредственного утешения. Не давайте им уходить в глубь себя, замыкаться. В их лета такое состояние чрезвычайно опасно для здоровья. Пусть не бросают хозяйства; напротив убеждайте их расширить его, хотя временно. Это даст возможность им убивать деятельно время. Старайтесь, чтобы их мысли и чувства чаще останавливались на вас, на вашей дальнейшей судьбе, чтобы они ясно ощутили (именно ощутили, почувствовали, а не поняли), что они нужны для вас, что их счастье может быть связано с вашей будущностью. Это последнее может быть чрезвычайно действительным средством. Стройте с ними различные планы своей будущей деятельности. Ведь и на самом деле вам, милые Клава и Анюта, необходимо приобресть самостоятельное положение. Ведь у вас нет сколько-нибудь достаточного обеспечения, кроме своих головы и рук. Теперь, по многим причинам, как нельзя более кстати поднять этот вопрос, чтобы к осени решить его окончательно. Весну же и лето я хотел бы, чтобы в деревне кто-либо из вас жил вместе с ними, а Кленя отпустит туда же своих голубят нежных. Так устроились бы к общему благополучию, пользе и здоровью.

Милые мои сестры и брат, если любите меня сильно, то пусть эта любовь и моя равно глубокая привязанность ко всем вам будет залогом вашей семейной дружбы навсегда. Если одному из вас судьба пошлет

счастье, делите плоды его между собою поровну. Разлагайте также и бремя несчастья, и наверное в общем вы все будете вдвое счастливее. Экономистский закон в принципе приложим и в этом случае, ибо счастливому (если он не грубый эгоист) приятно услаждать жизнь близких людей; с другой же стороны, нет такого несчастья, которое бы в значительной мере не могло быть уменьшено участием и помощью. Только беспомощность и одиночество отравляют жизнь людям. Вот мой завет вам. Примите, если любите. — Расцелуйте за меня горячо те очи, которые долго будут лить горькие слезы! Высушите их своими поцелуями. Я не могу этого сделать, не могу, не могу!!... Передайте мой сердечный привет всем родным поименно (мысленно я всех перечисляю, но здесь места нет), передайте поцелуй друзьям детства, поклон знакомым и всем, всем искреннее желание „доли". Осыпаю вас, родные, милые, дорогие Кленя, Анюта, Клава и Фаня, поцелуями жаркими, жаркими без числа и меры...

Ваш брат и друг до конца и там, и там... *А. Михайлов.*

Что спокоен я, это вы знаете. Люблю твоих детей, Кленя, как своих. Прижимаю птенцов к своему сердцу и благословляю.

Адрес: Ее Высокоблагородию Екатерине Николаевне Вербицкой для Клеопатры Дмитриевны Безменовой (урожд. Михайловой).

Родным [1]).

11—3 1882 г.

Милые и родные мои! Всех вас обнимаю и прижимаю к сердцу, бьющемуся горячей любовью. Чувствуйте вечно огонь последнего поцелуя, силу последних объятий. Любовь к своей честной и доброй семье всегда была для меня священна. Сознаю, что многими самыми ценными своими свойствами, я вполне обязан ей; я не только получил счастливую и чистую природу от родителей, но и счастливое благотворное воспитание. Оно развило и укрепило врожденные добрые чувства. Благословляю за это вас всех. Пусть наградит вас судьба. Простите милые, что отдал себя не вам, а идее. Скажу словами поэта — „Есть времена, есть целые века, в которые нет ничего достойнее и краше тернового венка". Поймите это и оправдайте. Во всяком случае знайте, что до конца буду честным, достойным уважения человеком. Это для

[1]) Этот отрывок письма был доставлен родными, и письмо было единственным пропущенным за весь период. — Перепечатывается из журн. „Былое" 1907, кн. 2, стр. 122—123. *В. Ф.*

меня великое утешение, но смею уверить и вас, дорогие, также в том, что я сын, достойный вашей любви. Пусть это утешит вас. Любовь ваша ко мне и мои горячие чувства побуждают меня высказать свои последние веления, сердце подсказывает, что они будут исполнены . . . .

Е. И. Кедрину [1]).

С. П. Крепость, 14 марта 1882 года.

Многоуважаемый Евгений Иванович! В вечер нашего последнего свидания, 11 марта, предмет беседы был так серьезен и сложен, так быстро и неожиданно наступил час необходимого окончания ее, что мне не удалось принести вам в той мере, в какой хотел бы, своей глубокой сердечной благодарности за оказанную вами помощь. Если она, по конечным результатам, не была плодотворна настолько, насколько в ней проявились благие желания, знания и таланты, то причиной тому безусловно и единственно—я и мое прошлое. Я убежден, что едва ли кто-либо из других защитников был проникнут сознанием долга и чувствами человечности так, как вы. Верьте, я говорю от чистого сердца. В личных отношениях к людям язык мой никогда не поворачивался для лжи и лести. Вы, по всему вероятию, даже при кратковременном нашем знакомстве сами заметили это.

В исходе дела ни вы, ни я не можем пенять на себя. Вы сделали все, что могли. Логикой мысли вы боролись с моими мнениями, испробовали все сильно-действующие на сердце человека средства, а вдобавок вам пришлось еще тратить время и хлопоты для устранения стеснений, создаваемых защите властною рукою. И знаете ли, Евгений Иванович, искренно сознаюсь, что во многих перипетиях нашего процесса вы остались победителем над моей волей. Обстановка, в которой я находился до суда в течение целого года, все совершившееся за последнее время, все перечувствованное накопили в душе не мало жгучего материала, просившего исхода. Своим добрым словом вы нейтрализовали его. Вы помогли мне явиться в последнем акте моей общественной жизни с необходимым спокойствием. В этом великое значение защиты, как для правительственных судебных органов, так и для людей, подлежащих их суровой каре. Но что же вы могли поделать с фактом признания клиентом падающих на него обвинений, с оживленным участием его в судебном следствии. Такое поведение он считал нравственным и общественным долгом, руководясь желанием восстановить историческую правду. Она так необ-

[1]) Архив Департамента полиции, часть секретаря (1882) № 77, л. 61.

ходима там, где страстность и враждебность могут искажать ее, где от искажения проистекают неисчислимые последствия.

Не могу сокрушаться исходом и я. Не могу потому, что все инстинкты и невольные жизненные влечения подавляю трезвым сознанием действительности. Я не могу признать в себе одной только, так называемой, „злой воли“. Если бы это было так, то собственное сознание было бы уже для меня смертным приговором. Но я глубоко понимаю, что являюсь только реагентом процессов общественно-политического роста родины. Вредны они или полезны, это вопрос уже решенный, но, во всяком случае, причины их вне нас, и эти-то, недостаточно раскрытые делом, но могучие пружины общественной жизни и выдавили в известную форму наказуемости волю единиц. Это примиряет со всякими, неизбежными для судьбы отдельных лиц, последствиями. Сожалею об одном, что по независящим от нас обоих обстоятельствам, я не мог, по окончании дела, передать вам подробно и обстоятельно о своей жизни и деятельности, что невозможно было сделать и на суде, по спешности и поверхностности судебного следствия. А мне хотелось бы сделать это потому, что, при существующей форме суда по политическим делам на присяжного защитника невольно смотришь не только, как на одну из заинтересованных сторон, но и как на исповедника совести, стоящего ближе к обществу, чем две другие стороны. Но что же будешь делать! Небывалое стеснение защиты вопиет само за себя.

Мне остается только от глубины души благодарить вас, много, много уважаемый Евгений Иванович, за отношение ко мне и к моему делу. До последнего момента жизни буду с самою горячей признательностью вспоминать о вас. Если бы мои пожелания, во всей их цельности и задушевности, были услышаны судьбой, вы были бы окружены полным счастием. Желаю же вам в жизни всего хорошего!.. Остаюсь глубоко уважающий и навсегда благодарный *А. Михайлов.*

P. S. Я здоров и спокоен. К своей радости имею теперь клочок неба и солнца.

Адрес: Его Высокоблагородию Евгению Ивановичу Кедрину, присяжному поверенному С.-Петербургской Судебн. палаты.

Е. Н. Вербицкой [1]).

15 марта 1882 года. С. П. Крепость.

Добрая и милая сестра Катерина Николаевна! Обнимаю и целую вас горячо. Как жаль, что мы не видались; с вами желал бы проститься, расцеловать и сердечно благодарить за теплое и заботливое

[1]) То же дело, л. 61.

дружеское внимание ваше, моя дорогая, ко мне. Оно тем более драгоценно, что связано с одним из более тяжелых периодов моей жизни. Когда вспомнишь, какую радость приносили мне свидания с вами, как они оживляли меня, хочется броситься вам на шею и осыпать вас самыми горячими поцелуями. Не испытавшему долгого одиночного заключения совершенно непонятна отрада свиданий с родными при той обстановке, при которой они происходят в крепости. У приходящих они, наверное, оставляют неприятное впечатление. Но для заключенного в высшей степени дороги. Ощущения, приносимые ими, близко подходят к тем, когда человека, находившегося долгое время во тьме, осветит теплый и яркий луч солнца. Ведь только в продолжение нескольких минут посмотришь друг на друга да перекинешься несколькими незначительными словами, а между тем на целые дни чувствуешь себя проснувшимся от оцепенения, в которое погружает полное одиночество и замкнутые тесные каменные своды. Свидания с вами, милая, были истинно благодатны для меня. Общественнее меня трудно найти человека,—люди для меня все, без них у меня теряются резоны жизненного процесса. Я не создан для одиночества и не подготовил себя к нему, да и не мог бы подготовить, так как ни философом, ни ученым для одних отвлеченных целей я не в состоянии быть. Год в крепости, несмотря на то, что провел его в непрестанном чтении, кажется мне прожитым во сне. Среди забытья и безразличного состояния в памяти мелькают только тяжелые видения. Такое состояние не отражается на здоровьи, но погружает в сон силы души. И вот здесь-то ниточка жизни, эти редкие и мимолетные свидания от времени до времени пробуждают дремлющие силы и тем спасают от опасных последствий долгого такого состояния. Знаете ли, Катерина Николаевна, благодаря судьбу за все дарованное ею, я особенно счастлив тем, что имею таких искренних и нежных родных друзей, как вы, моя милая. И я высоко ценю ваше внимание, внимание Тети и кровных родных; и тем выше и светлей мне представляются эти симпатии, что никто из вас лично мне не обязан ничем, ничего не сделал я такого, что вызывает заурядные житейские привязанности. И даже, напротив, ревностное служение неведомому и непризнанному богу могло оттолкнуть вас от меня; но этого не произошло, и тем более святыми являются для меня проявления вашего доброго расположения.

Передайте мой привет и поцелуй всей вашей семье. Еще с детства мать поселила во мне привязанность к своему любимому брату, вашему отцу. Я понял и сам родственную доброту дяди Николая Осиповича и всей вашей семьи, когда, в первый приезд в С.-П.Б. неопытным юношей, встретил самый родственный прием и ласку. Чрезвычайно ценю также хлопоты Николая Осиповича в Технологическом институте, при его слабом здоровье и преклонных летах. Целую крепко братьев ваших Александра и Петра. Сожалею, что мало их знаю. Родственные чувства всегда поддерживали влечение

сблизиться с ними. Целую сестер ваших и меньшего брата. Пусть пошлет судьба вам всем высшее земное счастье. Передайте дяде Александру Степановичу мой горячий поцелуй и благодарность за внимание.

Ну, простите и прощайте, моя милая, моя дорогая сестра Катя, моя добрая утешительница. Навсегда ваш, благодарный и любящий, *А. Михайлов.*

Адрес: Екатерине Николаевне Вербицкой.

А. О. Вартановой [1]).

17 марта 1882 года, С. П. Крепость.

Милая, родная Тетя Настенька!

Мои надежды видеть вас еще раз при личном, прощальном свидании, кажется, рушатся. Вторник прошел, и мы не виделись. Сегодняший день обещает быстрый исход нашему положению. И, пожалуй, может быть, завтра еще взглянем друг на друга. Хотелось бы расцеловать вас, моя родная, и брата. Я совершенно в нормальном, спокойном настроении духа. Читаю, пишу письма, а более всего живу мыслью среди любимых людей. Не чувствую страстных жизненных влечений, но и безразличное состояние чуждо моему теперешнему настроению. Нет, я спокоен так, как человек, исполнивший свою работу и не обремененный еще новой. Желаю и надеюсь сохранить такое приятное спокойствие до конца.

Мысль работает над подведением жизненных итогов родственным и личным отношениям. Более общие уже закончены, и результаты их отрадны для меня. Но в сфере родственных отношений не могу чувствовать себя так же приятно. Оказывается, я всем любимым людям обязан и не заплатил с своей стороны почти ничем. Если такое сознание, по причинам глубокой важности, и не служит укором, то, во всяком случае, в нем много невольно скорбного. Так, я вспоминаю, дорогая Тетя, мою и вашу жизнь. В отношениях ваших ко мне — все, все говорит сердцу о самой нежной любви. Двадцать семь лет назад, в первые моменты моей жизни, вы уже играете для меня важную роль. В знаменательном христианском обряде вы даете торжественные обеты быть мне второй матерью. То, что обыкновенно остается простой формальностью, имело для вас буквальное значение. Я был сыном любимой сестры вашей и стал дорог вам. И действительно, почти

---

[1]) То же дело, л. 61.

полжизни я прожил вместе с вами в одном доме, в одной семье. В самых ранних воспоминаниях детства вы стоите на-ряду с матерью. Я помню, что любил вас обоих сильно. Но ласки ваши я помню из более далекого прошлого, чем ласки матери. Эти последние чаще, ординарнее и потому оставляют не такие памятные следы. По всему вероятию, я был сильно отзывчивым к состраданию и впечатлительным ребенком. С поразительной живостью вспоминаю теперь несколько сказок, которые вы мне часто рассказывали. Чувства, вызываемые ими, обстановка встают в воображении, как неделю назад имевшие место, а между тем, мне было тогда не более пяти-семи лет. Помню, мы часто с вами оставались наедине, среди только спустившегося на землю сумрака вечера, в вашей комнате. Вы брали меня на руки, и я весь обращался в слух. Вы рассказывали мне нежным, задушевным голосом о том, как лиса похищала доверчивого петушка у его брата котика и как тот спасал его, о девочке, бежавшей от бабы-яги и др. Хотя эти сказки повторялись изо дня в день, но производили на меня глубочайшее впечатление. Не самый рассказ интересовал меня, а мне любо было представлять себя в положении петуха, уносимого из родного и милого домика, девочки, похищенной бабой-ягой, испытывать их страдание, их отчаяние. Я способен был силой воображения поставить себя на их место и в эти моменты испытывал детски-глубокую тоску и томление, но странно, я чувствовал вместе с тем и наслаждение. Эти фантастические ощущения так были сильны, что из всех ранних детских воспоминаний сохранили наибольшую свежесть. Много других ласк и нежностей ваших мне навсегда памятны. Вообще, с вашей комнатой связаны почти все детские радости. Должно быть, в раннем детстве я чувствительнее все принимал от вас, чем от матери, хотя любил последнюю, конечно, сильнее. Но она иногда наказывала меня, вы же никогда, а это детьми сильно чувствуется. Для меня несомненно, что вы, своим добрым и честным характером, имели большое влияние на образование хороших задатков во мне. С колыбели я был окружен добрыми, честными и справедливыми людьми. Житейская грязь, мелочные чувства, злоба, интрига чужды были нашей семье. Потом, когда я столкнулся с жизнью во всей ее наготе, понял только, что счастлив своей семьей, что она одна из редких русских семей среднего состояния, так как в них, обыкновенно, царит кромешная тьма. Вы самоотверженно способствовали, моя дорогая, укреплению начал, положенных семейною жизнью. Первый год гимназической жизни легко мог бы сильно отрицательно повлиять на меня, попади я одиннадцатилетним мальчиком в большой город, в среду чужих людей прямо из мирной семейной обстановки. Любовь побудила вас ехать со мною. Под вашим крылом я сберег то, что было хорошего во мне, и научился бороться с нечистыми жизненными влияниями. Помощь, оказанная вами при первых шагах моей самостоятельной жизни в положении гимназиста, чрезвычайно велика и имела большое значение для меня. Она под-

готовила к последующей одинокой жизни среди чужих, в Новгород-Северске. Научившись, под вашим руководством, отстаивать свои, ранее приобретенные, понятия, я, хотя и тяготился одиночеством, но не боялся уже его. Среда, тесно связанная с гимназией и учениками, в которую я попал в Новгород Северске, сразу стала для меня антипатична. В ней я не видал ничего похожего на мою семейную жизнь, и вместе с тем она окружала со всех сторон. В нее входили и учителя гимназии, и квартирные хозяева, и товарищи гимназисты. На всех их лежал отпечаток чего-то неприятного, холодного, злого. Я ощущал тяжесть того, что впоследствии ясно понял, чему сознание нашло общие причины. Меня тяготила беспринципность, холодный эгоизм, грубость, бесчеловечность окружавших людей. Плохо бы пришлось, если бы я ранее не сталкивался с чужими людьми, когда жил с вами в Киеве. А теперь я уже умел, до некоторой степени, сравнивать и оценивать свои мысли и поступки с тем, что видел в других. Я понял, что вокруг меня скверная жизнь, от которой надо сторониться. Научился заглядывать в себя и пополнять недостаток хороших людей идеалами. Меня мучила потребность иметь возле себя близкого, хорошего, любимого человека, на котором сосредоточивались бы лучшие чувства и мысли. Но такого не было. И, вот как-то невольно, бессознательно закралась в душу привязанность к образу одной незнакомой девочки, который представлялся мне подобием ангела. Это чистое чувство до некоторой степени заполняло отсутствие близких людей и мирило с жизнью среди недобрых людей и непривлекательных нравов. Оно внесло в тяготившую меня гимназическую жизнь светлую полосу, оно согревало меня в продолжение нескольких лет. Перечувствовав неприятную тяжесть одиночества, я легко принимал к сердцу такое же положение других и стал стремиться облегчать его. Итак, моя милая, вы видите, что поддержка ваша в первый год гимназической жизни поставила меня прочно на почве борьбы с житейской пошлостью, так что и одинокая жизнь потом уже не могла вредно влиять на меня и даже, напротив, пробудила чистые, рыцарские чувства. Надолго нас судьба разлучила после жизни в Киеве, но теперь, в нелегкий период жизни, вы опять стараетесь быть возле меня, хотя сколько-нибудь облегчить мое положение. Милая и дорогая моя, все, что вы сделали для меня, и сердце мое говорят мне, что вы исполнили обет крестной матери в полном и возвышенном смысле. Вы были для меня второю матерью. Но заплатил ли я вам чем-либо?! Я люблю и любил вас сильно—вот и вся моя плата! Но ведь вы приносили для меня жертвы! А я ничего, ничего!! Это горько и больно сознавать!! Одна надежда на вашу святую любовь, которая не требует возмездия. Милая, родная моя, примите горячую любовь и объятия от благодарного племянника и духовного сына. Пусть хотя сколько-нибудь это заплатит за все сделанное вами для меня. Целую бедного Василия Ивановича. От души сожалею о его болезни и желаю выздо-

ровления. Пусть живет еще долго, ведь он молод. Целую же вас, дорогая и милая тетка и мать, крепко, крепко. Весь ваш *Александр Михайлов.*

Целую всех родных и брата. Целую Александра Степановича. Целую Катю и ее семью. Целую Анну и всех сестер.

Адрес: Екатерине Николаевне Вербицкой для Настасии Осиповны Вартановой.

Матери и отцу [1]).

1882 года 18 марта С. П. Крепость.

*М*илые, многолюбимые Папа и Мама. Целую вас много раз, обнимаю с горячей любовью. Умоляю вас во имя всего дорогого, не скучайте, не предавайтесь безнадежной тоске, не надрывайте свои силы. Во имя вашей любви ко мне прошу обратить все сильные чувства и надежды на сестер и брата. Они при вас и имеют бóльшее право на ваше внимание и заботы. Они во много раз более заслуживают памяти о них, чем я. Понимаю, что многолетней кровной привязанности невозможно произвольно вырвать из сердца, но охладите ее более горячими чувствами к другим детям. Это и разумно, и справедливо, и возможно. Вы бы много легче справились с горем, если бы побывали в моем сердце, заглянули в душу. Я знаю, вас более всего мучит мысль, что я страдаю, что я несчастлив. Поверьте, ваше родительское воображение преувеличивает все это по крайней мере в десять раз. Все это время я имел свидания с сестрой, тетей и братом. Они видели меня веселым, здоровым, бодрым. Они приходили со слезами, а уходили со смехом. Они были обрадованы, утешены тем, что видели. Невозможно не верить их общему впечатлению. Раз-два я мог бы еще принять веселый, оживленный вид, но ведь я видался с ними в продолжение этого месяца много раз, выходил к ним иногда, даже не зная, зачем меня вызывают в приемную, и всегда они встречали меня в одном и том же настроении. Конечно, я не скажу, чтобы я был вполне счастлив. Лишение свóбоды—большое горе, разлука с дорогими людьми и друзьями—не меньшее. Но из всех созданий природы, человек—самый переносливый, самый способный сживаться со всякими условиями жизни. Привыкаешь и к неволе, и к одиночеству, так что ни то, ни другое не причиняют постоянных страданий. В моем положении многие горькие чувства затихают скорее, чем при жизни

---

[1]) То же дело, л. 61.

среди людей. Я уверен, что вы мучитесь гораздо более, чем я, и много, много миллионов испытывают на воле более тяжелое положение, чем я в неволе. Если бы не было страданий, зависящих от условий жизни на воле, не было бы и самой неволи. Не смотрите, дорогие, вполне отрицательно на мое положение. Это будет ошибка с вашей стороны. Среди однообразной, бедной радостями жизни, согревают меня блаженные, глубокие чувства; я в них нахожу свое счастье. Душевное спокойствие, отсутствие сомнений и вера в будущее помогают переносить и крупные, и мелкие неудобства и лишения. Давно привык я условия личной жизни отодвигать на второй план и подчинять их высшим внутренним побуждениям. Если я не в разладе с своим внутренним миром, мне легко переносить самые отвратительные условия жизни. Теперь же обстановка, в которой я нахожусь, сравнительно еще очень, очень удовлетворительная. Я не могу пенять на нее ни в каком смысле. Помещение, в котором я живу, хорошее, светлое. Я пользуюсь вдоволь своей провизией, денег имею достаточно. Гуляю каждый день, читаю, пишу письма. Обид никаких не испытываю. Чего же еще более! К будущему, наступит ли оно завтра или через неделю, я совершенно готов. Оно меня не пугает ни мало, что бы ни сулило. Во всяком исходе есть свои приятные стороны. Не скучайте же, мои любые; разве можно убиваться, когда самый предмет горя находится в положении, его удовлетворяющем, в положении, с которым он мирится. Мне неприятно, очень неприятно и больно было вмешательство Папы в мое дело. Но с совершившимся ничего не поделаешь. Да простит вас судьба!—Без числа целую вас, беспредельно любимые. Остаюсь навсегда ваш сын *Александр Михайлов*.

Адрес: Дмитрию Михайловичу Михайлову. Путивль, Курской губ.

Родным [1]).

20 марта 1882 года. С. П. Крепость.

Милые, родные мои! Судьба несколько изменила ожидавшийся мною исход, открыв еще один неизвестной продолжительности, период для моей жизни. Государь своею волею и инициативою, заменил мне смертную казнь бессрочной каторгой. Много ранее получения этого письма весть о совершившемся дойдет до Вас, мои дорогие. Радость ваша будет велика, — Вы так сильно любите меня, так страстно желаете думать о мне, как о живом,—ибо с жизнью вяжутся самые невозможные надежды. Радуюсь и я горячо вашему

[1]) То же дело, л. 61.

утешению. Согласен также что, как нет тьмы без доли света, так нет жизни без проблеска надежд. У Вас, наверное, является справедливое желание знать, как провел я последние дни. Слова „последние дни“ в жизни человека всегда полны рокового значения, хотя очень и очень часто на самом деле эти дни проходят без чего-либо знаменательного для переживавшего их. Для меня последние дни, обратившиеся теперь в преддверие новой сумрачной жизни, также не принесли с собою новых чувств и впечатлений. Что более характерно в них, тем поделюсь с вами.

Вам уже, мои милые, известно, что мысль о возможности близкой смерти мне далеко не нова. Еще на воле для меня, как для большинства из нас, было время сложных душевных процессов, более или менее продолжительных, после которых обыкновенно окончательно складывается человек в таком или ином смысле. Путь, по которому шел я последние два-три года моей общественной деятельности, требует, чтобы предварительно была окончена эта психическая работа. В связи с ней необходимо решаешь и вопрос о своей жизни, решаешь, конечно, в том смысле, что отказываешься от своего „я“ и в настоящем, и в будущем. Вместе с тем приучаешь себя и к мысли о смерти. Каждый случай смерти близких людей, кроме различных других влияний, имеет еще таинственное свойство манить в мир дорогих теней. Кроме сознательных идейных влечений, в душе зарождаются влечения психо-симпатические, глубокие и сильные. Они помогают удивительно примиряться с мыслью о смерти. Примиренный с нею, попал я в условия неволи, и здесь, в продолжение 15 месяцев, успел еще более привыкнуть к ней. Здесь происходили последние процессы борьбы с инстинктами жизни. Особенно памятна мне весна и лето 1881 года. Приходилось побороть врожденную любовь к простору, к свету, к природе, к небу, ясному, голубому небу. Борьба эта не легка! Она, вместе с условиями жизни, сильно расстроила мне нервы, которые не поддавались ничему другому: ни потрясающему горю, ни всеохватывающей радости, ни величайшей опасности. Но наступили осень и зима и принесли мне покой, а с ним возвратилась и упругость нервов. С мыслью о смерти я уже окончательно примирился; все влечения, не соответствующие действительности, наконец, умолкли. Двухмесячный судебный период оживил меня, вызвал все таившиеся нервные силы и чувства. Это счастливое время, я его никогда не забуду. Приятно даже под страхом десяти смертей говорить свободно, исповедать свои убеждения, свою лучшую веру. Приятно спокойно взглянуть в глаза людям, в руках которых твоя участь. Тут есть великое нравственное удовлетворение. Может быть, немногие согласятся со мною, но я готов еще раз отдать жизнь свою за таких несколько дней. Процесс возвратил мне, хотя на короткое время, жизнь полною грудью, всеми силами души, и если бы меня уже не было теперь, я умер бы по-своему счастливым. Поэтому понятно, что я ждал исполнения при-

говора совершенно спокойно. Приближение к роковому дню не изменяло и в малой степени обыкновенного настроения. Даже редко приходило на мысль, что я одной ногой нахожусь в могиле. А когда и думалось об этом, то как-то чересчур по-философски, в духе слов песни: „а смерть придет, помирать будем". Это происходило от привычки к известной мысли. Несколько раз однако возбужденное почему-либо воображение рисовало картину последних часов и минут, картину полную трагизма. Тогда я чувствовал сильный подъем духа, доходивший до экстаза. Теперь это дело прошлое, и я могу сказать, что это в высшей степени блаженное состояние. Особенно ажитированно я провел несколько часов вечера в четверг 18 числа. Мне неизвестно было движение дела о представлении приговора на высочайшее усмотрение. Знал только, что доклад будет в среду, 17 марта. Поэтому я мог предполагать, что исполнение приговора возможно уже с утра четверга. Прошла среда, наступил четверг, но ничто не возбуждало ожидания, да и не было наклонности к нему. Но в течение четверга я решил, что если будет исполнение смертных приговоров, то непременно в пятницу. Решение было чисто логическое, чувства не играли в нем никакой роли. В четверг я написал письмо Папе и Маме, а вечером часов до одиннадцати читал. Потом стал ходить, размышляя, от нечего делать, о завтрашнем дне. Мне странно казалось, что не предлагают священника, ибо, судя по прошлому, это делалось обыкновенно с вечера. „Неужели и завтра не будет исполнения?.. Но тогда когда же будет?!. Неужели в вербную субботу?.." Вообще я не знал, что думать. Постепенно мысли перешли к вероятному завтрашнему печальному кортежу и повели к сильному возбуждению. Я воображал себя среди товарищей, также спокойно смотрящих в очи смерти; мне представлялось мое душевное состояние в самом радужном свете. В ушах звучали те вдохновенные песни, которые певались в кругу друзей. Отрадные картины и милые образы, мелодии и чудные аккорды, оставшиеся в памяти, и, наконец, предстоящее завтра,—все это наполнило душу ярко, живо, предметно. Я чувствовал себя так, как должен чувствовать воин в ночь перед давно желанной битвой. Я находился в состоянии величайшего вдохновения. Порыв души всецело выливался в музыку чувств и звуков. Мне страстно хотелось петь. Мотивы любимых песен невольно переходили в неведомые мелодии, в них отражалось вдохновение. Будь я музыкант, я был бы в те минуты композитором. Такое всеохватывающее и всевластное состояние духа находит не часто и скоро уходит, но его минуты незабвенны. Невольно веришь в присутствие в человеке того огня неба, который самоотверженно похитил Прометей и сообщил людям. В памятный вечер, к часу ночи настал для меня полный покой. Я находил себя готовым к последним минутам, но течение мыслей было самое обыкновенное, приятное и разнообразное. Скоро я лег спать и безмятежно, крепко заснул. Ни снов, ни тревожных пробуждений, ничего

не было в ту ночь. Часов в 8 утра, в пятницу, я встал в таком же настроении, как и лег. Обыкновенный дневной порядок одиночного заключения ничем не нарушался. Не изменялось и мое душевное состояние. Я был убежден однако, что в тот день выяснится окончательно наше положение. Но казней я в тот день не ждал, не видя ни в чем предвестия, которое наверное открыла бы привычка к наблюдательности. Часов в 11½ утра вошел в мою камеру комендант в сопровождении какого-то гражданского чиновника и смотрителя. Я в это время ходил и, увидев гостей, раскланялся с ними. Между комендантом и мной произошел следующий разговор: „Вам известен приговор?“—„Да, известен“.—„Какой?“—„По отношению ко мне?.. Я приговорен к смерти“.—„Ну, так государь высочайшим своим милосердием даровал вам жизнь и повелел сослать в каторжные работы без срока. Молитесь богу!!“ Последние слова произнесены были с большим чувством. Затем комендант быстро ушел, и я остался сам с собою. Первыми мыслями были: рад я или не рад этому важному известию, и если не рад, то почему? Говоря чистую правду, я принял эту, благую для каждого человека, весть совершенно равнодушно. Это произошло потому, что мне не сообщили об участи близких товарищей, а я все время находился в таком настроении, что мог искренно порадоваться только сохранению их жизни. Меня лично смерть не пугала, а иногда даже просто манила, но представление о смерти их действовало тяжело, подавляюще. Очень может быть, что каждый из нас находился в таком положении, и это очень естественно. Своя смерть может приносить удовлетворение, но смерть друга, товарища, просто человека и даже врага, вселяет только тяжелые чувства. И меня с первых минут начала мучить неизвестность: что сталось с товарищами? Равнодушие к известию перешло в томительную тревогу. Случай усилил ее и довел до состоянии пытки. Чрез раскрытые форточки долетели до слуха звуки военного марша. Очевидно было присутствие войск в крепости. Явилось ужасное предположение, что в те минуты совершаются казни... И бездыханные трупы мелькнули в воображении... Беспомощность, величайшие муки неизвестности, беспощадная горечь душили меня. Я глубоко сокрушался, что не с ними. Я не знал, что мне делать. Звать смотрителя и просить сообщить о происходящем? Но, во-первых, ему теперь не до меня, а во-вторых, если комендант ничего не сказал, не скажет и он. Прислуга и подавно ничего не скажет. Беспомощность полная! Долго я находился в таком убийственном состоянии. Часы тянулись медленно. Но я ничего не узнал и вечером, и на другой день, и теперь ничего не знаю. Если я теперь немного и успокоился, то все-таки тяжелая неизвестность давит меня. Я не теряю надежды, что нам сообщат приговор в верховной санкции. Печальная действительность лучше такой неизвестности.

Я все-таки рад тому, что теперь с Вас, мои милые, мои дорогие, снято тяжелое бремя безнадежного и неутешного горя. Не печаль-

тесь же обо мне! Я буду стараться по возможности, насколько позволят условия жизни, сохранить здоровье. А о душевном моем состоянии еще более не беспокойтесь. Я уверен, что оно будет попрежнему спокойное. Я человек выносливый и приспособляющийся ко всяким условиям. Кроме того, в чувствах и в воспоминаниях находится материал на много лет жизни. Итак, утешьтесь и да будет с вами мир, счастье и любовь навсегда!!. Мое сердце будет также с вами вечно! Если будет возможно, буду писать Вам. Письмо Клени из Москвы, от 15 марта, получил 20 марта. Благодарю ее, мою любую и милую сестру, за ее жаркие, сердечные письма. Они меня бесконечно радовали и навсегда останутся памятны от слова до слова. Ее любовь и утешения неоцененны, и только судьба может наградить ее за них. Целую горячо и страстно Анну и всех сестер. Целую много любимого Фаню. Осыпаю поцелуями Папу и Маму. Да простит их любовь горе, причиненное мною! Целую всех родных, шлю привет знакомым. Я писал вам письма следующие, в марте месяце: от 3-го Папе и Маме в Путивль, а также им от 18-го. Сестрам чрез Катю от 5 [1]) и 10, Кате от 15, тете чрез Катю от 17. Получили ли Вы их? Жаль, что Вы не пишете мне.—Ну, простите же, мои любые. Не поминайте лихом! Еще раз целую вас всех. Навсегда ваш *Александр Михайлов*, 21 м[арта].

Адрес: Екатерине Николаевне Вербицкой для Клеопатры Дмитриевны Безменовой, ур. Михайловой.

---

[1]) Письмо от 5-го марта отсутствует. *В. Ф.*

Письма к товарищам-народовольцам.

I [1]).

[Нач. января 1881 г.].

Кроме ужасной горечи разлуки, я спокоен душою и весел: прошлое полно и цельно, будущее достойно борца. Моя прошлая жизнь беспримерна; я не знаю человека, которого бы судьба так наградила деловым счастьем! Узнай о нем от старых друзей и ты согласишься со мною. Пред моими глазами прошло почти все великое нашего времени. Лучшие мечты нескольких лет осуществляются. Я жил с лучшими людьми и был всегда достоин их любви и дружбы. Это великое счастье человека. Будь довольна такой моей судьбой.

II [2]).

Сообщаю некоторые сведения для моей биографии. В конце 76 года я вошел в состав основной группы народников. Принимал участие в организации Казанской демонстрации. На площади охранял оратора и не был взят благодаря приличию костюма. В это же время вел паспортную систему, которая только что начинала развиваться. В начале (февраль) 77 года, желая видеть москвичей, этих ангелов любви, с фальшивыми билетами, вместе с Осинским проник в залу заседания Особого Присутствия и был там задержан, но выпущен и отдан под надзор полиции. В марте отправился в народ, скрылся. Цель в народе — раскол. Действовал в Саратовской губернии. Сношения с андреевыми и спасовцами, чтобы проникнуть к бегунам. С другими организовал саратовскую группу. В январе 1878 г. участвовал в Москве в попытке освобождения на Варваре—Крестовоздвиженского. В начале апреля приехал в СПБург с целью подготовиться к расколу и образовать специальную группу для этого дела. Здесь окончательно (апрель и май) выработаны программа народников и устав организации, которые и хранятся в архиве. Возникновение мысли об органе „Земля и Воля“. Участвовал в организации

---

[1]) Печатается по современной копии, хранящейся в Ленингр. Музее Революции. В конце отрывка приписка „начало января 1881 г.“.

[2]) Печатается по современной копии, хранящейся там же. И первый отрывок письма и набросок автобиографии переписаны на одном листке.

демонстрации на Владимирской улице 7 апреля по поводу убийства Сидорацкого, присутствовал на ней, сдерживая оратора от излишнего увлечения. Оправдывая наступательную войну на правительство, принимал участие в попытке освободить Войноральского в качестве хозяина конспиративной квартиры. Чуть не был взят на вокзале в Харькове, приехавши вместе с Фоминым, но скрылся оттуда. Об этом знает Якоби. С другими выследил и организовал Мезенцевскую попытку, в которой принимал участие сигналистом на первом пункте, угол Большой Садовой и Большой Итальянской. В конце сентября 1878 г. был послан в Землю Войска Донского с прокламациями для организации дела среди казаков при посредстве местных радикалов, но вследствие погрома 13 октября в СПБурге возвратился сюда в конце октября. Был задержан у Трощанского, но бежал (случай описан в № 1 „Земли и Воли"). С пятью человеками вел петербургские дела и „Землю и Волю" осенью и зимою. Участвовал в это же время в рабочей группе, возбудившей и поддерживавшей несколько стачек. Сошелся с Ушинским и двинул его на эту специальность. Составил смертный приговор Рейнштейну, утвержденный остальной группой народников. С другими организовал попытку с Дрентельном, выслеживал его и присутствовал при совершении в качестве сигналиста. Был при составлении и утверждении этого приговора основной группой народников. Выслеживал для Соловьева папашу. Совершил репетицию, предварительно прошедши так, как потом прошел Соловьев. Последнюю ночь Соловьев ночевал у меня и в утро 2-го мы с ним отправились; я ему дал знак, что царь вышел и присутствовал при совершении выстрелов. Царь упал и пополз на четвереньках. Остальное сами знаете. О детстве и прочее узнаете от знакомых.

Ваш Дворник.

III [1]).

[Февраль 1882 г.].

Хотел бы, дорогие братья, чтобы следующие мои желания были приняты во внимание. Я слышал, что Ольга Натансон умерла [2]). Горько сожалею о ее судьбе. Необходимо братья увековечить па-

---

[1]) Настоящее письмо печатается по подлиннику (кроме середины — о чем см. ниже), найденному мною случайно. Написанное на кусочках тонкой прозрачной бумаги, мелким почерком, письмо выпало из переплета старой книги, куда было заложено, вероятно, самим А. Дм. Михайловым.

А. Прибылева-Корба.

[2]) Последняя фраза помещена в письме А. Д., очевидно, с конспиративными целями, дабы скрыть от лиц тюремной администрации время появления этого письма в том случае, если бы оно попало в их руки. На самом деле Ольга Ал. Натансон умерла летом 1880 года, вскоре после процесса, по которому судилась, умерла от скоротечной чахотки, полученной ею в Петропавловской крепости. *А. П.-К.*

мять о ней, составить ее биографию. У ней, как вам известно, муж, кажется, около Иркутска. У нее сестра в Орловской губ., недалеко от Орла. Ее знают Якоби [1]) и сестра ее. Также и братья Натансона. Они могут сообщить о ней сведения. Ольга Натансон была выдающимся деятелем и человеком. В обществе „Земли и Воли" (которое ранее, до конца 78 года, именовалось „Общ. Народников") ей принадлежала очень видная роль. Если буду иметь возможность (что сомнительно), сообщу о ней то, что знаю, но и теперь передаю несколько характерных сведений. Я и Сабуров [2]) были ее самыми близкими друзьями, потому мне известна она очень хорошо не только как товарищ по делу, но и как человек. Это была самопожертвованная натура. Она постоянно забывала себя для других и отдала все для дела. У нее было двое прелестных детей, она их обожала, но они ее связывали, мешали ее политической деятельности, и она решилась расстаться с ними, отдать их отцу. Дети были 2–3 лет, т.-е. в таком возрасте, когда они наиболее дороги материнскому сердцу. Немногим известно, чего стоило ей это решение. Она никогда не могла привыкнуть к разлуке с ними, а между тем свидания с ними были невозможны. Сначала количество дел, лежавших на ней, а потом нелегальность были постоянными препятствиями для свиданий с ними. В продолжение трех лет она могла увидеть их, кажется, только один раз. Но зато сколько пролила она о своих милых птенцах горьких тайных слез, как сильно это отразилось на ее здоровьи... Но судьба была к ней жестоко безжалостна. Столько же, как детей она любила мужа, как близкого человека, и еще более, как замечательного политического деятеля и мыслителя. Она, еще будучи почти институткой в начале 70-х годов, в тот момент когда его высылали в северные губернии, явилась в жандармское управление и заявила желание за ним следовать. Ее молодость, ее общественное положение и, наконец, тот взгляд, который существовал тогда на ссылку, как на нечто ужасное, возводят ее поступок в подвиг. Так как она не была еще женой Натансона (она урожденная Шлейснер), то ей, конечно, отказали и вообще старались запугать всеми способами. Это ее не остановило и, как только его увезли, она отправилась к нему одна и где-то в Вологодской губернии, куда он был сослан, они обвенчались. Несколько лет жила она до времени его возвращения с ним в ссылке. Я видел у нее брачное свидетельство, в котором подписался как свидетель Флеровский, тогда уже сосланный. Кажется, в начале 75 года Натансону было позволено возвратиться сначала к отцу жены, откуда он скрылся и стал проживать в С.-Петербурге, начав опять политическую деятельность. Ольга, так как это было их об-

---

[1]) Якоби—значит „Якобинка", как звали М. Н. Оловянникову-Ошанину; ее сестра—Наталия Ник. Оловянникова, недавно умершая в Орловской губ. *А. П.-К.*

[2]) Сабуров—псевдоним Оболешева. *А. П.-К.*

щее решение, последовала за ним, но жила легально. В конце 76 года им обоим выпала видная роль организаторов и руководителей нового направления. Марк Натансон поистине один из апостолов социалистического движения и отец „Земли и Воли“. Ольга была его преданнейшим и энергичнейшим помощником. Когда же судьба обрушилась на нее страшным ударом, когда Марк в июне 77 года был арестован, она, несмотря на свое беспредельное горе, заняла в организации еще более высокое и деятельное положение, она старалась сколько было в ее силах заменить мужа. Разлука с мужем, разлука с детьми не мешала ей с удивительной энергией служить делу. После процесса 193-х и неутверждения ходатайства суда по отношению к 12 человекам, ей принадлежала инициатива того, что дело освобождения Войнаральского (хотели освободить собственно Ковалика или Росса) было взято обществом „Народников“ на себя (об этом знает Старик [1]), как и вообще он может многое дополнить об Ольге). Расправа с сидящими в крепости, возмутительная и жестокая, заставившая их голодать около 6-ти дней (смотри мотивы убийства Мезенцева), ответственность за что всецело падала на Мезенцев , и другие причины дали сильный душевный толчок Ольге, и она выступила с инициативой отмщения Мезенцеву. Это дело принадлежит ей, она вложила душу в это предприятие. Без нее его бы не было или оно совершилось бы значительно позже (об этом может сообщить наш славный заграничный товарищ [2]). В организации народников она пользовалась всеобщею нежной любовью, ее, шутя, называли наша генеральша и старались доставлять ей всякие удобства и любезности, но странно, женщины вообще ее не любили; так, например, Софья Львовна постоянно относилась к ней с отрицательным предрасположением. Это, может быть, отчасти происходило невольно, вследствие положения Ольги, как деятеля. А положение ее было действительно несколько особенное. Народники в свой центральный кружок почти два года не впускали кроме Ольги ни одной женщины, а между тем, и очень многие желали сблизиться с этой компанией, как наиболее солидной и деятельной. Может быть отчасти такая особенность может быть объяснена некоторыми личными свойствами женщин вообще и Ольги в частности. Ольга, правда, не была агнцем, но натура ее отличалась уживчивостью и умением ладить с людьми. Особенно скоро сходились с нею и поддавались ее влиянию мужчины, даже выдающиеся по уму и образованию. Побеждала она отчасти своей симпатичной натурой, отчасти гибким и развитым умом, отчасти настойчивостью. Сергей Кравчинский, Чайковский и многие другие замечательные люди были ее приятелями и относились к ней с большим уважением.

---

[1]) Кличка Тихомирова. *А. П.-К.*

[2]) Т. е. С. Кравчинский. *А. П.-К.*

Много я мог бы сообщить о своем милом уснувшем друге, но нет времени и места... Отдайте же, братья, ей должную дань уважения и памяти—составьте получше и пополнее ее биографию и напечатайте в нашем органе или по крайней мере в заграничных русских изданиях. Пропустил о ней крупный факт: в начале 78 года Ольга лишилась обоих своих детей. Они умерли почти разом. Ее материнское сердце было окончательно растерзано этим ударом. Ее жестоко мучило сомнение, что, быть может, она сама виновата в их смерти, отдав старикам, которые не могли ухаживать за ними так, как то делала бы мать. Это горе сильно пошатнуло ее здоровье, а крепость окончательно убила ее. Ее несколько писем у нас в архиве. После суда ей сильно хотелось еще жить.

Необходимо составить биографию Владимира Сабурова (Алексея Оболешева). Он кажется умер [1]). Пусть брат его узнает это наверно. Оболешев тоже был человек замечательный. Это человек строжайших принципов, ригорист и с удивительно развитой логикой мысли. Для того, чтобы быть мыслителем, ему не доставало только достаточно богатой эрудиции. Настойчивость, энергия и осторожность возводились им в догмат. Он первый развил революционную паспортную часть до удивительного совершенства; он первый завел революционные архивы; он один из немногих настойчиво вырабатывал более совершенные приемы городской организационной жизни и деятельности; он был редактором [2]) и главным агентом первой русской вольной типографии, называвшейся „Русская Вольная Типография“ и издававшей брошюры и прокламации. Ее работа: отчеты по процессу 193, Оболешевым лично редактированные, речь Мышкина, прокламации по поводу выстрела Засулич и ее дела, „Отцам и матерям“ по поводу погибших до процесса 193-х, Мезенцевская брошюра и многие другие. Оболешев редактировал также и половину первого № „Земли и Воли“, с которым он был взят. Вышеупомянутая типография работала год, от лета 77 до лета 78 г. Оболешева хорошо знает Цветкова и Иванова (ныне Карпова) и сам Карпов, а также товарищи однокурсники Эдуарда.

Необходима биография Зунделевича. Не говоря о том, что он был очень видный деятель, он оказал неоцененные услуги русскому свободному слову, обращению в Россию заграничных изданий и постоянному свободному сообщению с Западной Европой. С 1875 г. и до конца своей деятельности, в течение почти пяти лет, он держал лучший контрабандный путь в своих единственных руках. Он был царем на границе. Он перевозил сотни пудов всяких книг: группы „Вперед“, народные издания и т. п.; переводил, как через лужу, через границу десятки людей,—и ни одной неудачи, ни одного несчаст-

---

[1]) Алексей Оболешев умер в Петропавловской крепости в начале апреля 1882 года. *А. Прибылева-Корба.*

[2]) С этого слова письмо печатается по копии, хранящейся в Ленингр. Музее Революции.

ного случая. Среди контрабандистов он пользовался удивительным уважением и доверием. Достаточно было одной записки его, и можно было свободно отправляться на границу к его знакомым; достаточно было сказать, что Зунделевич заплатит (они знали его под псевдонимом), и евреи, рискующие только из-за денег, перевозили бесплатно. Зунделевич купил и перевез в Россию две русские первые типографии: „Русскую Вольную Типографию" и типографию „Начала", переименованную потом в типографию „Земли и Воли" или „С.-Петербургскую Вольную Типографию", погибшую уже при печатании третьего № „Народной Воли". Обе он устроил и обставил в Петербурге, помогал в первой типографии работать; энергия, пронырливость в еврейской среде, подвижность достойны удивления. Но еще выше стоит он, как человек. Насколько он практик в революционном деле, настолько же идеалист в личных отношениях к товарищам. Мягче и гуманнее его едва ли был кто-либо из нас. У него было чрезвычайно чувствительное сердце. Он редко в состоянии был проходить мимо протягивающего руку, чтобы не отдать того, чем он мог свободно располагать. Это редкая черта среди радикалов, которые обыкновенно благотворительность мелкую считают бесполезным палиативом. На женщину его взгляд был до странности идеален. Он мог любить ее только духовно, чисто отвлеченно. Раз развивалась привязанность, она убивала у него всякую чувствительность. Вообще он по натуре был цельный, чистый и высоко симпатичный человек. Его жизнь до радикализма также очень интересна. Он был адвокатом (в Вильне) и покровителем несчастной задавленной еврейской голытьбы и пользовался громадной популярностью. Его знают многие виленские радикалы, а также Володя. Он был очень дружен с одной сосланной женщиной, кажется, Шур или Шор. Вобще он оставил во мне светлое воспоминание. Он оригинален был также и по своим политическим взглядам. Он совершенно не русский человек в этом отношении; он скорее социал-демократ немецкий, и среди немецких демократов у него было много друзей и приятелей. Для него главной целью всякой политической деятельности всегда была свобода слова и вообще политическая свобода. Если он, с присущей ему страстью и энергией, пристал к русскому революционному движению, а потом и к террористическому направлению, то единственно во имя политической свободы. Он вообще западник, и все его симпатии были там. Он часто корреспондировал своим друзьям в заграничные газеты. Все мы его сильно любили. Наш милый Мойша, где ты теперь? Что с тобою?

Старайтесь увековечить, прославить наших незабвенных великих товарищей Андрея Ивановича Желябова, Софью Львовну Перовскую и других с ними погибших. Предлагаемое мною издание документов Исполнительного Комитета посвятите их имени; учредите во имя их ежегодное празднество, обязательное для всей организации или даже партии, посредством обращения к общественному мнению. Вы этим

не только заплатите по достоинству этим великим могучим людям, но и морально окажете сильное влияние на партию, поднимите дух партии, вызовете многих на самопожертвование. Это могучее средство для того момента, который переживает ныне Россия. Примите это, дорогие братья, в соображение. Целую вас всех до единого крепко и горячо.

С марта месяца меня, Баранникова, Клеточникова, Колоткевича, Тригони, Суханова, а некоторое время Исаева и Фриденсона держали с жандармами и солдатами день и ночь. Через три часа они сменялись. Сначала это было вроде пытки. Но потом я привык и [1]) не обращал никакого внимания. А в конце это приносило мне большую отраду, так как у синих сфинксов развязывались языки. Я целый год жил с мыслью о смерти и можно сказать свыкся с нею. Со мной обращались в крепости вежливо, а я сидел смирно. Моя политика была не тратить силы и здоровья до суда зря. В крепости необходимо неустанно заботиться о здоровье, там ужасная сырость, может быть ужасная вонь. Необходимо заботиться о стенах, настаивать десятки раз, чтобы топили, отворять почаще форточки, чисто держать судно (оно там состоит из ведра и закрытого кресла), наливать ежедневно побольше чистой воды, вообще в этом отношении надо быть настойчивым, даже назойливым, иначе пропадешь в год. Если камера очень сыра, надо десятки раз требовать перевода в другую, а если не переводят — даже бунтовать, писать коменданту, министру. Но правила тамошние нарушать бесполезно, их не переделаешь. Да и вообще к ним можно привыкнуть. В верхнем этаже гораздо светлее и лучше, а внизу убийственно скверно. Постоянный могильный мрак. Смотритель для меня был человеком сносным, но он чиновник, без всякой инициативы. Исаев рассказывал возмутительную историю обращения с ним в канцелярии градоначальника: его почти пытали. Об этом вы узнаете подробнее. Крепость разрушила его здоровье: он кашляет кровью и сильно поддался во всех отношениях. Если его и помилуют, ему жить не долго. На суде он вел себя решительно и открыто. Заявил, что он непримиримый враг правительства, при описании своей жизни . . . .

(Здесь письмо обрывается).

IV [2]).

12 ф[евраля 1882 г.].

Все эти дни голова у меня пылает и [тре]щит, но я как-то удивительно спокоен. Многим [из] дорогих товарищей — неизбежная смерть. Но я доволен. . . . . я не уступил им ни одного шага

---

[1]) Отсюда письмо печатается снова по подлиннику.

[2]) Печатается по современной копии, хранящейся в Музее Революции

к этой славной участи; вообще я не желаю быть бесполезно-долговечнее их. Жалеем, что расправа с нами келейная, что вся [энер]гия, нервная сила и мужество товарищей вылетает в [тру]бу здания бесследно, не производя никакого действия на общество. А судьи даже не прикрываются внешней личиной беспристрастия. Поведение их возмутительно. Оно отбивает всякую охоту говорить что-либо и просится только в наружу крепкое русское слово. Вообще перед нами не судьи, а палачи! Но подсудимые ведут себя прекрасно. Впрочем, старики резко выделились среди новых наслоений, и надо думать, что их, помимо многих обвинений, покарают за мужество и прямоту. Особенно оживлен, весел и бодр—Баранников,—он как на балу. Для него это последний жизненный пир. Исаев болен грудью и несколько слаб. Меня ежеминутно возмущает поведение судей, их оскорбления, и не знаю, чем все это кончится. На верху, очевидно, царствует министерство палачей. Надо утопить их в той крови, которую они прольют. Но хладнокровнее, обдуманнее, решительнее! Попытки не нужны и бесцельны, избегайте их, хотя бы пришлось ждать. Успех, один успех достоин вас после 1 марта. Единственный путь—это стрелять в самый центр. На очереди оба брата, но начать надо с Владимира. При политической свободе, кажется, лучше перейти на путь идейной борьбы. Но до нее—одна цель. И вы, дорогие, уже научились попадать в нее. К свободе—одна преграда: два брата. Более, думаю, препон не встретите. Не печальтесь, братья, о нас, а главное не увлекайтесь пылом мести, иначе возможны промахи. Необходимы хладнокровие и обдуманность. Не увлекайтесь освободительными планами, новые силы вербовать выгоднее и легче. Но если многих из нас упрячут в централки, нить жизни надобно завязать между ими и вами. Выработайте определенный план единообразного поведения на дознании и суде. Наша практика показала, что признание по оговорам не годно: оно вредит другим. Да, установите неизменные и строго соблюдаемые сиг[нальные] правила, систему знаков. Горько видеть—[как]ие люди погибают от несоблюдения мелких [пра]вил осторожности. Сколько раз нас будет [учи]ть еще опыт, пока мы примем его в серьезное и постоянное руководство. Еще о суде: Клеточников [вед]ет себя прекрасно, решительно и достойно. Он [гов]орил спокойно, хотя председатель палачей набрасывался на него зверем. Выставленные им мотивы истинны и честны. Он—не революционер, но человек передовой и желающий служить обществу против застеночных учреждений...

Целую братьев и сестер. Особенно нежно и жарко Старика. Берегите его. Письмо его к III превосходно. Лучше не надо.

Письмо Исполнительного Комитета было прочитано самим Дреером на суде с большим пафосом. Подсудимые пришли от него в восторг. Вообще сенсация была громадная от этого чтения.

V [1]).

15 февраля [1882 г.].

Дорогие братья, дорогие сестры! Вчера мы сказали свое последнее слово суду, последнее слово врагам. Видя себя пленниками, большинство предлагало гордо молчать. Но вам, друзья, хотелось бы говорить в последний раз долго и много, хотелось бы переслать, передать всю душу! Но нет для этого возможности. Передать только главное: мы прошли через горнило нелегких испытаний, мы находились многие месяцы в полном уединении, имели возможность самосозерцания и оценки прошлого, наконец, — ныне происходит в нас борьба инстинктов жизни, страсти и идеи. Несмотря на все это, я радуюсь, что могу сказать убежденно: вы стоите, братья, на верном пути, вы идете к цели прямою дорогою. Труден первый крупный успех, и вы его достигли, хотя с большими жертвами. Но что эти жертвы, что эти капли крови в сравнении со страданиями 100 м. народа? Несчастного, голодающего, обездоленного! Да, братья, путь ваш верен, идите им без страха и сомненья! Не увлекайтесь местью, освобождениями, личными чувствами, не увлекайтесь прекрасными теориями. В России одна теория, одна практика: добиться воли, чтобы иметь землю, иметь землю и волю, чтобы быть счастливым. Вот задача народа русского, вот в чем вы должны помочь ему. Ему надо власть, чтобы обеспечить себе хлеб и свободу. Заставить отдать или отнять власть единодержавца — вот задача, единственно достойная траты народных сил, жертв, столь дорогих и ценных. Радуюсь, что теперь эта цель несравненно ближе, чем тогда, когда я вступал на этот путь четыре года назад. Если еще таких четыре года, если успех и результат борьбы будут увеличиваться с приближением к цели, то вы скоро, братья, увидите светлые точки зари, предвестников света, которых мы тщетно старались провидеть после каждого решительного шага, после каждой схватки.

Если это десятилетнее движение хотя еще через десять лет приведет в желанную пристань полной свободы, о, тогда и нас, единичных борцов, вспомнят добрым словом и, может быть, разыщут наши скрытые могилы, чтобы украсить их венком бессмертников. Но лучшее в ваших руках, братья; вы живете в то время, когда цель так ясно определилась, так верно намечен путь. Не то было, когда мы, маленькая кучка людей, начинали эту борьбу с правительством, когда порождали в нас сомнения и наши силы, и наши несогласные товарищи, когда мы направились в эту сторону более по чувству и инстинкту, чем на основании положительных соображений. Теперь не то. И попытки и успех сделали свое дело. Они открыли слабейшую сторону монархии. Не может она процветать, когда лич-

---

[1]) Печатается по подлиннику, хранящемуся в Ленингр. Музее Революции.

ность самодержца уязвима, доступна для терроризации. Тогда одно спасение для него—уничтожение, истребление враждебной партии, истребление беспощадное, до конца. Но возможно ли это? Конечно, нет! Однако, эта истребительная политика, создающая особые государственные учреждения, не жалеющая людей и средств, может сильно тормозить вашу работу, братья; обратите же на это серьезное внимание. Да не погибнет единый из вас без пользы! Вырабатывайте революционную дисциплину, революционное искусство. Когда средства революционной борьбы будут так же верны, как и наша светлая цель, как наш тернистый путь, тогда вы непобедимы, и постыдное вековое холопство земли русской сменится гражданской свободой.

Мы ждем с минуты на минуту приговора. Нас покарают за наш успех, за раны, нанесенные правительству. Но этот приговор невольно карает нас и за наши организационные ошибки. Он потрясет вас, наверно, своею кровавостью; пусть же он еще более повлияет на вашу осторожность, пусть же двинет вашу мысль на выработку искусства революционной борьбы, пусть заставит оценить, разработать революционный опыт. Тогда наша гибель дважды окупится. Судя по спокойному и гордому поведению моих дорогих товарищей, думаю, что и смерть их будет не менее мужественна. Мне некогда думать о себе... вокруг меня столько обреченных, столько дорогих друзей, стоящих одной ногой в могиле... Я не могу верить, чтобы эти добрые, человечные, высоко-нравственные люди погибнут, что у палачей хватит духу задушить, убить столько прекрасных жизней. Колоткевич, Суханов, Баранников произвели на всех глубокое впечатление. Колоткевич—настоящий апостол свободы. Так чисты, так просты, так величаво-прекрасны его поступки, его слова, его движения. Суханов—человек искреннего, сильного чувства. Его отрывистая речь потрясла даже судей. Баранников—рыцарь без страха и упрека, служитель идеала и чести. Его открытое, гордое поведение так же прекрасно, как его юношеская душа. Фроленко—неуклюжая безмолвность, твердость и спокойствие. Исаев—бесповоротная решимость погибнуть. Терентьева—розовый бутон, невинный и свежий, но беспощадно колющий своими шипами враждебную, бесцеремонную руку. Лебедева—сильная, решительная и самопожертвенная натура. Якимова—простой цельный человек, до конца отдавшийся делу. Клеточников—достойный всякого уважения человек. Тетерка—и он сегодня заплатил дань народного презрения к предателям. Он перед судьями публично ударил Меркулова по щеке и этим поступком, конечно, отягчил свою участь. Всех нас этот протест взволновал до крайности. Да, Тетерка,—народная натура, характерно-народен и его поступок. Еще ранее несколько дней, я убедился, что подозрения на него несправедливы [1]).

Александр Михайлов...

---

[1]) Из последней фразы можно заключить, что предательство Окладского, а может быть Меркулова, одно время, по роковому недоразумению, припи-

1 февраля умерла здесь Геся Гельфман от воспаления брюшины, причина которого было искалечение матки после родов. За неделю до смерти у нее отняли ребенка и отдали в воспитательный дом, и это ускорило ее смерть [1]).

VI [2]).

[15 февраля 1882 г.].

Дорогие братья, сердечные други! Ваша деятельность, ваши надежды возрождают нас на новые, приготовляют на самые тягчайшие испытания. Пусть останется у меня тончайшая нить, связанная с жизнью, и я готов на самые ужасные ежедневные пытки. Жизнь для меня, это постоянная борьба, всеми силами существа во имя идеи. Смерть же много лучше прозябания и медленного разрушения. Поэтому я так спокойно и весело жду приближающегося момента небытия. Но ваши успехи—благодарная почва, которая ждет только сеятеля, приближение свободной эры для родной и любимой страны,—все это рождает страстное желание умереть и вновь возродиться из пепла обновленным и сильным, и опять работать вместе с вами, дорогие. Но увы! Зачем это невозможно, зачем не могу еще раз отдать всецело свою добрую волю, свои душевные силы делу и вам, мои милые братья. Но таковы законы природы, и что с ними поделаешь!?... Высоким исцеляющим всякие страдания утешением служит нам ваша работа. Горько сожалею однако, что не могу ни с кем поделиться этим светлым утешением. Мы вполне разобщены. Не только теперь, но и во время суда довольно грубо подавлялись попытки сношений и разговоров подсудимых между собой. Во время заседаний почти невозможно было перекинуться словом; мы окружены были со всех сторон жандармами и судебными приставами. Сам император отдал строгий приказ, чтобы нам не позволяли разговаривать, и послал для наблюдения за нами своего доверенного генерала. Только и можно было сказать одно-два слова, пожать руку, поцеловать, когда нас строили в коридоре в шеренгу между десятками жандармов, с которыми мы и отправлялись в залу суда. Но и здесь часто наскакивали на неприятности. Так, например, после того, как я взял от нескольких по клочку бумаги с приветом лично ко мне, меня приказано было обыскать, и я должен был отправить в рот эти записки. Впрочем, самонужней-

---

сывались заключенными Петропавловской крепости Макару Васильевичу Тетерке, этому стойкому и безупречному человеку. Во время процесса ошибка разъяснилась, и товарищи вернули Тетерке уважение, доверие и дружбу.—*А. П.-К.*

[1]) Приписки относительно смерти Г. Гельфман в подлинном письме не имеется. Очевидно, она была написана на затерявшемся отдельном лоскутке. Печатается по копии, хранящейся в Ленингр. Музее Революции.

[2]) Печатается по современной копии, хранящейся там же.

шими указаниями все-таки удалось обменяться со всеми, но почти вслух в коридорах на пути в залу. О воле же мы не могли так передавать. На первом заседании Лила [1]) сидела возле меня, и мы, несмотря на запреты, все время беседовали. Она передала мне все, что знала. Но за эти разговоры нас разлучили, и на следующих заседаниях она сидела уже поближе к судьям около Морозова, между тем, как нас, (Баранникова, Исаева, Фроленко, меня и Емельянова) отодвинули как можно далее от судей. Очевидно, все время боялись резких выходок с нашей стороны. Но их не последовало, хотя мне сильно хотелось обругать в конце-концов этот вертеп палачей. Но это было бы диссонансом с общим поведением и имело бы характер личной дерзости, а потому я предпочел холодное, молчаливое спокойствие большинства. По той же причине, а отчасти вследствие бесцеремонного и беззастенчивого игнорирования многих наших объяснений со стороны суда, я отказался от мысли говорить речь после защитника и последнее слово. Действительно, не стоило метать бисера перед свиньями... Но будет о нас, поговорю о вас, дорогие братья, о вашем святом деле.

По настоянию защиты, в заключение судебного следствия был прочитан вслух Манифест Исполнительного Комитета Александру III от 10 или 12 марта 1881 года. Я и раньше слышал о нем и поражался верностью мысли и тона; прослушав же его в подлиннике, нахожу, что ничего совершенней не производила русская революционная мысль. Это венец Исполнительного Комитета, венец и в литературном и в практически-программном смысле. Условия жизни и революционная деятельность привели Россию к такому моменту, когда всеми здравомыслящими и честными гражданами должны быть сознаны и выдвинуты насущнейшие вопросы дальнейшего гражданского прогресса России, ее дальнейшего человеческого существования. Все отдаленное, все недостижимое должно быть на время отброшено. Социалистические и федералистические идеалы должны отступить на второй план дальнейшего будущего. Слишком широкие организационные задачи также немыслимы в данный момент. Должно стать ближайшей задачей не переворот государственного строя, а еще одно сильнейшее потрясение его. Необходимо своротить еще зараз две головы,—и вы победите. Абсолютизм сделается немыслимым. Никто не рискнет поднять голову на плаху царей-единодержцев, а тем менее Алексей-протектор. Лозунгом вашим должно стать—минимум желательного, но с максимальной настойчивостью. Земское учредительное собрание при общем избирательном праве, при свободе слова, печати и сходок—вот минимум желательного. Для него отдайте все ваши силы, все ваши жизни, и вы воздвигнете себе в близком будущем нерукотворные памятники в сердце народа. Он оправдает самые крайние средства ваши, когда станет распоряжаться своими судь-

[1]) Терентьева. *В. Ф.*

бами. Не раскидывайте слишком широкую, но инертную организацию,—она не даст вам нужной силы. Но сплотите какую-нибудь сотню людей совершенно устойчиво и направьте ее прямо к цели, к фактам. Та среда, об успехах в которой вы сообщаете, наиболее желательна—и я ликую и торжествую, предвидя успех [1]). Но ради счастья Народа, умоляю вас, будьте осторожны, предусмотрительны и не увлекайтесь пылом мести. Разбейте сумму этих лиц на замкнутые группы, чтобы избегать предательства, которое неизбежно в таком решительном деле и при таком числе. Если в этой среде существуют круговые личные знакомства, убедите положить им границы, заключив в каждую группу наиболее знакомых лиц. Пусть принцип обособленности и тайны станет руководящим. Свяжите группы выборным или каким-либо другим центром и центр подчините Исполнительному Комитету. Тогда ловите удобные моменты этого лета и осени и действуйте на обе головы одновременно, на чьей стороне предпочтение—это вам видней! Если второй [2]), действительно, хотя по имени, совершивший великие реформы, не вызвал сочувствия народа, то III засвидетельствовал себя ведь только виселицами и рублевой подачкой на водку. Успеху вашему будут рады все. Кошмар царской охраны давит всех. Как я рад, друзья и братья, что вы выбрали именно эту среду для воздействия. Думаю—это единственная обещающая при нынешних обстоятельствах верный успех. Итак, братья, непременно факты и факты, а там что будет—посмотрите. О, я верю, будут великие результаты. Не стращайте отнюдь правительство, никаких террористических действий; перед ураганом необходимо затишье, тогда действие бури поразительнее. Неожиданность ошеломляет! Вот еще соображение. Постарайтесь завести хотя отдаленные связи с либеральными влиятельными людьми, которые легко могут непосредственно пользоваться вашим успехом. Наблюдение за ними или хотя косвенное влияние, а в решительный момент настойчивое давление и даже угроза могут произвести великие последствия. Я не думаю, чтобы невозможно было найти такие связи. Итак, братья, еще раз—факты и факты! Затем прижимаю вас всех и братья, и сестры к живому еще и пылающему сердцу. Будьте счастливы в деле, будьте счастливы в своем тесном союзе.

Ваш до конца *Александр*.

---

[1]) Можно думать, что речь идет об успехах военной организации. *В. Ф.*
[2]) Александр II.—*В. Ф.*

Завещание А. Д. Михайлова [1]).

16 февраля [1882 г.].

Завещаю вам, братья, не расходовать силы для нас, но беречь их от всякой бесплодной гибели и употреблять их только в прямом стремлении к цели.

Завещаю вам, братья, любить и ценить моего милого друга, а вашу сестру и товарища, как любили меня.

Завещаю вам, братья, беречь и ценить нашего доброго Старика, нашу лучшую умственную силу. Он не должен участвовать в практических предприятиях — он к ним не способен. Вам надо сознавать это, а ему не следует себя обманывать.

Завещаю вам, братья, издать постановления Исполнительного Комитета от приговора А..... [2]) до объявления о нашей смерти включительно (т.-е. от 26 августа 1879 года до марта 1882 года). При них приложите краткую историю деятельности организации и краткие биографии погибших членов ее.

Завещаю вам, братья, не посылайте слишком молодых людей в борьбу на смерть. Давайте окрепнуть их характерам, давайте время развить им все духовные силы.

Завещаю вам, братья, установить единообразную форму дачи показаний до суда, при чем рекомендую отказываться от всяких объяснений на дознании, как бы ясны оговоры или сыскные сведения ни были. Это избавит вас от многих ошибок.

Завещаю вам, братья, еще на воле установить знакомства с родственниками один другого, чтобы в случае ареста и заключения, вы могли поддержать хотя какие-либо сношения с оторванным товарищем. Этот прием в прямых ваших интересах. Он сохранит во многих случаях достоинство партии на суде. При закрытых судах, думаю, нет нужды отказываться от защитников.

Завещаю вам, братья, контролируйте один другого во всякой практической деятельности, во всех мелочах, в образе жизни. Это спасет вас от неизбежных для каждого отдельного человека, но гибельных для всей организации, ошибок. Надо, чтобы контроль

---

[1]) Печатается по подлиннику, хранящемуся в Ленингр. Музее Революции. Второй и третий пункты „завещания" печатаются впервые.

[2]) Александр II.—*В. Ф.*

вошел в сознание и принцип, чтобы он перестал быть обидным, чтобы личное самолюбие замолкало перед требованиями разума. Необходимо знать всем ближайшим товарищам, как человек живет, что он носит с собой, как записывает и что записывает, насколько он осторожен, наблюдателен, находчив. Изучайте друг друга. В этом сила, в этом совершенство отправлений организации.

Завещаю вам, братья, установите строжайшие сигнальные правила, которые спасали бы вас от повальных погромов.

Завещаю вам, братья, заботьтесь о нравственной удовлетворенности каждого члена организации. Это сохранит между вами мир и любовь. Это сделает каждого из вас счастливым, сделает навсегда памятными дни, проведенные в вашем обществе.

Затем целую вас всех, дорогие братья, милые сестры целую всех по одному и крепко, крепко прижимаю к груди, которая полна желанием, страстью, воодушевляющими и вас. Простите, не поминайте лихом. Если я делал кому-либо неприятное, то верьте, не из личных побуждений, а единственно из своеобразного понимания нашей общей пользы и из свойственной характеру настойчивости.

Итак, прощайте, дорогие! Весь и до конца ваш

Александр Михайлов.

Документы.

Г. Первоприсутствующему.

Особого Присутствия Правительствующего Сената для слушания дел о государственных преступлениях.

Заявление.

Александра Михайлова [1]).

Обвинительный акт утверждает, что при начатии о мне дознания, в декабре 1880 года, обнаружено было приготовление к новому покушению, впоследствии выразившемуся в деянии 1 марта 1881 года. Хотя я и не обвиняюсь в участии в этом событии, но вышеупомянутый факт настолько важен, что его необходимо выяснить. Кроме того событие 1 марта дает окраску всему сообществу и для того, чтобы признать участие в этом сообществе, необходимо знать мотивы, цели и объяснения обвиняемых по цареубийству, с многими из которых я даже лично не был знаком. Само же по себе деяние 1 марта еще не дает понятия о том, к какому лагерю принадлежат люди, совершившие его. На основании изложенных соображений, я покорнейше прошу Суд допустить меня к слушанию судебного следствия по этому делу, от чего будет зависеть и самая обстоятельность моих объяснений в указанном смысле. 1882 года 10 февраля. Прошу приобщить настоящее заявление и резолюцию Суда на него к делу. Дом предварительного заключения. 10 февраля 1882 года, 11 часов утра. С.-Петербург [2]).

---

[1]) Александр Михайлов был арестован за три месяца до 1-го марта и не мог знать подробностей этого дня. Между тем он, конечно, живо интересовался ими и хотел знать все происходившее. Разделение подсудимых на группы и вызов их на заседания по пунктам обвинения, лично касающихся их, заставляло Михайлова опасаться, что он не попадет на судебное следствие по делу 1-го марта. Этим объясняется, что, узнав в первый день суда, о разделении на группы, он на другой же день—10 февраля—подал первоприсутствующему данное заявление.—*В. Ф.*

[2]) Дело Особого Присутствя Прав. Сената, № $^{45}/_{1881}$. О противозаконном сообществе, именующемся террористическою фракцией русской социально-революционной партии, л. 304.

Отзыв осужденных по процессу 20-ти о неприсоединении их к кассационной жалобе Клеточникова.

1882 года марта 6-го дня, на основании 911 и 873 ст. у. у. с. XV т., ч. II св. зак., даю особому Присутствию Правительствующего Сената настоящий отзыв в том, что мне сего числа предъявлена кассационная жалоба, поданная защитником подсудимого Клеточникова присяжным поверенным Михайловым на приговор Особого Присутствия, состоявшийся 9/15 февраля сего года по делу о противозаконном сообществе, именующемся террористической фракцией русской социальной революционной партии и что присоединиться к этой жалобе не желаю, в чем и подписуюсь.

Предъявленную мне кассационную жалобу читал, мнения в ней изложенные разделяю, но ко мне она отношения не имеет.

Григорий Исаев.

Не желаю присоединиться.

Григорий Фриденсон.
Василий Меркулов.
Фердинанд Люстиг.
Лео Златопольский читал 8-го марта 1882 года.

М. Фроленко. Ник. Колоткевич
Айзик Арончик.
Николай Суханов.
Мартын Ланганс.
Иван Емельянов.
Татьяна Лебедева.
Анна Якимова.
Александр Баранников.
Михаил Тригони.
Макар Тетерка.
Николай Морозов.

Читал и заявляю, что так как я со времени объявления мне приговора в окончательной форме был лишен Департаментом государственной полиции до сего дня возможности видеться со своим защитником Евгением Ивановичем Кедриным, то воспользоваться правом данным ст. 911 и 873 не могу, пока не обсужу кассационный вопрос при помощи защитника. Александр Михайлов.

Людмила Терентьева [1].

В пояснение этого документа надо сказать, что первоприсутствующий Особого присутствия правит. Сената обратился к коменданту Петропавловской крепости о допущении и. д. обер-секретаря угол. кассац. деп. Сената Попова к предъявлению кассационной жалобы,

[1]) Дело Присутствия Прав. Сената, № 45/1881. О противозаконном сообществе, именующемся террористическою фракцией русской социально-революционной партии, л.л. 409—409 об.

поданной защитником осужденного Клеточникова присяжным поверенным Михайловым, остальным осужденным, содержащимся в крепости, для отобрания отзыва о желании или нежелании их присоединиться к означенной жалобе.

На требование Попова о безотлагательном допущении его к осужденным комендант (как он сообщает директору Департамента полиции от 6 марта за № 264-м), „распорядился вывести их в помещение следственной комиссии в Екатерининскую куртину по одиночке, с устранением возможности видеться друг с другом, для предъявления Поповым вышеуказанной кассационной жалобы и отобрания подписки о желании или нежелании их присоединиться к ней“. *В. Ф.*

В Департамент Государственной Полиции.

Прошение.

Александра Михайлова, осужденного по делу о государственных преступлениях.

Прошу разрешить мне два последние свидания в субботу 6 марта и вторник 9 марта с моими родными теткой, сестрой и братом. Надеюсь, в этих прощальных свиданиях не откажут мне. Прошу принять во внимание важность и значение последних свиданий для осужденного на смерть и разрешить их не за решоткой. Значение свиданий с ближайшими родными перед смертью столь велико и свято и возможность проститься по-человечески в последний раз составляет столь существенное естественное право человека, что я надеюсь на удовлетворение этих своих просьб, согласных при том вполне с духом русского законодательства.

Кроме того прошу разрешить передать находящиеся при мне и принадлежащие мне вещи родным моим тетке Настасьи Осиповне Вартановой или сестре Клеопатре Дмитриевне Безменовой. 3 марта 1882 года. С.-Петербургская Крепость [1]).

[1]) Одновременно с этим прошением А. Михайлов подал другое о разрешении его защитнику Е. И. Кедрину посещать его для разработки кассационной жалобы.

На сопроводительной бумаге коменданта крепости от 4-го марта рукой Плеве написана резолюция: 1) „Дать трем защитникам“ (одновременно с прошением Михайлова комендант посылал прошения Бараникова и Лебедевой) разрешение. 2) В передаче вещей отказать. 3) Вопрос о личных свиданиях бу[дет] долож[ено] министру. Дело 4) Департамента полиции. 3 делопроизводства. О предании суду членов террористической фракции русской социально-революционной партии Колоткевича, Михайлова, Тригони, Баранникова и др. 1882 г. № 20, л.л. 55 и об.—*В. Ф.*

В Департамент Государственной Полиции.

Дворянина Александра Дмитриева Михайлова, содержащегося в С.-Петербургской Крепости.

Прошение.

Обращаюсь с вторичною, убедительной и последней просьбой о разрешении мне прощальных свиданий с теткой моею, Настасьей Осиповной Вартановой, сестрой Клеопатрой Дмитриевной Безменовой и братом, Митрофаном Михайловым.

Я просил уже о том же, приводил мотивы своего желания, понятного и без них для каждого, кто имеет близких людей, в ком живут родственные чувства.

Я просил только о двух свиданиях с родными в субботу 6 марта и во вторник 9-го. С сестрой в субботу я виделся, но ни с теткой, ни с братом, со времени переведения меня, 26 февраля, в Крепость, т.-е., в продолжение двух недель не имел ни одного свидания.

Департаменту государственной полиции хорошо известно, что это были последние недели, что просьба моя, столь естественная и законная, могла и может быть удовлетворена только в пределах этого краткого и безвозвратного срока, а между тем сегодня вторник, день свиданий, последний урочный день в пределах кассационного срока и им не были допущены ко мне никто из родных. Ни сестра, ждавшая последнего свидания, чтобы уехать по неотложным семейным делам, ни тетка, которая, как крестная мать, заменяет для меня отсутствующую родную, ни брат. На словах г. директор Департамента обещал моим родным свидания со мною. Я убедительно прошу об исполнении этого обещания в течение дней, оставшихся до приведения в исполнение приговора. Определенных для свидания дней в этот период времени может быть, уже и не будет, но ведь не мои родные были причиной того, что не воспользовались протекшим временем.

Я надеюсь, что, в силу исключительности положения приговоренных к смерти, начальство Крепости не откажет с своей стороны в согласии на свидания вне назначенных для того дней.

Прошу также, о разрешении передачи, принадлежащих мне вещей, находящихся со мною в Крепости, тетке моей или сестре. Ценность их для правительства ничтожна, ибо они состоят из белья и одежды, а между тем я не мог ими располагать уже со дня ареста, когда по закону не отнимается право распоряжения своею собственностью. До осени 1881 года многие вещи мои находились в комиссии дознания в жандармском управлении, потом, когда я получил их, во

время своего пребывания в Крепости, мне было отказано в передаче их родным до времени суда. В период суда я подал прошение о том же управляющему Домом предварительного заключения и также получил отказ, мотивированный состоявшимся распоряжением Департамента государственной полиции. Поэтому я теперь прошу разрешения передать вещи родным.

Надеюсь Департамент Государственной Полиции положит свою резолюцию на мое прошение и не преминет сообщить таковую мне. 9 марта 1882 года. С.-Петербургская Крепость.

Дворянин *Александр Дмитриев Михайлов* [1].

Его Высокопревосходительству

Господину Коменданту Петропавловской Крепости.

Осужденного Александра **Михайлова**.

Прошение.

Ходатайствую перед вашим высокопревосходительством, чтобы мне разрешили из принадлежащих мне вещей, пользоваться: благословением матери: крестом и шейным образом, теплой фуфайкой, сапогами и резинными галошами, в случае если бы вещи мои по описи потребовались в Департамент государственной полиции. Прошу разрешить приобрести Библию (Новый и Ветхий Завет) в русском переводе и в переплете, так как желаю в часы уединения познакомиться поближе с этой книгой. Хотелось бы, чтобы при евангелии был месяцеслов христианских праздников и пасхалия. В вещах моих находятся образок стенной в серебряной ризе, полотенце голландское новое, новая голландская с малороссийской вышивкой рубаха и шейный шелковый платок, принесенные мне теткой Настасьей Осиповной Вартановой в Доме предварительного заключения для временного пользования. Меня неожиданно перевезли в Крепость и не разрешили оставить чужие вещи в Доме предварительного заключения для возвращения тетке. А теперь и совсем не разрешают возвратить родным мои собственные вещи, а вместе с ними и теткины. Тут очевидное недоразумение. Потому я прошу позволения передать указанные четыре вещи тетке, как мне не принадлежащие.

Кроме сего обращаюсь еще с убедительной просьбой к вашему высокопревосходительству, к которой побуждает меня невыносимость

---

[1]) Резолюция Плеве гласит: „Вещи отказать. Свидание с родными устроить до отправки". Было ли оно устроено — указаний нет. — *В. Ф.* То же дело, л.л. 91—91 об.

положения неизвестности об участи приговоренных к смерти товарищей. Мы все осуждены одним судом и одним приговором, объявлялся он нам во всех формах совместно. В общем виде и во всей совокупности представлен на усмотрение государя императора. Окончательная участь и определяется его волею. Поэтому я и прошу сообщить мне приговор в верховной санкции. Чрезвычайно тяжело не знать об участи тех, с которыми так тесно связала судьба. 20 марта 1882 года. С.-Петербургская Крепость[1]).

---

[1]) Резолюция Плеве: „Переписку воспретить. Все остальное разрешить". (Даты на прошении нет, а отослано оно комендантом крепости 22 марта 1882 г.—*В. Ф.*). Дело Департамента полиции, 3 делопроизводства. О предании суду членов террористической фракции русской социально-революционной партии Колоткевича, Михайлова, Тригони, Баранникова и др. 1882 г. № 20, л.л. 97—98.

Отдел V

К СМЕРТИ А. Д. МИХАЙЛОВА

К портретам.

Портрет А. Д. Михайлова в гимназической форме взят из 4—5 кн. „Былого“ за 1918 г. Общее выражение лица и складка губ позволяют тотчас узнать Александра Дмитриевича в возрасте 23—25 лет, каким он был в период „Земли и Воли“ и „Народной Воли“. С годами миловидное лицо гимназиста со спрятанной чуть-чуть насмешливой улыбкой обросло русой кудрявой бородой, окладистой и немного рыжеватой. Это придало лицу характер физиономии народной, чисто русской, так что в 1878 году, когда, оторвавшись от своих староверов, он приезжал в Саратов, то выглядел в своей косоворотке молодым крестьянином-великоруссом.

Только серьезные, вдумчивые серые глаза с влажным блеском обращали на себя внимание, да речь выдавала интеллигента.

Обстоятельства и условия деятельности „Исполнительного Комитета“ потребовали изменения: деревенский облик исчез, и на портрете, взятом из этой же книжки „Былого“, и снятом полицией после ареста, Михайлова можно принять за фланера с Невского проспекта с закрученными усами и видом фата.

Неестественный поворот головы еще более портит портрет, но все же нельзя сказать, чтоб он не был похож.

Третий портрет снят для этой книги с экземпляра, хранящегося в Ленинградском Музее Революции.

Михайлов в шубе, и лицо у него такое мрачное, что для нас, знавших его, больно смотреть на него.

Он снят тоже после ареста, и этим объясняется, почему у него такое выражение.

Но портрет похож и много говорит.

В. Фигнер.

Крестный путь.

Сведения об А. Д. Михайлове со времени суда над 20-ю народовольцами.

С 9—15 февраля 1882 года длился процесс.

15 февраля состоялся приговор.

25 февраля объявлен приговор в окончательной форме.

26 февраля осужденных перевели в крепость из Дома предварительного заключения.

11 марта окончился 2-недельный срок со дня объявления приговора в окончательной форме, и он вступил в законную силу.

17 марта Александр III утвердил приговор. Всем осужденным смертная казнь заменена бессрочной каторгой, кроме Суханова, которому виселица заменена расстрелянием.

17 марта министр внутренних дел, граф Игнатьев, сделал доклад царю, предлагая осужденных по процессу 20-ти не отправлять в Сибирь, а оставить в Петропавловской крепости навсегда.

19 марта, в 11—12 часов дня, комендант крепости, Ганецкий, ходил по камерам осужденных и объявлял „царскую милость“, заменившую смертную казнь бессрочной каторгой.

20 марта А. Д. Михайлов писал свое последнее письмо.

20 марта 1882 года Александр III утвердил проект Игнатьева, об оставлении осужденных в крепости навсегда.

26 марта Департамент полиции послал Ганецкому секретное предписание отправить в Алексеевский равелин 10 лиц из осужденных по списку.

В ту же ночь, т.-е. в ночь на 27 марта предписание было исполнено.

Перевели 10 человек в Алексеевский равелин: А. Д. Михайлова, Колоткевича, Фроленко, Исаева, Клеточникова, Баранникова, Тригони, Арончика, Морозова, Ланганса.

18 марта 1884 г., в 12 часов дня, умер А. Д. Михайлов, меньше чем через два года после заточения его в Алексеевский равелин.

А. П-К.

Смерть А. Д. Михайлова.

Коменданту С.-Петербургской Крепости.

Старшего врача Управления доктора Вильмса.

Рапорт.

Содержавшийся в камере № 1 Алексеевского равелина арестант, именовавшийся, по заявлению смотрителя того равелина, Александром Михайловым сего марта 18-го числа 1884 года умер в 12 часов дня от остро-катаррального воспаления обоих легких, перешедшего в сплошной отек обоих легких.

Доктор Вильмс [1].

18 марта комендант Петербургской крепости, Ганецкий, совершенно секретно писал директору Департамента полиции (за № 52): „Содержавшийся с 27 марта 1882 года в Алексеевском равелине крепости, ссыльно-каторжный государственный преступник Александр Михайлов, пользовавшийся продолжительное время врачебною помощью, сего 18-го марта, в 12 часов полдня, умер от остро-катаррального воспаления обоих легких, перешедшего в сплошной отек оных.

„Уведомляя о сем ваше превосходительство, прошу распоряжения о принятии из крепости тела умершего Михайлова для предания земле на одном из городских кладбищ и о том, кому должно быть сдано тело, меня уведомить; присовокупляя, что для устранения огласки и неудобства при принятии полициею тела, я приказал сего числа в полночь, при совершенной тайне, перенести оное в один из пустых казематов Екатерининской куртины, откуда оно и может быть принято командированными за ним лицами“.

---

[1]) Дело Управления Коменданта С.-Петербургской Крепости. По Алексеевскому равелину № 9. О смерти арестанта Алексеевского равелина Александра Михайлова, л. 2.

В тот же день Ганецкий представил краткий рапорт (№ 56) о случившемся министру внутренних дел и особо Александру III.

Письмо директора Департамента полиции к петербургскому градоначальнику П. А. Грессеру.

„Милостивый государь, Петр Апполонович. Сего числа в С.-Петербургской крепости скончался один из содержавшихся в оной ссыльно-каторжных государственных преступников.

Вследствие чего имею честь покорнейше просить распоряжения вашего превосходительства о командировании в крепость в ночь на 19 сего марта, не ранее 1 часа ночи, по бывшим примерам, пристава 1 уч. Петербургской стороны, для приема тела покойного, и о погребении его затем на одном из городских кладбищ.

При этом необходимо принять меры, чтобы место, где будет погребен скончавшийся арестант, не могло сделаться известным публике“.

Поручение в точности было выполнено, о чем 19 марта 1884 г. № (3030) петербургский градонач. Грессер совершенно конфиденциально извещал В. К. Плеве: „...В ночь на сие число из С.-Петербургской крепости принято тело умершего ссыльно-каторжного государственного преступника и сдано на приемную станцию Преображенского кладбища для предания земле“ [1]).

[1]) Эти документы заимствованы из ст. Р. Кантора—„Смерть народовольца А. Д. Михайлова“. Историко-революционный бюллетень 1922-й № 1. Стр. 24. Москва. Изд. О-ва б. политических каторжан и ссыльнопоселенцев. Подлинники хранятся в Ленингр. Историко-Революционном Архиве.—*В. Ф.*

УКАЗАТЕЛЬ.


БИБЛИОТЕКА
Инв. №

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

ОТДЕЛ II.

БИОГРАФИЯ и ВОСПОМИНАНИЯ.

ОТДЕЛ III.

СЛЕДСТВИЕ и СУД.

ОТДЕЛ IV.

ПЕРЕПИСКА и ДОКУМЕНТЫ.

ОТДЕЛ V.

К СМЕРТИ А. Д. МИХАЙЛОВА.

---

[1] Появляется в печати впервые, так же как и обе вступительные статьи отд. I.
[2] Появляется в печати впервые.